

А.А. НЕСТЕРЕНКО

Лев Толстой
и русская литература

ЧАСТЬ III

Учебное пособие

УДК 882(091)
ББК 83.3(2Рос=Рус)5
Н56

Автор: доктор филологических наук, профессор кафедры литературы УО «ВГУ им. П.М. Машерова»
Нестеренко А.А.

Рецензент: кандидат филологических наук, доцент, проректор УО «Витебский Областной государственный Институт повышения квалификации и переподготовки руководящих работников и специалистов образования» **Маханьков Ю.В.**

Учебное пособие представляет собой 3-ю часть задуманной автором серии пособий к историко-литературному спецкурсу «Творчество Л.Н. Толстого в контексте русской и мировой литературы». Автор анализирует (в продолжение 2-й части пособия) толстовские размышления, оценки и творческие параллели Л.Н. Толстого и русских писателей второй половины XIX века (А.Н. Островского, Ф.И. Тютчева, А.А. Фета, А.К. Толстого, М.Е. Салтыкова-Щедрина, Н.С. Лескова, Г.И. Успенского, В.М. Гаршина, А.П. Чехова и В.Г. Короленко), рассматривает сквозь призму толстовского взгляда творчество русских писателей рубежа XIX и XX веков (А.М. Горького, И.А. Бунина, А.И. Куприна, В.В. Вересаева и Л.Н. Андреева), а также их отношение к творчеству Л.Н. Толстого.

УДК 882(091)
ББК 83.3(2Рос=Рус)5

© Нестеренко А.А.
© УО «ВГУ им. П.М.Машерова», 2003

ГЛАВА III

ЛЕВ ТОЛСТОЙ И РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА XIX в. (2-я половина)

3. *ТОЛСТОЙ и ОСТРОВСКИЙ*

Современная Л.Н. Толстому и А.Н. Островскому критика отметила главное, чем они оказались близки, – с а м о б ы т н о с т ь литературного дарования. Будучи на 5 лет старше Толстого, Островский чуть раньше вошёл (на эти же 5 лет) в литературу, и к моменту появления в «Современнике» толстовского «Детства» был уже известным писателем. Вослед высокой оценке, данной этой повести Некрасовым как редактором «Современника» в личном письме автору, и критики не усматривали в «Детстве» никаких элементов подражательности и считали его произведением вполне самобытным. Н.Г. Чернышевский в своих «Очерках гоголевского периода русской литературы» относил Островского, вместе с Толстым, Гончаровым, Григоровичем и Тургеневым, к числу тех писателей, произведения которых «не наводят на мысль о заимствовании», «не напоминают что-либо чужое».

Находясь при штабе начальника артиллерии в Кишинёве (август 1854 г.) Толстой много читает. Он впервые знакомится с комедиями Островского «Свои люди – сочтёмся» и «Бедность не порок», из которых первую называет «прекрасной», а вторую – «чудной».

В декабре 1855 года Толстой у Тургенева читал сцены из новой комедии Островского «Не так живи, как хочется». Как вспоминал Толстой через тридцать лет, читал он эту комедию «очень хорошо»; «особенно удалась ему роль Груни – её молодое, разудалое веселье и поразившее её неожиданное горе». Толстой на всю жизнь запомнил и содержание этой комедии, и своё чтение этой комедии. «Короткая, весёлая», отозвался он об этой комедии в 1905 г., рассказав о своём чтении её у Тургенева.

В ноябре 1855 года, получив отпуск, Толстой приехал в Орёл к больному брату Дмитрию. Не в силах помочь ему, он в январе 1856 года уезжает в Москву, пробыв там около четырёх недель. Он познакомился со славянофилами С.Т. и К.С. Аксаковыми, а также с поэтессой Е.П. Ростопчиной, которой выразил своё желание познакомиться с Островским. 25 января Ростопчина писала Островскому, что с ним желает познакомиться «удивительно симпатичное существо – граф Лев Толстой»...

Лишь осенью 1856 года Толстой побывал в Москве у Островского, который произвёл на него впечатление человека доброго и вместе с тем «холодного самолюбца». Находясь в тоскливом расположении духа,

Толстой в разговоре с Аполлоном Григорьевым и Островским (в доме В.П. Боткина), как записал он в дневнике, «старался оскорбить их убеждения». «Зачем? не знаю», – с недоумением говорит он в дневнике об этом споре, отдавая себе отчёт о прошедшем дне.

Весь ноябрь и большую часть декабря 1856 года Толстой проводит в усиленной литературной работе. В дневнике его за этот период отмечено чтение «прелестной» «Обыкновенной истории» Гончарова и «слабой», по его мнению, комедии Островского «Бедная невеста».

Усиленная литературная работа Толстого в ноябре-декабре была вызвана тем, что в октябре в газетах уже появилось объявление редакции «Современника» о том, что с 1857 года четыре известнейших литератора – Григорович, Островский, Толстой и Тургенев – будут помещать все свои новые произведения исключительно в «Современнике». Участники этого «обязательного соглашения» не имели права в следующем 1857 году печататься в каких-либо журналах, кроме «Современника»...

К сожалению, потом это «соглашение» было нарушено всеми членами этой «четвёрки» (так называемый «раскол» в «Современнике»).

Причудливо переплелись имена Толстого, Островского, Боткина (теория «чистого искусства») и ... Фета в связи со статьёй Боткина о Фете. Прочитав её ещё в рукописи, Толстой остался чем-то в ней недоволен. Надо думать, что именно теория «искусства для искусства», так решительно провозглашаемая Боткиным, – та теория, всю несостоятельность которой Толстой ясно видел уже в то время, оттолкнула его от статьи Боткина.

Если говорить в целом, то Толстой в письме к автору высоко оценивает его статью о Фете как «поэтический катехизис поэзии» – и тут Боткину есть что сказать, по мнению Толстого. Но похвала здесь касается лишь п р и н ц и п о в х у д о ж е с т в е н н о с т и в поэзии Фета, изложенных Боткиным во второй, конкретно-аналитической, части статьи. Первая же, теоретическая, часть не вызвала у Толстого сочувствия.

Почему? – Потому что в ней ни слова не было сказано о «воззрении автора» в художественном произведении – об «авторской позиции», «точке зрения» автора, системе «авторского начала» в произведении. А эта категория, как убедительно показало литературоведение XX века, есть система и д е й н о-художественных средств изображения. Именно поэтому в том же самом письме Толстой, говоря о пьесе Островского «Праздничный сон до обеда», указывает недостаток этой пьесы, состоящий, по его мнению, в том, что «воззрение» автора «мелко»...

В эти годы (1856-1857), разделяя некоторые взгляды теоретиков «чистого искусства» (Боткина, Анненкова, Дружинина), Толстой начинает колебаться в своём отношении к этому «бесценному триумвирату» (его слова): 2 января 1857 года он пишет брату Сергею Николаевичу:

«Хотя я душевно люблю этих литературных друзей: Боткина, Анненкова и Дружинина, но все *умные* (курсив Толстого. – *А.Н.*) разговоры уже становятся скучны мне, хотя и были истинно полезны для меня». Такое «промежуточное» отношение вынуждало иногда быть неоткровенным (в частности, с «главным теоретиком» Дружининым).

Но эта непоследовательность – особенно в самом близком для него деле искусства – была совсем не в характере Толстого. Например, в письме к Островскому от 29 января 1857 года он высказал совершенно откровенно своё мнение как о достоинствах, так и о недостатках его новой пьесы «Доходное место», несмотря на то, что ему было известно, какого высокого мнения держался о своих пьесах сам Островский.

10 января 1857 года Толстой после долгих хлопот получил заграничный паспорт, чтобы отправиться в первое заграничное путешествие, и выехал из Петербурга в Москву.

25 января он виделся с Островским. На этот раз Островский как человек произвёл на Толстого невыгодное впечатление: «самолюбие невозможное», – записал Толстой про Островского. Он находил, что эта черта характера вредит творчеству. «Островский, – писал Толстой Боткину, – который был сочен, упруг и силен, когда я познакомился с ним прошлого года, в своём льстивом уединении, хотя так же силен, построил свою теорию, и она окрепла и засохла».

Через 9 дней тому же Боткину: «Островский – не шутя гениальный драматический писатель; но он не произведёт ничего вполне гениального, потому что сознание своей гениальности у него перешло свои границы. Это сознание у него уже теперь не сила, движущая его талант, а убеждение, оправдывающее каждое его движение».

Толстому удалось послушать чтение двух новых комедий Островского: «Праздничный сон до обеда» и «Доходное место». Суждения его об этих комедиях интересны тем, что раскрывают взгляды на литературу, которых он в то время придерживался. Относительно первой комедии Толстой писал Боткину: «Мотивы все старые, воззрение мелкое..., но талантливо очень и отделано славно». Отзыв этот не оставляет сомнения в том, что для Толстого того времени «воззрение» писателя, то есть основная мысль, тенденция, идея произведения, стояло на первом плане. Художественные достоинства произведения, как бы они ни были велики, не освобождают автора от необходимости проводить в своём произведении известное воззрение, и воззрение это не должно быть мелко.

Те же мысли высказывает теперь Толстой и в своих отзывах о другой комедии Островского – «Доходное место». «Островского «Доходное место», – записал Толстой в дневнике 25 января, – лучшее его произведение и удовлетворённая потребность выражения взяточного мира». Смысл этой необработанной, набросанной автором только для

себя, оценки комедии Островского раскрывается в письмах Толстого к Боткину и к самому автору, написанных, вероятно, в один и тот же день – 29 января. «Комедия Островского, – писал Толстой Боткину, – по моему, есть лучшее его произведение. Та же мрачная глубина, которая слышится в «Банкруте» (первоначальное название комедии «Свои люди – сочтёмся». – *А.Н.*), после него в первый раз слышится тут в мире взяточников чиновников, который пытались выразить Соллогубы, Щедрины и компания. Теперь же сказано последнее и настоящее слово. Так же, как и в «Банкруте», слышится этот сильный протест против современного быта; и как там этот быт выразился в молодом приказчике, как в «Горе от ума» в Фамусове, так здесь в старом взяточнике секретаре Юсове. Это лицо восхитительно. Вся комедия – чудо».

Самому Островскому Толстой писал, что «Доходное место» – «огромная вещь по глубине, силе, верности современного значения и по безукоризненному лицу Юсова».

Смысл сделанной Толстым оценки «Доходного места» совершенно ясен. Толстой придаёт первостепенную важность общественному (по его терминологии, «современному») значению художественного произведения. Обличение мира чиновников-взяточников представляется ему удовлетворением назревшей в обществе потребности. Общественное значение «Доходного места», по мнению Толстого, подобно общественному значению для своего времени «Горя от ума» и первой комедии Островского «Свои люди – сочтёмся», а по художественным достоинствам комедию Островского он ставит выше «Губернских очерков» Щедрина. «Протест против современного быта» есть в глазах Толстого великое достоинство комедий Грибоедова и Островского.

Интересно, что принципы оценки Толстым «Доходного места» находятся в полном противоречии с той формулой назначения искусства (общей для теоретиков «чистого искусства»), которую он сам записал в своей записной книжке 29 мая 1856 года: «Всё то, на что нужно негодовать, лучше обходить».

Стоило Толстому познакомиться с произведением обличительного характера, удовлетворяющим его художественным требованиям, как он совершенно забыл свою собственную формулу искусства, направленную против обличительной литературы.

Однако, надо сказать, в личном плане характер Островского был не адекватен восприятию Толстого и наоборот. В 1857-1858 годах Толстой несколько раз был у Островского, и Островский был у него, но особенной близости между ними не было. После одного посещения Островского Толстой отмечает в дневнике 11 ноября 1857 года, что Островский был к нему «холоден». В другой раз (27 марта 1858 года) записано даже, что Островский «несносен».

23 февраля 1860 г. Толстой пишет большое письмо Фету с обстоятельным разговором о романе Тургенева «Накануне». Тут же Толстой высказывается и по поводу другой литературной новинки того времени – драмы Островского «Гроза». «Гроза» Островского, – пишет он, – есть, по-моему, плачевное сочинение, а будет иметь успех».

Этот отзыв трудно комментировать. Может быть, Толстой имел в виду «сильный драматизм» (термин Островского, которым, наряду с другим термином – «крупный комизм», он обозначал двуединый признак реалистической драматургии) – «сильный драматизм» основной коллизии в пьесе «Гроза», кульминацией которой явилось самоубийство женщины – явление, конечно, «плачевное» в жизни, семантику обозначения которого Толстой перенёс, вероятно, и на художественные качества пьесы Островского... Но зритель со времён великих древнегреческих трагедий очищался благодаря катарсису – потрясению, являвшемуся следствием предельно трагических ситуаций – убийств и самоубийств, истязаний и самоистязаний, душевных драм. Толстой это тоже хорошо знал и учитывал в данном случае, предрекая «Грозе» «успех» у зрителей.

... Конец 1862-го – начало 1863-го года Толстой и его молодая жена С.А. Толстая (Берс) были в Москве. 23 января появляется пространная запись в дневнике, касающаяся творческой лаборатории писателя (об «эпическом роде» литературы, о регулярности писательского процесса, об отсутствии сюжетов и т.д.). В частности, его интересует такой сюжет: столкновение «любви мужа, строгой к себе, всё поглощающей, сделавшейся делом всей жизни», «с увлечением вальса, блеска, тщеславия и поэзии минуты», которому поддалась его жена. К такому сюжету, по мнению Толстого, подходит давно им прочитанная повесть Дружинина «Полинька Сакс» «и пожалуй, нынешняя драма «Грех да беда на кого не живёт». Здесь Толстой называет драму Островского «нынешней драмой» потому, что видел первую постановку её в Малом театре 21 января. Пьеса очень понравилась Толстому. «Я никогда не испытывал более сильного и ни одной фальшивой нотой не нарушенного впечатления», – записал он в дневнике 23 января.

В декабре 1863 и в январе 1864 года Толстой отвлекся от романа «Война и мир» работой над комедией «Заражённое семейство». К началу февраля 1864 года она была закончена. Толстому хотелось поставить свою комедию на сцене Малого театра в Москве. Но было уже поздно, театральный сезон заканчивался 23 февраля, и постановка комедии не состоялась.

Но Толстому хотелось узнать мнение Островского о своей комедии, он пригласил его к себе и прочитал ему пьесу. Островскому комедия не понравилась. Толстому он высказал своё мнение в смягчённой форме, сказав, что в пьесе «мало действия, надо переделать». «Куда то-

ропиться, поставь лучше на будущий год». На возражение Толстого, что его пьеса «очень современная и к будущему году не будет иметь того успеха», Островский отозвался иронически: «Что же, боишься за год поумнеют?». В письме к Некрасову от 7 марта 1864 года Островский более откровенно высказался о «Заражённом семействе»: «Когда я ещё только расхварывался, утащил меня к себе Л.Н. Толстой и прочёл мне свою новую комедию; это такое безобразие, что у меня положительно завяли уши от его чтения».

Мнение Островского, очевидно, произвело впечатление на Толстого. 24 февраля, извещая сестру о том, что он не успел поставить комедию до окончания театрального сезона, Толстой прибавлял: «Да и комедия, кажется, плоха».

В черновой редакции первой части романа «Война и мир» («1805 год») Толстой объясняет причины, по которым автор выбирает своих героев исключительно из аристократического общества. Один из доводов (а всего их шесть) – личного и отчасти литературного порядка: «Жизнь купцов (это Островский), кучеров, семинаристов (Помяловский), каторжников (Достоевский) и мужиков (Николай и Глеб Успенские) [1] для меня представляется однообразною, скучною...».

Этот довод совершенно определённо направлен против тематики разночинно-демократической литературы 60-х годов – явное влияние идей «чистого искусства» «бесценного триумвирата, и прежде всего – Дружинина. Толстой быстро избавился от этого «высокомерия» и в литературной, и в общественной деятельности. Достаточно назвать имевшие большой успех создание яснопольской школы для крестьянских детей (ещё до работы над первой частью «Войны и мира» – «1805 годом!»); работу мировым посредником в тульском суде, где решались тяжбы между помещиками и крестьянами; колоритные образы капитана Тушина, Платона Каратаева в том же романе «Война и мир»; неоконченные рассказы из деревенской жизни 1860-х годов и т.д. – вплоть до «народных рассказов» 1880-х годов и повестей «Хозяин и работник», «Холстомер»...

А свою пьесу «Заражённое семейство» и Островского Толстой вспомнил в связи с интенсивной работой над романом «Война и мир». 14 ноября 1865 года Лев Николаевич сообщил А.А. Толстой, что им написана треть всего романа. Он прибавлял при этом, что не будет печатать ничего из написанного до тех пор, пока не кончит всего романа; что будет, как он рассчитывал, лет через пять. Он не спешит со своим романом потому, что считает его несколько не связанным с современной жизнью. Он вспоминает, как в прошлом году, когда он написал комедию «Заражённое семейство» и торопился поставить её на сцене, «потому что комедия очень современна и к будущему году не будет иметь того успеха», Островский иронически заметил ему: «Ты боишься,

что очень скоро поумнеют». «Так я не боюсь в отношении своего романа», – прибавлял Толстой, объясняя своё решение не печатать роман отдельными частями».

14 апреля 1884 года состоялась беседа Л.Н. Толстого с Христиной Даниловной Алчевской – деятельницей по народному образованию, основательницей (в 1862 году) и бессменной преподавательницей Харьковской женской воскресной школы. На её вопрос, как он находит понимание народом сочинений Островского, Толстой ответил: «Прелестно. Я давно не читал Островского и не виделся с ним, а потому и впечатления от его произведений как-то улеглись и стусевались. Но по прочтении этих отзывов он вдруг опять вырос передо мной во весь рост, и я пришёл в такой азарт, что собрался одеваться и ехать к нему делиться впечатлениями, да что-то помешало».

А 22 мая 1886 года Толстым было отправлено замечательное письмо А.Н. Островскому, которое подвело итог долголетним личным и литературным отношениям между Толстым и великим драматургом. Островский получил это письмо за несколько дней до смерти (он умер скоропостижно 2 июня 1886 года).

«Любезный друг Александр Николаевич, – писал Толстой. – Письмо это передаст тебе мой друг Влад. Григор. Чертков, издающий дешёвые книги для народа. Может быть, ты знаешь наши издания и нашу программу, если нет, то Чертков сообщит тебе. Цель наша издавать то, что доступно, понятно, нужно всем, а не маленькому кружку людей, и имеет нравственное содержание, согласное с духом учения Христа. – Из всех русских писателей ни один не подходит ближе тебя к этим требованиям, и потому мы просим тебя разрешить печатание твоих сочинений в нашем издании и писать для этого издания, если бог тебе это положит на сердце. Обо всех подробностях, если ты согласишься (о чём я очень прошу и в чём почти уверен), то о всех подробностях что и как печатать и многом другом переговори с Чертковым. Я по опыту знаю, как читаются, слушаются и запоминаются твои вещи народом, и потому мне хотелось бы содействовать тому, чтобы ты стал теперь поскорее в действительности тем, что ты есть несомненно – общенародным в самом широком смысле писателем».

Чертков не застал Островского в Москве – тот уехал в деревню – имение Щелыково Костромской губернии. Туда была отправлена заказная посылка с письмом Толстого и экземпляром собрания сочинений: Чертков просил Островского «для начала» две пьесы – «Бедность не порок» и «Не так живи, как хочется».

В марте 1887 года к Толстому в Москве пришёл сын Островского и принёс подарок от своей матери, бывшей актрисы Малого театра М.В. Островской: сочинения отца и разрешение печатать в «Посреднике» обе комедии.

Интересен случай, когда творчество Островского побуждало Толстого к размышлениям о современной жизни, о закономерностях её эволюции, прогресса.

25 ноября 1895 года с дочерью Сашей и её подругой Надей Мартиновой Толстой смотрел в Малом театре комедии Островского – «Таланты и поклонники» и отрывки из двух других: «Волки и овцы», и «Лес». Как отмечено в дневнике, по дороге домой «они стали говорить про то, какой будет скоро материальный прогресс, как – электричество и т.п. И мне жалко их стало, и я им стал говорить, что я жду и мечтаю, и не только мечтаю, но и стараюсь, о другом единственно важном прогрессе – не электричества и летанья по воздуху, а о прогрессе братства, единения, любви, установления Царства Божия на земле. Они поняли, и я сказал им, что жизнь только в том и состоит, чтобы служить приближению, осуществлению этого Царства Божия. Они поняли и поверили. Серьёзные люди – дети, “их же есть Царство Божие”».

Известно крайне отрицательное отношение Толстого к творчеству Шекспира.

В декабре 1895 года в беседе с Ф.А. Страховым Толстой высказал своё мнение («дикое», как говорил сам Лев Николаевич) о Шекспире. Он критиковал пьесы «Король Лир», «Ромео и Юлия» за неестественность; «клоунада не забавляет публику, а глумится над простым народом»; «возмутительно равнодушие Шекспира, называемое объективностью: Отелло ли душил Дездемону или убивают подряд несколько человек – ему всё равно...». «Мольер художественнее Шекспира, Бомарше – и подавно. У Мольера, правда, нет такого разнообразия и глубины содержания, но зато всякая вещь хорошо отделана, художественна. Даже некоторые из первых вещей Островского художественнее некоторых шекспировских...».

В зиму 1895-1896 года Толстой побывал в народном театре на фабрике Прохорова в Москве, где давали «Мещанина во дворянстве» Мольера. Толстой был в восторге от пьесы: «Какой юмор и какая художественная правда! Превосходны эти классики». Толстой советовал фабриканту, по воспоминаниям писателя С.Т. Семёнова, «непременно познакомить его публику с «Королём Лиром» Шекспира и с «Разбойниками» Шиллера... Из русских авторов Толстой рекомендовал «Горькую судьбину» Писемского и бытовые комедии Островского: «Бедность не порок», «Не в свои сани не садись», «Не так живи, как хочется».

В апреле 1899 года литератор В.Ф. Лазурский записывает в дневнике отзывы Толстого о писателях. В частности, об Островском: «Островского он делит вообще на две половины. Первую ставит высоко, особенно «Свои люди – сочтёмся». Его трогает конец этой пьесы, когда Большов падает с высоты своего величия, зритель жалеет его и негодует на жестокого Подхалюзина. Высоко ставит также «Бедность не порок»,

«Не так живи, как хочется». Падение начинается, когда из желания угодить либеральной критике, Островский стал писать «Доходное место» и громить «тёмное царство». Жадова, этого студента-резонёра, Лев Николаевич находит из рук вон плохим... Неодобрительный отзыв его о «Грозе» известен. Недавно с Софьей Андреевной видел он в театре «Горячее сердце» и ахал от невозможности сцен. Сцену объяснения городскогоничего с просителями («А принеси законы!») находит хоть и смешной, но выдуманной».

Известный музыкант А.Б. Гольденвейзер в августе 1901 года записал: «В разговоре о русских писателях Толстой (в частности – А.Н.) сказал: «Если бы меня спросили, кого из русских писателей я считаю наиболее значительными, я назвал бы: Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Герцена, которого наши либералы забыли, Достоевского, которого они совсем не считают. Ну, а затем: Грибоедова, Островского, Тютчева...».

Свидетельство В.Ф. Лазурского, приведённое выше, подтверждается семейным врачом Толстых Д.П. Маковицким в «Яснополянских записках» (январь 1907 года). Толстой говорил: «Островский разделяется для меня на две резко отличающиеся одна от другой половины... «Свои люди – сочтёмся» – это составляет часть классической русской литературы: «Не живи, как хочется...», «Бедность не порок», «Не в свои сани не садись» и ещё маленькие, всего шесть-семь драм хорошие. Последняя «Не так живи, как хочется...», мы её вместе читали с Тургеневым, я у него жил в Петербурге; она появилась в «Современнике». Потом пошло!.. Я говорил ему про «Снегурочку». Он сказал, что и у Шекспира есть рядом с серьёзными сказочные...».

И заключить этот раздел будет логично и справедливо свидетельством Н.Г. Молодцова, биографа Толстого, который летом 1908 года (за два года до смерти писателя) расспрашивал Толстого о его старых знакомых литераторах. Толстой сказал, что он был на ты с одним только Островским. «Он мне нравился, – сказал Лев Николаевич об Островском, – своей простотой, русским складом жизни, серьёзностью и большим дарованием. Он был самобытный, оригинальный человек, ни у кого не заискивал, даже и в литературном мире».

4. *ТОЛСТОЙ и ТЮТЧЕВ*

После воинской службы, приехав в Петербург – центр литературной жизни России, – Толстой остановился у И.С. Тургенева. Там он вошёл сразу же в курс всех событий дня ведущего в то время журнала «Современник», редактором которого был Н.А. Некрасов. У Тургенева и Некрасова Толстой знакомится со многими петербургскими писателями. В частности, 23 ноября 1855 года на вечере у Тургенева он знакомится с Тютчевым, Гончаровым, Майковым, Писемским и другими.

Примерно через месяц, 28 декабря, Толстой у Некрасова слушал чтение стихов Ф.И. Тютчева. Как вспоминал Толстой впоследствии, Некрасов, Тургенев и Дружинин, подготовившие к печати первый сборник стихотворений Тютчева, настойчиво советовали ему познакомиться с произведениями этого поэта. Предубеждённый против стихов вообще, Толстой неохотно взялся за чтение Тютчева; но, познакомившись с его произведениями, сделался на всю жизнь горячим поклонником Тютчева, которого он ставил наравне с Пушкиным и Лермонтовым. Одну из заслуг Некрасова Толстой видел в том, что тот «умел ценить поэзию», и одним из первых оценил Тютчева.

Толстой в зиму 1857-1858 года неоднократно виделся с Тютчевым. В архиве Толстого сохранился автограф стихотворения Тютчева «Над этой тёмною толпой...», написанного 15 августа 1857 года. Можно предполагать, что поэт сам прочёл это стихотворение Толстому, и Толстой, восхищённый и мыслью, и формой стихотворения, обратился к нему с просьбой подарить ему автограф [2]. Но какие-то стихотворения Тютчева, которые Толстой 28 ноября слышал на вечере у Сушковых, он нашёл «плохими», как тогда же было им записано в дневнике...

9 апреля 1858 года рано утром Толстой вместе с Фетом и его женой выехал из Москвы в Ясную Поляну. «Новые радости, как выедешь из города», – записал он в дневнике.

В Ясную Поляну приехали в ночь того же дня. Фет с женой на другой день уехал в своё имение Новосёлки в восьми верстах от Мценска.

Наступление весны, как всегда, подействовало на Толстого возбуждающим и бодрящим образом.

1 мая Толстой пишет А.А. Толстой о том, как действует на него весна: «Я, должен признаться, угорел немножко от весны и в одиночестве... Бывают минуты счастья сильнее этих; но нет полнее, гармоничнее этого счастья. «И ринься бодрый, самовластный в сей животворный океан» – Тютчева «Весна», которую я всегда забываю зимой и весной невольно твержу от строчки до строчки»...

В списке книг, которые, по воспоминаниям Толстого, произвели на него наибольшее впечатление (или, как сказано в черновой редакции списка, оказали «влияние») в возрасте от 20 до 35 лет, то есть с 1848 по 1863 год, «Тютчева стихотворения» помечены: «большое».

Тютчев первый свой отзыв о произведениях Л.Н. Толстого посвятил повести «Казаки», напечатанной в 1863 году. Критика разошлась во мнениях об этом произведении. Так, П.В. Анненков очень высоко оценил «Казаков». Известная в своё время писательница Евгения Тур (псевдоним графини Е.В. Салиас де Турнемир) похвалила художественные достоинства повести. Но, перейдя к рассмотрению содержания «Казаков», Евгения Тур объявила, что это не что иное, как «поэма, где воспиты не с дюжинным, а с действительным талантом отвага, удаль, жаж-

да крови и добычи, охота за людьми, бессердечность и беспощадность дикаря-зверя. Рядом с этим дикарём-зверем унижен, умалён, изломан, изнасилован представитель цивилизованного общества» и т.п. Примитивность литературно-критического подхода к оценке выдающегося творения Л.Н. Толстого здесь очевидна.

Но, как это ни странно, и мнение Тютчева о повести Толстого «Казачьи» до известной степени приближалось к мнению Евгения Тур. Ему принадлежит следующая эпитафия на «Казачьих»:

Затею этого рассказа
Определить мы можем так:
То грязный русский наш кабак
Придвинут к высотам Кавказа.

Косвенно пересеклись взгляды Толстого и Тютчева в романе-эпопее «Война и мир» – не противоположно, а согласованно. В трактовке автором «Войны и мира» важнейших событий в жизни героев и особенно их смертей чувствуется каратаевское стремление видеть «благообразие» во всех явлениях жизни. Мы читаем в романе: «Представителю русского народа (Кутозову. – *А.Н.*) после того, как враг был уничтожен, Россия освобождена и поставлена на высшую ступень своей славы, русскому человеку как русскому делать больше было нечего. Представителю народной войны ничего не оставалось, кроме смерти. И он умер». Или: «Именно в то время, когда дела графа (Ильи Андреевича. – *А.Н.*) так запутались, что нельзя было себе представить, чем это всё кончится, если продолжится ещё год, он неожиданно умер».

В некоторых крестьянских образах классических русских писателей можно найти отдельные черты сходства с образом Платона Каратаева. Его черты заметны: и в некрасовском безымянном мужичке из стихотворения «С работы», который, проработав целый день, ложится спать голодный (хлеба нет, и печь нетоплена) и заботится о том, чтобы жена накормила Савраску, который, «сердешный», «за зиму вывез триста четыре бревна»; и в никитинском «дедушке», который «за скорби славит бога» и рад жить, но «не прочь и в могилу, в тёмный уголок»; и, конечно, в тургеневской Лукерье из рассказа «Живые мощи», для которого автор недаром взял эпитафией стихи Тютчева о долготерпении русского народа...

Престарелый князь П.А. Вяземский, в молодости друг Пушкина и Гоголя, в 1869 году выступил со своими воспоминаниями о 1812 году в журнале «Русский архив». Вяземский отдавал «полную справедливость живости рассказа в художественном отношении (в романе-эпопее Толстого «Война и мир». – *А.Н.*)»; вместе с тем он осуждал тенденцию «Войны и мира», в которой увидел «протест против 1812 года», «апел-

ляцию на мнение, установившееся о нём в народной памяти и по изустным преданиям и на авторитете русских историков этой эпохи». По мнению Вяземского, «Война и мир» вышла из «школы отрицания и унижения истории под видом новой оценки её, разуверения в народных верованиях». И Вяземский произносит такую тираду: «Безбожие опустошает небо и будущую жизнь. Историческое вольнодумство и неверие опустошают землю и жизнь настоящего отрицанием событий минувшего и отрешением народных личностей». «Это уже не скептицизм, а чисто нравственно-литературный материализм».

Эту явно консервативно-охранительскую точку, направленную против толстовской философии истории в «Войне и мире», заключающейся в том, что историю творят не отдельные личности, а народ, — эту точку зрения оспорил Ф.И. Тютчев, написавший много стихотворений на историческую тему. Он писал по поводу статьи Вяземского: «Это довольно любопытно как воспоминания и личные впечатления и весьма неудовлетворительно как литературная и философская оценка. Но натуры столь резкие, как Вяземский, являются по отношению к новым поколениям тем, чем являются для малоисследованной страны предубеждённые и враждебно настроенные посетители».

Летом 1871 года Толстой отправился на кумысное лечение в Самарскую губернию. В конце июля он был уже в Ясной Поляне.

19 августа он поехал к Фету в его Степановку. От Фета он приехал в своё имение Никольское и на станции Чернь встретился с Тютчевым, ехавшим в Москву. Толстой проехал с ним четыре станции. Разговор с Тютчевым произвёл на него сильное впечатление. По возвращении в Ясную Поляну он писал Фету: «Последняя поездка к вам была самая приятная из всех которые я делал... Оттуда встретил Тютчева в Черни и четыре станции говорил и слушал, и теперь что ни час вспоминаю этого величественного и простого и такого глубокого, настояще умного старика».

О том же писал Толстой и Н.Н. Страхову 13 сентября: «Скоро после вас я на железной дороге встретил Тютчева, и мы четыре часа проговорили. Я больше слушал. Знаете ли вы его? Это гениальный, величавый и дитя старик».

Сам Тютчев о встрече с Толстым упоминал в телеграмме, посланной им жене из Москвы 22 августа: «Утомительно, но не скучно. Много спал. Приятная встреча с автором «Войны и мира».

В начале февраля 1873 года Толстой, узнав о тяжёлой болезни Тютчева, писал тётушке Александре Андреевне: «Я слышал уже про болезнь Тютчева, и вы не поверите, как это меня трогает. Я встречался с ним раз десять в жизни, но я его люблю и считаю одним из тех несчастных людей, которые неизмеримо выше толпы, среди которой живут, и потому всегда одиноки. Как он примет смерть, которая во всяком случае близка ему?

Если ему лучше, передайте ему через кого-нибудь мою любовь».

Прочная литературная дружба Л.Н. Толстого и Н.Н. Страхова, видного литературного критика, завязалась в 1870-1871 году. Толстой увидел в Страхове своего единомышленника по многим вопросам. В упомянутом уже сентябрьском 1871 года письме к Страхову, рассказывая о своей встрече с Тютчевым, Толстой прибавлял: «Из живых я не знаю никого, кроме вас и его, с кем бы я так одинаково чувствовал и мыслил». Тут же Толстой спешит оговориться, что единомыслие его со Страховым имеет границы. «Но на известной высоте душевной, – продолжает он, – единство воззрений на жизнь не соединяет, как это бывает в наших сферах деятельности – для земных целей, а оставляет каждого независимым и свободным. Я это испытал с вами и с ним. Мы одинаково видим то, что внизу и рядом с нами; но кто мы такие и зачем и чем мы живём и куда мы пойдём, мы не знаем и сказать друг другу не можем». Но несмотря на это, «радостно по этой пустынной дороге встречать этих чуждых путешественников. И такую радость я испытал, встретясь с вами и с Тютчевым».

Поэзия Тютчева не была случайным увлечением Толстого. Например, в конце декабря 1886 года, когда Толстой принимал у себя в Хамовническом доме чету Чертковых (Владимир Григорьевич Чертков – преданный друг – единомышленник Толстого, активный деятель толстовского издательства «Посредник»), – во время беседы обсуждался состав стихотворного сборника «Гусляр», намеченного к изданию в «Посреднике». Толстой назвал своим «любимым поэтом» Тютчева и прочёл наизусть его стихотворение «Silentium».

В августе 1894 года В.Ф. Лазурский записывает суждения Толстого о Пушкине и Тютчеве: «Сила Пушкина... в лирических его произведениях и, главным образом, в прозе. Его поэмы – дребедень и ничего не стоят. А Тютчев как лирик – несравненно глубже Пушкина».

Тот же Лазурский записывает в своём дневнике отзывы Толстого о писателях, в частности: «Увлекался я когда-то Пушкиным, Лермонтовым; потом в Петербурге указали мне на Тютчева, которого я полюбил...» (1899).

В декабре 1900 года посетивший Хамовники А.Б. Гольденвейзер увидал на столике том Тютчева. «Заговорили о Тютчеве, – вспоминает молодой пианист. – На днях Льву Николаевичу попало в «Новом времени» его стихотворение «Сумерки». Он достал по этому поводу их все и читал больной...»

– Я всегда говорю, что произведение искусства или так хорошо, что меры для определения его достоинств нет – это истинное искусство. Или же оно совсем скверно. Вот я счастлив, что нашёл истинное произведение искусства. Я не могу читать без слёз. Я его запомнил. Постойте, я вам сейчас его скажу.

Лев Николаевич начал прерывающимся голосом:

– «Тени сизые смешались»...».

Д.П. Маковицкий отмечает в феврале 1905 года: «Разговор Толстого с Вогюэ о литературе и живописи... «Пушкин, Лермонтов, Тютчев – три одинаково больших поэта».

Н.Н. Гусев в своих воспоминаниях пишет (февраль 1908 года): «Толстой слушает чтение стихотворений Тютчева. Одобрил стихотворения: «На смерть Пушкина», «Фонтан», «Не то, что мните вы, природа» и не одобрил «Последнюю любовь».

Чуть больше года оставалось до кончины Л.Н. Толстого, а муза Тютчева продолжала доставлять ему благословенные минуты. По воспоминаниям Гольденвейзера, в сентябре 1909 года Толстой вдруг декламировал стихотворение другого своего любимого поэта Фета «Осенняя роза»:

Осыпал лес свои вершины,
Сад обнажил своё чело,
Дохнул сентябрь, и георгины
Дыханьем ночи обожгло.

«Как это хорошо: «Дыханьем ночи обожгло»! – сказал он. – Это совсем тютчевский приём... Как смело, и в трёх словах вся картина!». Здесь тютчевская поэзия берётся как эталон, художественная мерка.

В тот же день в разговоре с Гольденвейзером Толстой вспомнил стихотворение Тютчева «Есть в осени первоначальной...», особенно остановившись на эпитете «праздная борозда» в двестишии:

И паутины тонкий волос
Блестит на праздной борозде.

«В уменье находить такие образы и заключается искусство писать стихи, и Тютчев был великий мастер», – сказал Лев Николаевич.

В декабре 1909 года Толстой был «растроган» игрой на фортепиано сына Сергея Львовича, исполнявшего русские народные песни и потом «что-то» Шопена. «Вот это музыка – это Тютчевы, Пушкины...», – заметил он (свидетельствует Д.П. Маковицкий в своих «Яснополянских записках»).

В октябре 1910 года, за 36 дней до смерти, вспомнив «Silentium» Тютчева, которое он перечитал в «Круге чтения», Толстой сказал: «Что за удивительная вещь! Я не знаю лучше стихотворения» (А.Б. Гольденвейзер) [3].

И 24 октября 1910 года, за 13 дней до смерти, в письме к И.И. Горбунову-Посадову по поводу изданий «Посредника» для третьего отдела

Толстой советует выбрать «самые лучшие стихотворения Пушкина, Тютчева, Лермонтова, даже Державина. Если мания стихотворства так распространена, то пускай, по крайней мере, они имеют образец совершенства в этом роде», – заключил Толстой.

Таким образом, более 50 лет своей жизни Л.Н. Толстой самым серьёзным образом и неизменно интересовался и восхищался поэзией Ф.И. Тютчева, которую он ставил на уровень, а иногда и выше самых лучших её образцов в русской литературе.

5. ТОЛСТОЙ и ФЕТ

Осенью 1855 года Толстой прибыл в Петербург из Севастополя. Вероятно, в декабре произошло знакомство его с А.А. Фетом – одним из многих петербургских литераторов, с которыми отношения Толстого в то время были ровные и дружелюбные, несмотря на частые и горячие споры.

29 января 1856 года Толстой после обеда у Некрасова вместе с Тургеневым, Гончаровым, Григоровичем, Чернышевским и Дружининым слушает «предполагаемое собрание очищенных (то есть отредактированных Тургеневым. – *А.Н.*) стихотворений Фета». «Впечатление осталось отличное», – прибавляет записавший об этом чтении в своём дневнике Дружинин. К этому же времени относится, очевидно, и более близкое знакомство Толстого с Фетом, который произвёл на него очень приятное впечатление. «Фет очень мил», – записал Толстой в дневнике 4 февраля. И позднее, 12 мая, встретившись с Фетом на обеде у Некрасова, Толстой записывает: «Фет душа и славный талант».

В октябре 1857 года Толстой из Ясной Поляны приехал в Москву, где побывал у Аксаковых, у Фета, у Берсов; но вследствие ли резкости перехода от тихой деревенской жизни к рассеянной московской, Толстой в этот свой приезд в Москву большей частью находился в мрачном настроении и потому в мрачном свете видел и всё окружающее. У Аксаковых ему была неприятна «отвратительная литературная подкладка»; в Фете, несмотря на его добродушие, не понравилась Толстому «перенятая литературская вычурность», и сам Фет показался ему «самолюбив и беден» («беден» не в материальном смысле)...

В конце 1857 года Толстой, в противовес господствующему течению либерально-обличительной беллетристики, решил «дерзнуть» – вступить с ним в борьбу. Средством борьбы Толстому представилось издание нового, совершенно чуждого общественно-политическим вопросам журнала.

Слух о намерении Толстого издавать подобный журнал уже в декабре 1857 года достиг Петербурга. Е.Я. Колбасин писал Тургеневу: «От него же (Некрасова. – *А.Н.*) я услышал и другую курьёзную но-

вость: Толстой и Фет хотят издавать в Москве новый журнал – чисто эстетический, искусство для искусства! Не знаю, до какой степени это справедливо». С полным сочувствием к задуманному Толстым журналу отнёсся Панаев: «Фет с Толстым предпринимают журнал, – писал он одному знакомому в мае 1858 года. – Я уверен, что это будет превосходный журнал».

Цель журнала одна: «плакать и смеяться». Назначение – «сделаться учителем публики» в деле художественного вкуса. Журнал не хочет знать никаких литературных направлений; не хочет он знать также и «потребностей публики» (то есть, требований современности). В числе будущих сотрудников Толстой называет Тургенева, Фета, себя самого и, как он надеется, других авторов, которые будут разделять убеждения редакции; редактором, по его мнению, должен быть Боткин.

Практичный Боткин ясно видел, что чисто художественный журнал в то время не мог рассчитывать на успех. Прохладно отнёсся к этой затее и Дружинин.

На этом переписка Толстого с его литературными друзьями об издании чисто художественного журнала прекратилась. Вопрос больше не поднимался.

В зиму 1857-1858 года Толстой неоднократно виделся с Фетом и иногда проводил у него вечера «очень приятно», «славно», а иногда ему казалось, что в его отношениях с Фетом «всё что-то не то».

Сближала Толстого с Фетом любовь и чуткость Фета к искусству. Однажды после того как Фет прочёл Толстому свой перевод трагедии Шекспира «Антоний и Клеопатра», между ними завязался разговор, в котором Фет «разжёг» его «к искусству» (дневник 11 ноября 1857 года) – продолжению повести «Казачьи».

С мая 1858 года у Толстого начинается оживлённая переписка с Фетом, продолжавшаяся более двадцати лет. Кроме того, что Толстой считал Фета истинным поэтом, Фет нравился ему как человек. Фет для Толстого «милашка» (1859), «драгоценный дяденька» (1860). Сначала переписка эта носила просто дружеский характер, но затем Толстой начал сообщать Фету свои мнения о последних появлявшихся в печати литературных произведениях и о стихах самого Фета. Позднее, в 1870-х годах, в эпоху своего духовного кризиса, Толстой делился с Фетом самыми душевными своими мыслями по самым важным вопросам.

Фет был горячим поклонником художественного гения Толстого. С большим удовольствием поспешил он 12 июля 1858 года послать Толстому полученную им от Боткина вырезку из английского журнала «Continental Review», где была напечатана статья о «Детстве» Толстого с большими цитатами из этой повести и с хвалебными отзывами о ней. «Как я за вас радовался от души, – писал Фет. – Дай бог, чтобы за меня

так радовались. Некому». В этих словах Толстой увидел даже некоторую зависть Фета к его таланту, как записал он в дневнике.

В феврале 1859 года на заседании Общества любителей российской словесности, по предложению Толстого, членом Общества был выбран Фет.

Отказ Толстого от художественного творчества, о котором он с осени 1859 года неоднократно писал своим приятелям, не мог быть полным. Толстой был художником по самой своей природе, по своему призванию; художественное творчество было для него не прихотью, не развлечением, не делом временного увлечения, а непреодолимым требованием его натуры.

24 октября 1859 года, вскоре после того, как он писал Фету, что «повести писать стыдно», он признаётся тому же Фету, что, разбираясь в своих чувствах к нему, он приходит к следующему заключению: «А может быть, против моей воли и сознания, не я, а сидящая во мне... повесть заставляет любить вас. Что-то иногда так кажется. Что ни делай, а между навозом и коростой нет-нет да возьмёшь и сочинишь. Спасибо, что ещё писать себе не позволяю». Через несколько строк Толстой писал в том же письме: «А иногда так вдруг захочется быть великим человеком и так досадно, что до сих пор ещё это не сделалось. Даже поскорей торопиться вставать или доедать обед, чтобы начинать». Здесь Толстой выступает со своей обычной манерой – говорить о себе с юмором, под видом шутки излагать серьёзную мысль. Смысл этой шуточной фразы может быть только один: у Толстого появлялись иногда значительные по своему содержанию художественные замыслы, и он чувствовал себя в силах их воплотить, хотя и не приступал к их осуществлению.

В феврале 1860 года Толстой вновь на короткое время возобновил работу над «Кзаками». 16 февраля он записал в дневнике задание на этот день: «Писать казаков утром». Судя по записи следующего числа, задание это было выполнено.

Возможно, что Толстой ещё раньше, в конце января, вновь начал работу над «Кзаками». Фет в письме от 2 февраля выразил свою радость по поводу того, что он узнал от брата Толстого Сергея Николаевича о новом его приступе к работе над «Кзаками».

Толстой ответил Фету 15 февраля. Это письмо, брызжущее переполнявшей его до краёв бодростью и жизнерадостностью, характерно для того настроения, в котором находился Толстой в период увлечения школьными занятиями.

В начале письма Толстой пародирует известное стихотворение Баратынского, положенное на музыку Глинкой:

Не искушай меня без нужды
Возвратом нежности твоей...

Он пишет: «Дяденька!

Не искушай меня без нужды
Лягушкой выдумки твоей.
Мне как учителю уж чужды
Все сочиненья прежних дней.

Показания Серёжи несправедливы, никаких казаков я не пишу и писать не намерен. Извините, что так, без приготовления наношу вам этот удар. Впрочем, больше надейтесь на бога и вы утешитесь. А ожидать от меня великого я никому запретить не могу. Когда я увижу вас, драгоценный дядюшка – так мне брюхом иногда хочется подразнить вас, вызвать на закурдялены и посмотреть, как вы, отмочив пулю, открыв челюсти и подобрав язык под зубы, улыбнётесь и думаете: «Вот на-ка, выкуси!..» Хотел было описать прелестное нынче случившееся событие в моей школе, да не опишу хорошенько, лучше расскажу. Вот другое, маленькое. Мальчик богатый, сын дворника [4], видал попугая и рассказывает другим, которые не верят: “Да ты толкуй, как человек говорит”. – “Ну!” – “Да он тебя так обсрамит, что и умному человеку так не обрезонить”. – Прощайте. Обнимаю вас».

Как видим, Толстой в этом письме отрицает то, что действительно было: то, что он возобновил работу над «Казаками». Объяснить это можно только тем, что, удовлетворяя своему непреодолимому влечению к художественному творчеству, Толстой на этот раз писал только для себя и потому желал избежать всяких дальнейших расспросов и переписки относительно этого.

23 февраля 1860 года Толстой пишет Фету, где высказывает неодобрительное отношение к новому роману Тургенева «Накануне» (у автора «нет человечности и участия к лицам, а представляются уроды, которых автор бранит, а не жалеет») и драме Островского «Гроза» («плачевное сочинение, а будет иметь успех»). И далее Толстой прибавляет: «Не Островский и не Тургенев виноваты, а время». Характерные же особенности того «времени», то есть начала 1860 годов, Толстой определял тогда следующим образом: «Характер нашей эпохи (сделалось уже пошлостью) есть скептицизм вообще».

В письме к Фету Толстой выступает решительным противником господствующего направления... в этих двух важнейших пунктах: в «разрушении эстетики» (выражение Писарева) и в признании свободы любви.

Любопытна реакция Фета на это письмо Толстого. В письме от 28 февраля Фет, ничего не отвечая на замечания Толстого о «Грозе»,

писал: «Много хорошего, хотя причудливо-капризно-носовздёрнуто сказали Вы о «Накануне». Над чем посмеёшься, тому поработаешь, и Вы будете удивительно работать, пиша повести. Это я вам предрекаю с радостью. Если вы, оставшись здоровым человеком, бросите писать, это будет значить, что истории нет, и Ромул Августул не был свергнут с престола. А он был свергнут и, следовательно, и вы должны писать, вопреки вашей надменности педагога. Марфутку нужно учить, но нельзя живому человеку не учиться ежедневно самому мозгами или боками – всё равно».

Фет был свидетелем создания Толстым и повести «Казак», и романа «Декабристы». В трёх главах, написанных в 1860 году, нет ни малейшего отражения того мрачного настроения, в котором находился Толстой во время работы над этим романом. Преобладает юмористическое или сатирическое отношение к изображаемым лицам. В юмористическом свете представляется даже старый декабрист, с его детской наивностью, оторванностью от жизни.

Вдумываясь в текст романа и сравнивая его с написанным одновременно письмом к Фету от 29 октября 1869 года, нельзя не задать двух вопросов.

Как согласовать: общий дух «Декабристов», в которых нет и намёка на какой-либо пессимизм, с безысходным, казалось бы, отчаянием, которым проникнуто письмо к Фету?

И другой вопрос: как согласовать факт работы Толстого над романом с его категорическим заявлением в том же письме к Фету, что «искусство есть ложь», а он не может «любить прекрасную ложь»?

Ответ на первый вопрос следует искать в той могучей жизненной силе, в той неиссякаемой любви к жизни во всех её проявлениях, которой всегда, в особенности в свои молодые годы, был преисполнен Толстой.

Что касается второго противоречия, то, по-видимому, оно до известной степени разрешается тем, что Толстой в то время на первый план ставил свою педагогическую деятельность, а не литературную работу, и «говорить правду» старался не в форме художественных произведений, а в форме педагогических статей.

Фет, который упорно повторял Толстому, что не верит в прочность и продолжительность его отхода от литературы, не должен был ничего знать об этом, как не должен был он знать в феврале того же года о том, что Толстой (хотя и не надолго) возобновил свою работу над «Казак» [5].

В общем списке книг, которые, по воспоминаниям Толстого, произвели на него наибольшее впечатление, оказали влияние в возрасте от 20 до 35 лет (с 1848 по 1863 год) стихотворения Фета отмечены оценкой «большое».

Следует сказать, что у Толстого с Фетом была короткая размолвка в осень – зиму 1861-1862 года, связанная со ссорой между Тургеневым и Толстым, в которой Фет оказался «мировым посредником». Размолвка, к счастью, закончилась благополучно. Это произошло между 14 и 20 января 1862 года. По письму Фета к Тургеневу от 8 ноября 1874 года, дело произошло таким образом: «Однажды, делая сначала вид, что не замечает меня в театральном маскараде, Толстой вдруг подошёл ко мне и сказал: «Нет, на вас сердиться нельзя», – и протянул мне руку».

В первой и второй книжках «Русского вестника» за 1865 год появилась первая часть нового произведения Толстого, озаглавленного «Тысяча восемьсот пятый год». Эта часть соответствует первой части первого тома «Войны и мира».

С появлением в печати нового сочинения Толстой ещё больше, чем прежде, почувствовал себя писателем. Фету 23 января 1865 года он писал в шутовском тоне, но серьёзно по мысли: «А знаете, какой я вам про себя скажу сюрприз: как меня стукнула об землю лошадь и сломала руку, когда я после дурмана очнулся, я сказал себе, что я – литератор. И я литератор, но уединённый, потихонечку литератор». Этими словами Толстой, очевидно, хотел сказать, что он не стоит и не намерен встать близко к литературным кругам и к редакциям журналов, что, очевидно, не мешает ему сознавать себя писателем.

Толстому хочется узнать суждение о первой части его романа тех лиц, мнением которых он особенно дорожит. К числу таких лиц он относит Фета, к которому обращается с такими словами: «Ваше мнение, да ещё мнение человека, которого я не люблю тем более, чем более я вырастаю большой, мне дорого – Тургенева». Но Толстому хочется узнать мнение также и рядовых читателей: «Напишите, – просит он Фета, – что будут говорить в знакомых вам различных местах и, главное, как на массу. Верно, пройдёт незамеченно. Я жду этого и желаю. Только б не ругали, – говорит Толстой далее, – а то ругательства расстраивают» трудный процесс работы.

Была одна область общественной жизни, к которой Толстой никак не мог остаться равнодушным. Это – жизнь народа, «жизнь мужиков».

В мае 1865 года в Тульской губернии стояла сильная засуха. 16 мая по этому поводу он писал Фету: «Последнее время я своими делами (хозяйственными. – А.Н.) доволен, но общий ход дел, то есть предстоящее народное бедствие голода, с каждым днём мучает меня больше и больше. Так странно и даже хорошо и страшно. У нас за столом редиска розовая, жёлтое масло, молодые наши дамы в кисейных платках рады, что жарко и тень, а там этот злой чёрт – голод делает уже своё дело, покрывает поля лебедой, разводит трещины по высохнувшей земле и обдирает мозольные пятки мужиков и баб и трескает копыта скотины и всех их проберёт и расшевелит, пожалуй, так, что и нам под тенистыми

липами в кисейных платках и с жёлтым сливочным маслом на расписном блюде – достанется. Право, страшная у нас погода, хлеба и луга. Как у вас? Напишите повернее и поподробнее». Толстой не только видел угрожающую помещикам опасность, но и признавал нравственную незаконность своего положения обеспеченного землевладельца среди окружающей бедноты.

С наступлением лета 1865 года работа над романом «Война и мир» прекратилась. Толстой, как это бывало с ним в 60-е и 70-е годы, усиленно занялся хозяйством. Однако эти занятия теперь уже не стояли для него на первом плане, как это было в первый год после женитьбы (осень 1862 года и далее). Как писал он Фету 16 мая 1865 года, он «перепряг свою колесницу» – в корень запряг «мысль и художество», а хозяйство – на пристяжку, и тогда «гораздо покойнее поехал». Поэтому его творческие усилия по-прежнему сосредоточивались главным образом на продолжении романа.

Толстого не покидало чувство бодрости и уверенности в своих силах и глубокой удовлетворённости своей работой. В декабре 1865 года он писал Фету: «Я довольно много написал нынешнюю осень – своего романа. *Ars longa, vita brevis* (искусство продолжительно, жизнь коротка. – *А.Н.*), думаю я всякий день. Коли бы можно бы было успеть 1/100 долю исполнить того, что понимаешь, но выходит только 1/10 000 часть. Вы знаете это чувство. Я нынешний год с особенной силой его испытываю».

21 декабря 1865 года Толстой закончил «третью часть» «1805 года» (или вторую часть первого тома «Войны и мира»).

В мае 1866 года в письме к Фету Толстой повторил, что надеется кончить свой роман к новому году и издать всё отдельной книгой, прибавляя, что работой своей («особенно до яркого тепла») он «доволен чрезвычайно». Вновь просит Толстой Фета высказать своё мнение о его романе, но теперь уже с такой характерной оговоркой: «Я очень дорожу вашим мнением, но, как вам говорил, я столько положил труда, времени и того безумного авторского усилия (которое вы знаете), так люблю своё писание, особенно будущее – 1812 год, которым теперь занят, что не боюсь осуждения даже тех, кем дорожу, а рад осуждению...».

А.А. Фет был заинтересованным свидетелем толстовской педагогической деятельности конца 50-х – начала 60-х годов. Затем, к 1863 году прекратив свои занятия в яснополянской школе, Толстой не переставал интересоваться педагогическими вопросами. 10 апреля 1865 года Толстой, как отмечено у него в дневнике, «записал кое-что по педагогике».

16 мая того же года в своём ответе Фету, сообщавшему о работе над какой-то статьёй, в которой он имел намерение сказать о яснополянской школе, Толстой ответил: «На ваш вопрос упомянуть о «Ясной Поляне» – школе, я отвечаю отрицательно. Хотя ваши доводы и спра-

ведливы, но про неё («Ясную Поляну» – журнал. – А.К.) забыли, и мне не хочется напоминать, – не потому, чтобы я отрекался от выраженного там, но напротив, потому, что не перестаю думать об этом, и ежели бог даст жизни, надеюсь ещё из всего этого составить книги с тем заключением, которое вышло для меня из моего трёхлетнего страстного увлечения этим делом».

В период напряжённой работы над «Войной и миром» Толстой иногда страдал от сознания одиночества, от отсутствия близкого друга, с которым он мог бы делиться своими самыми задушевными мыслями и чувствами. В то время он был дружен только с Фетом и А.А. Толстой. Фету Толстой писал в мае 1866 года: «Вы по душе мне один из самых близких». Затем ему же 7 ноября: «Вы человек, которого, не говоря о другом, по уму я ценю выше всех моих знакомых и который в личном общении даёт один мне тот другой хлеб, которым, кроме *единого* (курсив Толстого. – А.Н.), будет сыт человек. Но, разумеется, Фет всё-таки не был для Толстого настолько близким другом, чтобы он мог свободно поверить ему те свои мысли и чувства, которые он «со слезами» и волнением выражал в своём произведении, а тем более такие мысли и чувства, которые он таил в себе и не высказывал в произведениях. Ещё менее могла быть таким другом жившая при дворе А.А. Толстая – при всей её искренней и горячей любви к своему племяннику.

... В январе 1868 года были отосланы в набор первые главы пятого тома «Войны и мира». Фет оставил следующее воспоминание о встречах с Толстым в Москве зимою 1868 года: «Лев Николаевич был в самом разгаре писания «Войны и мира», и я, знавший его в периоды непосредственного творчества, постоянно любовался им, любовался его чуткостью и впечатлительностью, которую можно бы сравнить с большим и тонким стеклянным колоколом, звучащим при малейшем сотрясении».

Первые четыре тома «Войны и мира» имели шумный успех и быстро разошлись. Понадобилось второе издание, которое и было выпущено в октябре 1868 года. Пятый и шестой тома романа вышли в одном издании, отпечатанном увеличенным тиражом.

Работа над шестым томом пошла гораздо быстрее, чем над пятым.

Напряжённые размышления о судьбах человечества, о роли личности в истории, о значении разума в человеческой жизни, изложенные Толстым в эпилоге к «Войне и миру», вызвали в нём желание заняться изучением философских систем разных мыслителей. Летом 1869 года Толстой, по словам его жены, «читал и занимался философией, восхищался Шопенгауэром, считал Гегеля пустым набором фраз» («Дневники Софьи Андреевны Толстой. 1860 – 1891»).

Фета, который посетил Ясную Поляну в первые месяцы 1869 года, Толстой расспрашивал о Шопенгауэре. Фет, в то время, очевидно, не-

достаточно знакомый с работами этого философа, сказал Толстому, что Шопенгауэр «так себе кое-что писал о философских предметах».

Летом 1869 года Толстой пристально занялся изучением философии Шопенгауэра. 30 августа он писал Фету: «Знаете ли, что было для меня нынешнее лето? – неперестающий восторг перед Шопенгауэром и ряд духовных наслаждений, которых я никогда не испытывал. Я выписал все его сочинения и читал и читаю (прочёл и Канта). И, верно, ни один студент в свой курс не учился так много и столь многого не узнал, как я в нынешнее лето.

Не знаю, переменю ли я когда мнение, но теперь я уверен, что Шопенгауэр гениальнейший из людей... Это весь мир в невероятно ясном и красивом отражении.

Я начал переводить его. Не возьмётесь ли вы за перевод его.

Мы бы издали вместе»...

... Отношение Толстого к Фету как к поэту ярко выразилось в письме, написанном в мае 1866 года. Здесь Толстой говорит, что с наступлением весны он много раз вспоминал стихотворения Фета, посвящённые весне. «И «кругами обвело», и «верба пушистая», и «незримые усилия» – несколько раз прочлись мне, который не помнит стихов», – писал Толстой. (Он имел в виду стихотворения Фета: «Опять незримые усилия...» и «Уж верба вся пушистая...»).

Высоко ценя Фета как поэта, Толстой в то же время продолжал считать его близким себе по натуре человеком, во многих письмах выражал желание видетсья с ним и приглашал его к себе. «Иногда душит неудовлетворённая потребность в родственной натуре, как ваша, чтобы высказать всё накопившееся», – писал Толстой Фету 30 августа 1869 года.

Одно из ярких проявлений этой родственности натур своей и Фета Толстой видел в следующем рассуждении Фета, написанном им в письме от 28 февраля 1867 года, вскоре после посещения Ясной Поляны: «Как жаль, что я не узнал от вас, умно ли ваше сердце или нет? У вас умная голова, но мне вы человек дорогой и мне этого мало. – Все доказательства, умные и глупые, только орудия ума сердца, то есть внутренней суммы убеждений – аксиом, – а ум головной только к услугам сердца, чтобы наилучшим образом отстоять то, что желает сердце. Бывает сердце тупое, а голова отличная – Руссо. Бывает сердце умное, а голова дура – легион – «их же имена ты веши, господи». Бывает сердце орёл – голова орёл – Гёте. Или книга, которую я читаю: «Blücher, Seine Zeit und sein Leben» von d-r Iohannes Scherr («Блюхер, его время и жизнь» Иоганна Шерра. – *А.Н.*) – голова отличная – умница – сердце – и подлец – и тупица».

На это письмо Толстой с большим опозданием ответил 28 июня: «От этого-то мы и любим друг друга, что одинаково думаем *умом сердца* (курсив Толстого. – *А.Н.*), как вы называете. (Ещё за это письмо вам

спасибо большое. *Ум ума и ум сердца* (курсив Толстого. – *А.Н.*) – это мне многое объяснило)».

Мысль, выраженная Фетом в этих словах, действительно была вполне родственна Толстому. Ещё в первой редакции «Детства», написанной в 1851 году, Толстой различал то, что пишется «из сердца», и то, что пишется «из головы». Много лет спустя Толстой повторил ту же мысль в записи дневника 14 апреля 1895 года: «Есть сердечная духовная работа, облечённая в мысли. Эта настоящая, и эту любит Серёжа (брат. – *А.Н.*) и я, и все понимающие. И есть работа мысли без сердца, а с чучелой вместо сердца, это то, чем полны журналы и книги».

Можно думать, однако, что «родственность натур» его и Фета представлялась Толстому более близкой, чем она была в действительности. Его встречи с Фетом были очень редки и непродолжительны. Если бы встречи происходили чаще и были более продолжительны, то, вероятно, и Толстой, и Фет убедились бы, что в основных взглядах на жизнь между ними уже в то время существовало большое различие и что настоящими друзьями они быть не могут.

Но творческие интересы и взаимный интерес друг к другу в этом плане всегда присутствовали в отношениях между Толстым и Фетом. Вот пример.

В войне 1805 года участвуют главные герои романа – Андрей Балконский и Николай Ростов; но изображение военных событий не является фоном для рассказа о жизни этих героев и для раскрытия их характеров, а имеет самостоятельное значение. Напротив, раскрытие характеров действующих лиц в этой части замедляется именно вследствие того, что внимание автора направлено прежде всего на изображение войны и военной обстановки. Это удостоверено самим Толстым в переписке с Фетом, который в письме от 16 июня 1866 года высказал мнение, что образ князя Андрея в напечатанных частях «1805 года» бледен, что он обладает только одним отрицательным достоинством – «порядочностью»; поэтому он не может быть «героем, способным представить нить, на которую поддевают внимание читателя». В ответном письме от 7 ноября Толстой выразил согласие с замечанием Фета, но дал такое объяснение указанному недостатку: «Кроме замысла характеров и движения их, кроме замысла столкновений характеров, есть у меня ещё замысел исторический, который чрезвычайно усложняет мою работу... И от этого в первой части я занялся исторической стороной, а характер стоит и не движется...».

Решив начать печатание своего романа отдельным изданием, Толстой стал готовить первый том, который должен был заканчиваться Тильзитским миром. Он начал заново редактировать как текст «1805 года», так и его ненапечатанное продолжение. При этом Толстой, как писал он Фету 7 ноября 1866 года, особенное внимание обращал на «дви-

жение характеров» («диалектику души») главных героев, что раньше, когда он был занят преимущественно военно-исторической стороной романа, стояло на втором плане.

Уже работая над романом «Анна Каренина», Толстой испытал потребность убедить Фета в правильности своего решения образа Наташи-матери в эпилоге романа, так же, как и княжны Марьи. Такое изображение вытекало из того культа материнства, который в то время с такой убеждённостью проповедовал Толстой. Он признавал, что призвание матери есть высшее призвание женщины, или, как выразился он в письме к Фету от 18 ноября 1873 года, что «материнское сердце» есть «удивительное, высшее проявление божества на земле».

Толстой очень дорожил философскими взглядами, изложенными им в «Войне и мире» и в статье «Несколько слов по поводу книги «Война и мир». В мае 1869 года Фет отправил Толстому не дошедшее до нас сочувственное письмо по поводу философско-исторических глав «Войны и мира». В ответ Толстой писал ему 10 мая: «Участие ваше к моему эпилогу меня тронуло... То, что я написал, особенно в эпилоге, не выдуманно мной, а выворочено с болью из моей утробы».

Из писателей, близких знакомых Толстого, особенный интерес к «Войне и миру» проявили, разумеется, Фет и Боткин.

Сохранились только два письма Фета о «Войне и мире»; вероятно, их было больше. Кроме письма от 16 июня 1866 года, приведённого выше, существует ещё одно, написанное по окончании чтения последнего тома «Войны и мира» от 1 января 1870 года. Фет писал: «Сию минуту кончил 6-й том «Войны и мира» и рад, что отношусь к нему совершенно свободно, хотя штурмую с вами рядом. Какая милая и умная *женщина* (курсив Фета. – А.Н.) княг. Черкасская, как я обрадовался, когда она меня спросила: «будет ли он продолжать? Тут всё так и просится в продолжение – этот 15-летний Болконский, очевидно, будущий декабрист». Какая пышная похвала руке мастера, у которого всё выходит живое, чуткое. Но ради бога не думайте о продолжении этого романа. Все они пошли спать вовремя, и будить их опять будет для этого романа, круглого, уже не продолжение, а канитель. Чувство меры так же необходимо художнику, как и сила. Кстати, даже недоброжелатели, т.е. не понимающие интеллектуальной стороны Вашего дела, говорят: по силе он феномен, он точно *слон* (курсив Фета. – А.Н.) между нами ходит... У Вас руки мастера, пальцы, которые чувствуют, что тут надо надавить, потому что в искусстве это выйдет лучше, – а это само собой всплывёт. Это чувство осязания, которого обсуждать отвлечённо нельзя. Но следы этих пальцев можно указать на созданной фигуре, и то нужен глаз да глаз. Не стану распространяться о тех криках по поводу 6 части: «как это грубо, цинично, неблаговоспитанно» и т.д. Приходилось и это слышать. Это не более, как рабство перед книжками. Такого конца в книж-

ках нет – ну, стало быть, никуда не годится, потому что *свобода* (курсив Фета. – А.Н.) требует, чтобы книжки были все похожи и толковали на разных языках одно и то же. А то книжка – и не похоже – на что же это похоже! Так как то, что в этом случае кричат дураки, не ими найдено, а художниками, то в этом крике доля правды. Если бы Вы, подобно всей древности, подобно Шекспиру, Шиллеру, Гёте и Пушкину, были певцом героев, Вы бы не должны сметь класть их спать с детьми. Орест, Електра, Гамлет, Офелия, даже Герман и Доротея существуют как герои, и им возиться с детьми невозможно, как невозможно Клеопатре в день пиршества кормить грудью ребёнка. Но вы выработали перед нами будничную изнанку жизни, беспрестанно указывая на органический рост на ней блестящей чешуи героического. На этом основании, на основании правды и полного гражданского права будничной жизни, Вы обязаны были продолжать указывать на неё до конца, независимо от того, что эта жизнь дошла до конца героического Knalleffekt (разительного эффекта. – А.Н.). Эта лишне пройденная дорожка вытекает прямо из того, что Вы с начала пути пошли на гору не по правому обычному ущелью, а по левому. Не этот неизбежный конец – нововведение, а нововведение самая задача. Признавая прекрасным, плодотворным замысел, необходимо признать и его следствие. Но тут является художественное *но* (курсив Фета. – А.Н.). Вы пишете подкладку вместо лица, Вы перевернули содержание. Вы вольный художник, и Вы вполне правы. «Ты сам свой высший суд». – Но художественные законы (курсив Фета. – А.Н.) для всяческого содержания неизменны и неизбежны как смерть. И первый закон *единство представления* (курсив Фета. – А.Н.). Это единство в искусстве достигается совсем не так, как в жизни. Ах! Бумаги мало, а кратко сказать не умею!.. Художник хотел нам показать, как настоящая женская духовная красота отпечатывается под станком брака, и художник вполне прав. Мы поняли, почему Наташа сбросила Knalleffekt, поняли, что её не тянет петь, а тянет ревновать и напряжённо кормить детей. Поняли, что ей не нужно обдумывать пояса, ленты и колечки локонов. Всё это не вредит целому представлению о её духовной красоте. Но зачем было напирать на то, что она стала *неряха* (курсив Фета. – А.Н.). Это может быть в действительности, но это нестерпимый натурализм в искусстве. Это шаржа, нарушающая гармонию».

Сам же Толстой, создавая «Войну и мир», находился в том состоянии высокого духовного подъёма, о котором он писал Фету по поводу одного из его стихотворений: «Я знаю то счастье, которое оно вам дало сознанием того, что оно прекрасно..., что оно – вы».

Творческие взаимосвязи между Толстым и Фетом продолжались и после «Войны и мира».

В дневнике Софьи Андреевны мы читаем (запись от 15 февраля 1870 года): «Вчера вечером много говорил Лёвочка о Шекспире и очень

им восхищался, признаёт в нём огромный драматический талант. Про Гёте говорил, что он эстетик, изящен, пропорционален, но что драматического таланта у него нет, что в этом он слаб, и всё собирается поговорить с Фетом о Гёте, которым Фет так восхищается».

16 февраля Толстой пишет Фету: «... я ничего не пишу, но говорить о Шекспире, о Гёте и вообще о драме очень хочется. Целую зиму нынешнюю я занят только драмой вообще и, как это всегда случается с людьми, которые до сорока лет никогда не думали о каком-нибудь предмете, не составили себе о нём никакого понятия, вдруг с сорокалетней ясностью обратят внимание на новый, не нанюханный предмет им всегда кажется, что они видят в нём много нового».

Далее Толстой сообщал, что когда он больной лежит в постели, лица задуманной им драмы или комедии «начинают действовать и очень хорошо представляют».

О том, какими именно мыслями о драме и комедии хотелось Толстому поделиться с Фетом, узнаём из двух его записей от 2 и 3 февраля 1870 года.

Первая касается трагедии вообще. Толстой говорит, что трагедия «при психологическом развитии нашего времени страшно трудна». Поэтому такие вещи, как «Ифигения» и «Эгмонт» Гёте, «Генрих IV» и «Кориолан» Шекспира, «ни читать, ни давать их нет возможности». Это, по мнению Толстого, относится и к «Борису Годунову» Пушкина, являющемуся подражанием Шекспиру и написанному непоэтическим белым стихом.

Во второй записи Толстой, признавая образцовыми произведениями «Горе от ума» и «Ревизор», относит их к «самому мелкому, слабому роду» драматической литературы – сатирическому. Всё же «остальное огромное поле – не сатиры, но поэзии – ещё не тронуто».

20 февраля Толстой отправился к Фету в его имение Степановку, чтобы поделиться с ним своими мыслями о драме и комедии. В разговоре Фет почему-то высказал мнение, что Толстому не свойственен драматический род искусства. Он прочёл Толстому свою новую повесть «Семейство Гольц», которой Толстой остался не вполне доволен. По возвращении в Ясную Поляну он 21 февраля писал Фету: «Вы... лишнее должны всё выкинуть и сделать из всего, как Анненков говорит, «перло». Добывайте золото просеиванием. Просто сядьте и весь рассказ с начала перепишите, критикуя сами себя, и тогда дайте мне прочесть».

Всё лето 1870 года Толстой ничего не пишет, но много работает и в поле, и в саду.

11 мая, получив от Фета письмо с текстом его нового стихотворения «Майская ночь», Толстой свой ответ Фету начал такими словами: «Я получил ваше письмо, любезный друг Афанасий Афанасьевич, воз-

вращаясь потный с работы, с топором и заступом, следовательно, за тысячу вёрст от всего искусственного, и в особенности от нашего дела».

Здесь Толстой, несмотря на то, что сам чувствует себя «за тысячу вёрст от всего искусственного», всё-таки называет поэзию «нашим делом». Не то читаем мы в следующем письме к Фету, написанном через месяц: «Я, благодарю бога, нынешнее лето глуп, как лошадь. Работаю, рублю, копаю, кошу и о противной лит-т-тературе и лит-т-тераторах, слава богу, не думаю».

С Фетом Толстой продолжал переписку по вопросам литературным и философским, иногда и хозяйственным. Он рассказывал Фету о своих работах и высказывал свои мнения о различных литературных произведениях. Фет прислал ему на суд свои последние стихи.

Толстой внимательно вчитывался в каждую строчку новых стихотворений Фета и в письмах к нему откровенно высказывался как о достоинствах, так и о недостатках его стихов. Так, относительно стихотворения «Майская ночь» Толстой писал Фету 11 мая 1870 года: «Стихотворение одно из тех редких, в которых ни слова прибавить, убавить или изменить нельзя; оно живое *само* (курсив Толстого. – А.Н.) и прелестно».

Это письмо Толстого Фет напечатал в своих воспоминаниях.

Иной отзыв вызвало со стороны Толстого написанное в том же году стихотворение Фета «После бури», о котором он писал автору 1 декабря 1870 года: «Стихотворение, которое вы мне прислали, одно из *прекрасных* (курсив Толстого. – А.Н.); но последняя строфа, прекрасная по мысли, не готова. «Утлый чёлн» и «паруса» несогласно. Я уверен, что вы уж перелили эту строфу».

Но Фет не любил возвращаться к своим прежним стихотворениям. Забракованную Толстым строфу он не «перелил», а письмо Толстого в своих воспоминаниях не напечатал.

Спонтанное, накотившей волной на Толстого, неожиданное для многих увлечение древнегреческим языком, тоже не было скрыто от Фета. Наоборот, он очень откровенно делился с ним своей страстью, может быть, преувеличивая её. В конце 1870 года он писал Фету: «...с утра до ночи учусь по-гречески... Невероятно и ни на что не похоже, но я прочёл Ксенофонта и теперь *à livre ouvert* читаю его. Для Гомера же нужен только лексикон и немного напряжения... Как я счастлив, что на меня бог наслад эту дурь... Я радуюсь тому, что я не пишу (художественных произведений. – А.Н.) и писать дребедени многословной вроде «Войны» я больше никогда не стану. И виноват, и ей-богу никогда не буду». И далее Толстой поёт дифирамб в честь древнегреческого языка и литературы, возвышая их над русской изящной словесностью.

Следующее толстовское увлечение – второй этап педагогической деятельности в 70-е годы. И здесь Фет был одним из самых доверительных собеседников Толстого. 16 марта 1872 года Толстой извещал Фета:

«Азбука моя не даёт мне покоя для другого занятия. Печатанье идёт черепашьими шагами, и чёрт знает, когда кончится, а я всё прибавляю, убавляю и изменяю. Что из этого выйдет, не знаю, а положил я в него всю душу».

Месяцем раньше: «...Я опять завёл школу; и жена, и дети, мы все учим, и все довольны»; «Я кончил свои Азбуки, печатаю и принимаюсь за задушевное сочинение, которого не только в письме, но и на словах едва ли расскажу, несмотря на то, что вы тот, кому можно рассказать» (речь идёт о будущих «Четырёх русских книгах для чтения». – А.Н.).

Или вот новый замысел 1873 года – романа из эпохи Петра I. Снова нужен Толстому Фет: 30 января он жалуется ему: «Я ужасно не в духе», и это потому что «работа затеянная страшно трудна; подготовке, изучению нет конца, план всё увеличивается, а сил... всё меньше и меньше». И ещё были письма на эту же тему.

Наконец, работа над третьим романом (после «Семейного счастья» и «Войны и мира») – «Анна Каренина»...

Фет в середине февраля писал Толстому: «Что сказать про художественное мастерство в целом? Про простую столярную работу. Какое мастерство вводить новые лица! Какое прелестное описание бала! Какой великолепный замысел сюжета! Герой Левин – это Лев Николаевич человек (не поэт), тут и В. Перфильев, и рассудительный Сухотин, и все и вся, но возведённое в перл создания. Я хохотал, как дурак, когда Левин с отчаяния, побежал, соскакивая, в коньках с лестницы...». (Фет догадывался, что прототипами Каренина и Облонского послужили его общие с Толстым знакомые: прототипом Каренина – С.М. Сухотин, а прототипом Облонского – В.С. Перфильев).

В 1875 году Толстой поехал в Самарские степи на лечение кумысом. И в этой поездке он не порывал связи с Фетом. В письме от 25 августа он писал ему: «К чему занесла меня туда (в Самару) судьба – не знаю; но знаю, что я слушал речи в английском парламенте (ведь это остаётся очень важным), и мне скучно и ничтожно было. Но что там – мухи, нечистота, мужики, башкирцы, а я с напряжённым уважением, страхом проглядеть, вслушиваюсь, вглядываюсь и чувствую, что всё это очень важно».

Как пишет Толстой в этом письме, ему особенно интересно было видеть «совершающуюся на глазах борьбу кочевого быта (миллионов на громадных пространствах) с земледельческим, первобытным».

23 августа Толстые вернулись в Ясную Поляну, и Лев Николаевич возвращается к «скучной, пошлой» «Анне Карениной». Толстой пишет Фету: «Я два месяца не пачкал рук чернилами и сердца – мыслями, теперь же берусь за скучную, пошлую Каренину с одним желанием: поскорее опростать себе место – досуг для других занятий, но только не

педагогических, которые люблю, но хочу бросить. Они слишком много берут времени»...

Фет был одним из немногих, с кем делился Толстой своим пониманием религии.

Усиленный интерес к религиозному пониманию жизни начал проявляться с 1873 года. 30 января в письме к Фету по поводу смерти маленького племянника Толстой впервые высказал своё отношение к религиозным обрядам. Он писал, что он и брат во время похорон ребёнка чувствовали «почти отвращение к обрядности», но позднее он понял, что церковный обряд отпевания наилучшим образом выражает «значительность и важность, торжественность и религиозный ужас перед этим величайшим в жизни каждого человека событием», что славянские слова молитв отзываются «тем самым метафорическим восторгом, когда задумаешься о нирване» и что «религия уже тем удивительна, что она столько веков стольким миллионом людей оказывала ту услугу, наибольшую услугу, которую может в этом деле оказать что-либо человеческое». Религия – «бессмыслица», но она очень «годится для этого дела», и «что-то в ней есть».

Но художественная работа не «отпускала» Толстого. 26 октября 1875 года он пишет Фету: «Страшная вещь наша работа. Кроме нас, никто этого не знает. Для того, чтобы работать, нужно, чтобы выросли под ногами подмости. И эти подмости зависят не от тебя. Если станешь работать без подмостков, только потратишь материал и завалишь без толку такие стены, которых и продолжать нельзя. Особенно это чувствуется, когда работа начата. Всё кажется: отчего ж не продолжать? Хватить-похватить, не достают руки, и сидишь дожидаясь. Так и сидел я. Теперь, кажется, подросли подмости, и засучиваю рукава».

В ожидании творческого подъёма Толстой усиленно занимается чтением. Он «упивается» песнями кавказских горцев, прочитанными им в сборнике, изданном в Тифлисе, в которых находит «сокровища поэтические необычайные». Три из этих песен он посылает Фету. Фет перелагает их в стихи и своё переложение посылает на суд Толстому...

А работа над «Анной Карениной» продвигалась тяжело. Осенью 1875 года тяжело заболела Софья Андреевна, которая преждевременно родила девочку, которую назвали Варварой и которая умерла через час. Жена Толстого была при смерти. В декабре скончалась в Ясной Поляне в возрасте 78 лет тётюшка Льва Николаевича, родная сестра его отца, Пелагея Ильинична Юшкова. Про это время Толстой написал: «Вообще была для меня нравственно очень тяжёлая зима (1875-1876 годы. – А.Н.)».

Тем не менее, по весне Толстой пишет Фету, что всё мечтает «окончить роман до лета», но сомневается, удастся ли ему это.

26 марта Фет в письме к Толстому делится своими впечатлениями от чтения напечатанных последних частей «Анны Карениной»: «Есть и

в Карениной скучноватые главы. Мне скажут: «Они необходимы для связи целого». Я скажу: «Это не моё дело». – Но зато всё целое и подробности – это червонное золото. В некоторых операх есть трио без музыки: все три голоса (в Роберте) поют своё, а вместе выходит, что душа улетает на седьмое небо. Такое трио поют у постели больной Каренина, муж и Вронский. Какое содержание и какая форма! Я уверен, что Вы сами достигаете этой высоты только в минуты светлого вдохновения...

А небось, чуют они все, что этот роман есть строгий неподкупный суд всему нашему строю жизни. От мужика до говядины принца. Чуют, что над ними есть глаз, иначе вооружённый, чем их слепорождённые гляделки. То, что им кажется несомненно честным, хорошим, желательным, изящным, завидным, оказывается тупым, грубым, бессмысленным и смешным».

Под влиянием философии Шопенгауэра, которой увлекались Толстой и Фет, они обменялись мыслями на счёт жизни и смерти. 29 апреля 1876 года Толстой ответил на письмо Фета от 8 марта, в котором его поразили слова: «Было одно время так плохо, что хотел просить вас приехать посмотреть, как уйду». Толстой писал: «Я благодарен вам за мысль позвать меня посмотреть, как вы будете уходить, когда вы думали, что близко. Я то же сделаю, когда соберусь *туда* (курсив Толстого. – А.Н.), если буду в силах думать. Нам с вами не помогут попы, которых призовут в эту минуту наши жёны; но мне в эту минуту так не нужно бы было никого, как вас и моего брата. Перед смертью дорого и радостно общение с людьми, которые в этой жизни смотрят за пределы её, а вы и редкие *настоящие* (курсив Толстого. – А.Н.), с которыми я сходил в жизни, несмотря на здоровое отношение к жизни, всегда стоят на самом краюшке и ясно видят жизнь только оттого, что глядят то в нирвану – в беспредельность, неизвестность, то в сансару, и этот взгляд в нирвану укрепляет зрение. А люди житейские – попы и т.п., сколько они ни говорят о боге, неприятны нашему брату и должны быть мучительны во время смерти, потому что они не видят того, что мы видим, – именно того бога, более неопределённого, более далёкого, но более высокого и несомненного...

Бог Саваоф с сыном, бог попов есть такой же маленький и уродливый, невозможный бог (и ещё гораздо более невозможный, чем для попов был бы бог мух, которого бы мухи себе воображали огромной мухой, озабоченной только благополучием и исправлением мух».

«Вы больны, – писал далее Толстой, – и думаете о смерти, а я здоров и не перестаю думать о том же и готовиться к ней. Посмотрим, кто прежде».

«А впрочем, – вдруг неожиданно заканчивает Толстой своё письмо стихами Беранже:

Mourir vient de soi-même.
N'en ayons point souci.
Bien vivre est le problème
Qu'il faut résoudre ici.

(Смерть придёт сама собой. Это не наша забота. Хорошо прожить – вот задача, которую надо разрешить здесь).

И даже иначе нельзя».

Лето 1876 года отвлекло Толстого от философских раздумий и погрузило в океан жизни. 8 июня он пишет Фету: «Нынешнее лето на меня почему-то особенно сильно действует, и, если бы я был вы, я всё бы писал стихи. Очень всё красиво нынешний год».

Весна 1877 года ознаменована работой Толстого, связанной с окончанием романа «Анна Каренина». 12 марта в письме к Фету он жаловался на то, что «голова болит и мешает работать, что особенно досадно потому, что работа не только приходит, но пришла к концу. Остаётся только эпилог» (так Толстой называл в то время последнюю часть романа). «И он очень занимает меня».

Фет время от времени сообщал Толстому своё впечатление от новых глав «Анны Карениной». 11 марта 1877 года по поводу поездки Долли к Анне (часть шестая, главы XVI – XXIV) он писал: «И лошади сборные, и кофточка чиненая, и стыдно, и не стыдно, и хорошо, и дурно. – Это до того тонко и верно, что сам Бенвенуто Челлини бы позавидовал».

16 марта он же писал по поводу картины дворянских выборов: «Что за прелесть выборы, и какая подавляющая сатира!».

12 апреля относительно глав «Анны Карениной», напечатанных в мартовском номере «Русского вестника» (I-XV седьмой части) Фет писал: «Не говорю о мастерстве подробностей – руки болтаются (опьяневший Левин, часть седьмая, глава VIII, чувствовал, что у него при ходьбе особенно правильно и легко болтаются руки. – *А.Н.*); ламповое стекло чистит (сказано о лакее доктора, к которому приехал Левин по случаю начавшихся у Кити родов; Левина изумила «внимательность к стёклам и равнодушие к совершавшемуся» у него событию – там же, гл. XIV. – *А.Н.*); портрет Анны, и веются красоты, *прекрасно* (курсив Фета. – *А.Н.*) влюбился в Каренину, и *нехорошо* (курсив Фета. – *А.Н.*), и жена резко ударяет на всё это.

Но какая художническая дерзость – описание родов. Ведь этого никто от сотворения мира не делал и не сделает. Дураки закричат об реализме Флобера, а тут всё идеально. Я так и подпрыгнул, когда дочитал до двух дыр в мир духовный, в нирвану. Эти два видимых и вечно таинственных окна: рождение и смерть».

Фет имел в виду XX главу пятой части «Анны Карениной», где рассказывается, что дважды в жизни Левин пережил такие события, которые «одинаково были вне всех обычных условий жизни, но были в этой обычной жизни как будто отверстия, сквозь которые показывалось что-то высшее... Одинаково непостижимо при созерцании этого высшего поднималась душа на такую высоту, которую он никогда и не понимал прежде и куда рассудок уже не поспевал за нею». Эти два события для Левина были смерть брата Николая и роды Кити.

Глава, описывающая смерть брата Левина, имела в глазах автора особенное значение. Это единственная глава всего романа, которой автор дал отдельное заглавие – «Смерть». Здесь Толстой, смотревший на смерть как на «высочайший момент жизни», «старался выразить», как писал он Фету 29 апреля 1876 года, «многое», из того, что он сам думал об этом предмете.

Несомненно, Толстой намеренно заставляет Левина переживать одно за другим эти два события, «выходившие из всех обычных условий жизни».

В письме к Фету от 14 апреля Толстой впервые посвящает его в свои религиозные искания. Прочитав в письме Фета (оно неизвестно) какие-то мысли «о сущности божества», Толстой пишет о божестве – боге. А я давно уж, не переставая, думаю об этой главной задаче. И не говорите, что нельзя думать. Не только можно, но должно. Во все века лучшие, т.е. настоящие люди думали об этом. И если мы не можем *так же* (курсив Толстого. – А.Н.), как они, думать об этом, то мы обязаны найти *как* (курсив Толстого. – А.Н.).

Тут же Толстой рекомендует Фету «Мысли» Паскаля – религиозного писателя XVII века, который больше всех других удовлетворял его.

14 апреля Толстой пишет Фету, что «конец» его романа уже набран и он читает корректуры; он надеется «праздновать своё освобождение и конец работы около 28 апреля». Однако чтение корректур затянулось, и ещё 10 мая Толстой писал Фету, что он «всё привязан к своей работе».

Роман «Анну Каренину» Толстой снабдил эпиграфом, который нельзя понять иначе, как признание нравственных законов, неисполнение которых влечёт за собой страдания. Что именно таков был смысл эпиграфа к «Анне Карениной», удостоверено самим автором. В 1906 году на письмо двух вологодских гимназисток, спрашивавших, в чём смысл эпиграфа к «Анне Карениной» и предлагавших такое его толкование: «Мы думаем, что смысл эпиграфа состоит в том, что человек, нарушивший нравственные правила, будет наказан», – Толстой ответил: «Вы правы».

Разумеется, приводя библейский текст, Толстой не так понимал употреблённое в нём слово «Аз», как понимается оно в Библии. Толстой

не признавал никакого наказующего бога, как признают его древнееврейская и церковная религии. Фет правильно понимал значение эпиграфа к «Анне Карениной». В своей статье «Что случилось по смерти Анны Карениной в «Русском вестнике» он писал: «Граф Толстой указывает на «Аз воздам» не как на розгу брюзгливого наставника, а как на карательную силу вещей, вследствие которой человек, непосредственно производящий взрыв, прежде всех пострадает сам».

В художественном отношении роман много выиграл оттого, что в окончательном тексте он из семейного, психологического и философского, каким он был в первых редакциях, превратился в семейный, психологический, философский и социальный роман.

Значение «Анны Карениной» для понимания эволюции социальных воззрений Толстого очень велико. В этом отношении характерен спор Левина с Кознышевым относительно сербов. Сергей Иванович оправдывал это движение тем, что «в пользу него высказывается общественное мнение». На это Левин хотел ему возразить, что если считать непогрешимым судьёй общественное мнение, то «почему революция, коммуна (имеется в виду, конечно, Парижская Коммуна. — А.Н.) не так же законны, как движение в пользу славян?». Так сказано в окончательном тексте романа, но в печати это возражение Левина по цензурным соображениям появилось в сильно смягчённом виде. Вот его полный текст в черновой редакции: «В последнее свидание своё с Сергеем Ивановичем у Левина был с ним спор о большом политическом деле русских заговорщиков. Сергей Иванович безжалостно нападал на них, не признавая за ними ничего хорошего, Левин защищал их. Теперь Левину хотелось сказать: «За что же ты осуждаешь коммунистов и социалистов? Разве они не укажут злоупотреблений больше и хуже болгарской резни? Разве они и прекрасные умы, работавшие в их направлении не выставляют свою деятельность доводами более широкими и разумными, чем Сербская война, и почему же они не скажут того же, что ты, что это наверное предлог, который не может быть несправедлив? У вас теперь угнетения славян — и у них угнетение половины рода человеческого. И общественное мнение, если оно судья, то едва ли не будет больше голосов в их пользу, чем в вашу, если так же муссировать дело, как вы».

Но Левин чувствовал себя слишком раздражённым и ничего не сказал». Если вспомнить, во-первых, что ко времени написания эпилога (1877 г.) в стране всё более усиливалось революционное движение и, с другой стороны, припомнить иронические отзывы о нигилистах в письмах Толстого к Фету начала 1870-х годов, станет совершенно очевидно, что ко времени окончания «Анны Карениной» в отношении Толстого к революционному движению произошло очень значительное изменение. Он признаёт, что социалисты и коммунисты встали на защиту «половины рода человеческого», угнетённой существующим строем, и что сре-

ди них есть «прекрасные умы»; он даже готов допустить, что при известных условиях «общественное мнение» завтра может заговорить в пользу революционного движения.

Ни один из положительных героев предыдущих художественных произведений Толстого не подходил так близко к народу, как Левин, который считает трудовое крестьянство «лучшим классом России» и преклоняется перед напряжённым самоотверженным трудом крестьянина в рабочую пору.

Рисуя образ Левина, Толстой уже недалёк от разрыва со своим классом и перехода к идеологии русского патриархального трудового крестьянства.

2 сентября 1877 года Толстой получил от Фета статью об «Анне Карениной». «Статья, по-моему, очень хороша, за исключением переизбытка и неожиданности сравнений. Он желает её напечатать, и мне бы хотелось, потому что сказано всё то, что я бы хотел сказать».

В тот же день Толстой писал и самому Фету: «Не могу хвалить вашей статьи, потому что она хвалит меня; но я вполне, вполне согласен с нею; и мне очень радостно было читать анализ своих мыслей, при котором все мои мысли, взгляды, сочувствия, затаённые стремления понятны верно и поставлены все на настоящее место. Мне бы очень хотелось, чтобы она была напечатана, хотя, обращая к вам то, что вы говорили мне, знаю, что почти никто не поймёт её».

Фет прежде всего ставит вопрос: «Возможно ли с нашей точки зрения, отыскать в ней (в «Анне Карениной» – *А.Н.*) строгий художественный план или же придётся отказаться от подобной попытки?». И отвечает на этот вопрос: «На наши глаза, ни одно из произведений графа Толстого не выставляет так близко к видимой поверхности всего своего внутреннего построения».

Нам не раз приходилось, – говорит далее Фет, – слышать упрёки Толстому за то, что его Каренина вращается среди роскоши большого света». На эти обвинения Фет отвечает, что «мы не вправе подкладывать под фигуры живописцев свой фон» и что «при задаче Толстого Каренина должна была быть поставлена именно так, а не иначе». «Будь Анна не развитой бедной швейей или прачкой, то никакое художественное развитие её драмы не спасло бы задачу от обычных окольных возражений: нравственная неразвитость не представляла опоры в борьбе, бедность заела и т.д. Изобразив Анну такою, какая она есть, автор поставил её вне всех этих замечаний. Анна красива, умна, образована, влиятельна и богата. Уж если кому удобно безнаказанно перебросить чепец мельнику, так, без сомнения, ей. Но, выставляя все благоприятные условия, граф Толстой не обошёл ни преднамеренно, ни по близости ни одного в этом случае враждебного замужней женщине условия... У Карениной один сын, и этого достаточно, чтобы привести её

эмансипацию к абсурду. Анна настолько умна, честна и цельна, чтобы понять всю фальшь, собранную над её головой её поступком, и бесспорно, всеми фибрами души осудить всю свою невозможную жизнь. Ни вернуться к прежней жизни, ни продолжать так жить – нельзя».

Переходя к другим героям романа, Фет замечает, что над всеми их действиями, «как едва заметный утренний туман, сквозит лёгкая ирония автора, для большинства вовсе незаметная». Исключение составляет только Левин, который «один из всех действующих лиц пользуется серьёзным сочувствием автора». «Мыслитель не по прозванию или профессии, а по природе, он мучительно задаётся вопросом, стоящим в бесконечной дали перед всяким умственным трудом, – вопросом о конечной цели бытия вообще и своего в частности». «Будучи, очевидно, носителем положительного идеала, Левин представляет вполне народный тип в лучшем и высшем значении слова» [6].

Фет находит, что между Левиным и Карениной существует «внутренняя художественная связь», которая «бросается в глаза в ходе всего романа», причём «художественная параллель их, как в городе, так и в деревне, выведена с изумительным мастерством». Но раз между образами Карениной и Левина существует неразрывная внутренняя связь, то «почему же художественные близнецы Каренина и Левин должны были появиться – она вполне оконченную, а он непременно, во что бы то ни стало без головы?».

Этим словами Фет намекал на то, что «Русский вестник» не напечатал восьмой части «Анны Карениной», где раскрывалась дальнейшая судьба Левина, в то время как седьмая часть развёртывала до конца драму Карениной.

К сожалению, до нас не дошла полностью эта талантливая и содержательная работа такого тонкого ценителя художественных произведений, каким был Фет, которого не напрасно Толстой называл «настоящим поэтом»...

Спустя 17 лет Толстой побывал в Петербурге для покупки у генерала Бистрома самарской земли. Высшее петербургское общество произвело на него удручающее впечатление. 24 марта 1878 года он писал Фету: «Им там весело, и всё очень просто, так за что же нам сердиться? Что они выпивают кровь из России – и это так надобно, а то бы мы с жиру бесились, а у них всех это дижерируется (переваривается. – А.Н.) очень легко. Так что и за это нам обижаться не следует; но за то, что они глупы – это бы ещё ничего, – но, несмотря на чистоту одежды, низменны до скотообразности, это мне было ужасно тяжело в моё пребывание там... Я там видел пару генералов – орловских, так жутко делается, точно между двух путей стоишь, и товарные поезда проходят».

В 1878 году Толстым был задуман роман о декабристах, но в феврале 1879 года он прекращает эту работу. Причём, ни в одном письме к

своим друзьям – Страхову, Фету, А.А. Толстой – Лев Николаевич ни одним словом не обмолвился о причинах, приведших его к прекращению произведения, которым он так напряжённо был занят в течение целого года. По какой-то причине он как бы стеснялся говорить об этом.

Фет как монархист тяжело переживал тогда участившиеся террористические акты против членов правительства. Особенно он был взволнован покушением на Александра II, совершённым народным учителем Соловьёвым 2 апреля 1879 года. Под свежим впечатлением этого события он пишет Толстому 9 апреля: «Из немногих брошенных Вами слов я составил себе – дай бог, чтобы превратное, – понятие о Вашем новом капитальном труде. Общественное мнение 55 лет (начало «Декабристов» Толстого относилось к 1824 году. – А.Н.) привыкло смотреть на декабристов как на олигархов, т.е. как на своекорыстных мечтателей. Вы, быть может, с большим историческим правом, смотрите на них как на мечтателей самоотверженных, и в силу последнего качества они возникают перед Вами в венцах из звёзд, как в Полярной звезде Герцена, отказавшегося под конец от солидарности с этой темой. Если бы Вы имели дело со мной или Страховым, Вы были бы совершенно правы. В художественном произведении мы не стали бы во что бы то ни стало доискиваться исторической правды. У Байрона Авель свинья, а Каин высокий герой и спаситель человечества, как Прометей. Нам и в голову не придёт оспаривать Байрона и его Каина, хотя книга Бытия нам его представляет в некрасивом виде. Но ведь никогда толпа не смотрит с этой стороны... И чем выше голос говорящего, тем ужасней последствия недоразумения его речей. – Я ужасаюсь мысли, что теперешние цареубийцы могут подумать, что Вы их одобрите и напутствуете благословением их растление несчастных женщин, глупеньких юношей и покушения силой и насилием проникнуть в народ, который всей массой, по простому прямому историческому чувству, знает, что нам без царя на престоле и в голове жить нельзя... – Может быть, я подымаю бурю в стакане воды. – Но успокойте меня на этот счёт хоть словечком».

Толстой, как и следовало ожидать, вопрос о терроре перенёс из области политической в область нравственную. На письмо Фета он ответил 17 апреля: «Декабристы мои бог знает где теперь, я о них и не думаю, а если бы и думал и писал, то лью себе надеждой, что мой дух один, которым пахло бы, был бы невыносим для стреляющих в людей для блага человечества».

Около 15 января 1879 года Фет посетил Толстого. 16 января он писал Страхову, что провёл «отличный день у хворающего Льва Николаевича», которого, как писал он в другом письме, 28 января, «застал заваленным всякого рода источниками того времени» (очередной замысел Толстого – роман из эпохи Петра I).

Новый замысел имеет своим основанием суждение Толстого о времени Петра как о начале новой русской истории (это художественное произведение обдумывалось им под названием «Сто лет»). К этому он пришёл, «распутывая клубок» новой русской истории. Но замысел не был осуществлён: фигура Петра I как исторического деятеля и человека не увлекла Толстого, если не сказать больше.

1879 год – может быть, пик того самого «перелома» в мировоззрении Толстого, который привёл его на позиции «патриархального» крестьянства и к обоснованию религии, противостоящей церковным установлениям.

Кроме мучивших его не вполне разрешённых религиозных вопросов, Толстой страдал ещё от сознания несоответствия своей жизни с новым усвоенным им мирозерцанием. 12 июля 1879 года он писал Фету: «Всё ломаюсь, мучаюсь, тружусь, исправляюсь, учусь; и думаю, что... доведётся мне заполнить пробел да и умереть; а всё не могу не разворачивать сам себя».

В следующем письме к Фету от 27 июля Толстой раскрывает отчасти, чем он был недоволен в своей жизни. Здесь он отвечает на письмо Фета от 17 июля, в которое Фет вписал придуманную им притчу о соколе. Был один сокол, который взлетел в небо так высоко, что его мог видеть только зоркий глаз охотника. Охотник радовался, но сокол забирал каждый день всё выше и выше и, наконец, ушёл в такую высь, что даже и опытный глаз сокольника не мог за ним уследить. «Так и ушёл от него сокол. Тут-то охотник и подумал: хорошо летать высоко, да надо же и на землю спускаться». Этот сокол – Толстой; охотник, зорким глазом следящий за ним, – Фет.

Но Толстой не согласился с мыслью этой притчи. Если я этот сокол, – писал он Фету, – и если, как выходит из последующего, залетание моё слишком далеко состоит в том, что я отрицаю реальную жизнь, то я должен оправдаться. Я не отрицаю ни реальной жизни, ни труда, необходимого для поддержания этой жизни, но мне кажется, что большая доля моей и вашей жизни наполнена удовлетворениями не естественных, а искусственно привитых нам воспитанием и самими нами придуманных и перешедших в привычку потребностей, и что 9/10 труда, полагаемого на удовлетворение этих потребностей, – праздный труд».

Толстой отвергает обычный довод в пользу более высокой оплаты умственного труда по сравнению с трудом физическим, состоящим в том, что результаты умственного труда особенно нужны и полезны людям. «Мне бы очень хотелось, – пишет Толстой, – быть твёрдо уверенным в том, что я даю людям больше того, что получаю от них. Но так как я чувствую себя очень склонным к тому, чтобы высоко ценить свой труд и низко ценить чужой, то я не надеюсь увериться в безобидности для других расчёта со мной одним усилием своего труда и изобретени-

ем тяжелейшего (я непременно уверю себя, что любимый мой труд есть и самый нужный, и трудный)».

И Толстой избирает иной, с его точки зрения, более надёжный путь. «Я желал бы, – говорит он, – как можно поменьше брать от других и как можно меньше трудиться для удовлетворения своих потребностей; и думаю, так легче не ошибиться».

Однако Толстой лишь в ограниченных размерах мог осуществить в своей жизни это новое, установленное им для себя правило – как можно меньше брать от людей, уменьшая свои потребности. Он был не один, у него была семья, и его жена и подрастающие дети привыкли уже к тому укладу дворянско-помещичьей жизни среднего достатка, который он сам после женитьбы (1862) установил для своей семьи.

Сложным и трудным путём он шёл к полному разрыву со своим классом, а следовательно, и с тем укладом жизни, который был типичен для этого класса. Его семейным была чужда и непонятна происходившая в нём мучительная работа, мысли и чувства. Не переживая ни в какой степени того, что переживал он, семейные Толстого не могли пойти по его пути.

С годами жизнь в барских условиях становилась для него всё более и более мучительной, и так продолжалось до самого дня его ухода из Ясной Поляны – 28 октября 1910 года.

Приведённое письмо к Фету примечательно ещё и в других отношениях. Во-первых, нельзя не обратить внимание на то, что, говоря о своём труде, Толстой совершенно не упоминает о своей работе писателя, как бы не придавая ей значения. Во-вторых, Толстой говорит не только о том, что «большая доля» его жизни направлена на удовлетворение искусственно развитых потребностей, но то же самое он говорит и о жизни Фета. Толстой, следовательно, критикует вообще условия жизни помещиков того времени [7].

Перелом в мировоззрении Толстого привёл к охлаждению в отношениях между ним и Фетом.

Дружба их, начавшаяся ещё в 1856 году в Петербурге, с годами укреплялась всё больше и больше. 5 марта 1877 года Толстой писал Фету: «Давно от вас нет известий, и мне уж чего-то недостаёт и грустно». Ему же 14 апреля: «Ваше последнее письмо забрало меня за живое – т.е. дружбу к вам». Затем 10 мая: «Не смею мечтать о радости увидеть вас у нас на обратном пути – уж слишком мне этого хочется сердцем».

В свою очередь и Фет чувствовал в Толстом близкого человека.

16 октября 1876 года он в письме уведомлял Толстого, что в вагоне железной дороги встретился с И.С. Аксаковым, и далее прибавлял: «Темой разговора были Вы. Это для меня критериум человека».

В 1876-1879 годах Фет посылал Толстому одно за другим ряд своих новых стихотворений: «В звёздах», «Alter ego», «Далёкий друг, пойми мои рыдания», «Отошедшей», которые все очень понравились Толстому.

О стихотворении «В звёздах» Толстой писал автору 10 января 1877 года: «Это одно из лучших стихотворений, которые я знаю». Стихотворение «Alter ego» Толстой в письме к Фету от 27 января 1878 года называет «прекрасным». Стихотворение «Далёкий друг, пойми мои рыдания» названо Толстым в письме к автору от 16 февраля того же года «вполне прекрасным»; также и стихотворение «Отошедшей» оценено Толстым в письме к Фету от 22 ноября того же года как «прекрасное, рожденное».

Не так, как стихотворение «Отошедшей», понравилось Толстому стихотворение Фета «Никогда» – «и по форме (не так круто, как то), и по содержанию», с которым Толстой не мог согласиться. Так он писал Фету 1 февраля 1879 года. В этом стихотворении сказалось отличие философских взглядов Фета от религиозно-философских взглядов Толстого. На это отличие Толстой указал Фету в том же письме, но Фет в своём ответе обошёл молчанием эту часть письма Толстого.

В следующем письме от 16 февраля Толстой настойчиво просил Фета высказаться, признаёт ли он религиозное отношение к жизни. Фет ответил уклончиво.

Свидание Толстого с Фетом летом 1879 года в имении Фета Степановке, как сказано было выше, оказалось неудачным. Видя равнодушные Фета к религиозным вопросам, Толстой мало рассказал ему о волновавших его религиозных исканиях, и Фету показалось, что Толстой просто «не в духе».

По возвращении Толстого в Ясную Поляну 10 августа 1879 года Фет писал ему: «Надеюсь, что и Ваш сплин уступает ясным дням. Это очень горестное и тяжёлое состояние».

4 октября 1879 года, вернувшись из Москвы, Толстой пишет два аналогичных по содержанию письма – Страхову и Фету. Но в то время как Страхова Толстой извещал о том, что только что приехал из Москвы, где беседовал о вере с московскими иерархами, и что благодаря этим беседам он ещё больше укрепился в своём убеждении, то есть в отходе от церковной религии, Фету Толстой написал только: «Я всё время духом смущён, растерян. Должно быть, нездорово тело. Я ездил в Москву, советовался с Захарьиным и буду исполнять его советы». И в то время как Страхов в ответном письме Толстому от 16 октября выражал свою любовь к «этой душе, так неустанно и глубоко работающей», Фет на письмо Толстого отозвался 9 октября только такими словами: «Вчера вернулся из Крыма, нашёл Ваши строки, которые меня опечалили...». И далее наивный совет: «Бросайте на время мысль о писании, читайте, пишите письма».

4 ноября Фет снова пишет Толстому письмо, где сообщает о своей переписке с юристом консерватором Цитовичем, в котором он видит «совершенное подобие Чернышевских, Добролюбовых и т.д.; та же семинарская бесшабашность, тот же натиск, только с гораздо, более солидным образованием и в противоположную сторону». И в конце письма опять даётся тот же совет: «Будьте здоровы, это главное, и не хандрите. Второе, вытекающее из первого».

Такое полное непонимание внутренней жизни Толстого и стремление объяснить все его тревоги и мучительные сомнения одним физическим недомоганием отбивали у Толстого охоту писать Фету, и оба эти письма Фета остались неотвеченными. Последнее письмо особенно не понравилось Толстому. По поводу него он записал в записной книжке: «Фет учит, осуждает. Что же он знает?».

Страхову очень хотелось рассеять непонимание Фетом того перелома, который произошёл в мирозерцании Толстого. С этой целью он в январе – начале февраля 1880 года написал Фету письмо, которое остаётся нам неизвестным; но письмо это не достигло желанной цели. «Он (Фет. – А.Н.), – писал Страхов Толстому 14 февраля 1880 года, – не может Вас понять. Я брался было объяснить, но ничего из этого не вышло – не успел и расписаться».

Письмо Страхова Фету произвело скорее обратное действие, чем то, на которое он рассчитывал. Из него Фет лучше понял новое направление Толстого и ясно увидел, что ему с Толстым не по пути. 10 февраля 1880 года он писал вдове поэта А.К. Толстого Софье Андреевне Толстой: «За исключением Льва Толстого, я не знаю на Руси человека пера, чтобы не сказать – мысли, который бы находился в подобных мне условиях почти абсолютного одиночества. Но и Толстой несравненно более меня пользуется духовным общением, которого я за внезапным поворотом самого же Толстого по настоящему его направлению лишён окончательно».

Между тем Толстой только в марте 1880 года ответил Фету на его письмо от 4 ноября 1879 года. Короткое письмо Толстого, хотя и было написано в дружеском тоне, несколько не напоминало те серьёзные, задушевные письма, которые раньше в течение многих лет писал Толстой своему приятелю.

На письмо Толстого Фет ответил 19 марта. Он писал о своих хозяйственных делах, о предполагаемой поездке на охоту и в конце письма сообщал о своём намерении побывать в Ясной Поляне в таких выражениях: «Если не будете сердиться, заеду с мальчиком и собакой к Вам, а то приеду, поцелую руки прелестной графини».

Это письмо Фета показалось Толстому не требующим никакого ответа, а странность выражений, в которых Фет писал о своём намерении посетить Ясную Поляну должна была вызвать в Толстом некоторое чувство досады. И Толстой не ответил на письмо Фета и забыл про него.

Фет терпеливо ожидал ответа на своё письмо в течение оставшихся дней марта, весь апрель и почти весь май. Хотя он и убедился из письма Страхова, что жизненные пути его с Толстым разошлись далеко, всё же при его внутреннем одиночестве ему было глубоко жаль тех дружеских отношений с Толстым, которые раньше такое важное место занимали в его жизни и которые, как он понимал, никогда уже более не возобновятся. Говорило и чувство обиды за то, что Толстой, как полагал Фет, так пренебрежительно относится к его письмам, что даже не отвечает на них.

И 27 мая Фет, не дождавшись ответа Толстого, пишет ему следующее письмо, которое сохранилось не полностью (некоторые части текста утрачены):

«Дорогой граф!

Не имея Вашего дара быть ясным в немногих словах, прошу извинить неизбежные для меня долги. Шопенгауэр прекрасно обозвал человеческую душу с её борьбой между бессознательной, непосредственной волей и другим посредствующим проводником (пропуск. – *А.Н.*) (Вы обратились. – *А.Н.*) ко мне со словами: «На вас сердиться нельзя». Что же изменилось в эти 20 лет? Не могу судить о Вашей перемене; что касается до меня, то я только всё время старался привести к сознанию ту слепую волю, которой руководился всю жизнь, и найти её, так сказать, разумное оправдание. В этом к душевному моему (пропуск. – *А.Н.*) даже при самых интимных отношениях.

Что же произошло вне этих границ, об этом судить не могу; но факт налицо: Ваши редкие письма и окончательное молчание на сборы мои в Ясную Поляну не требуют толкований. Даже в настоящем я представил бы времени разгадку неизвестного. Но вежливость, сажая меня между двумя стульями, этого не позволяет.

Мне нужно написать выехавшему в настоящее время из Питера Страхову несколько слов (пропуск. – *А.Н.*) адресу в Ясную Поляну. Писать тому, кто не желает читать, – невежливо. Писать в дом того, кому постоянно писал, не написавшему самому, – невежливо; ибо равняться в переводе на общежительный язык словом: а к тебе писать не хочу. (пропуск. – *А.Н.*) дилеммы, не только ещё более невежлив, но и вполне безосновен, то я поневоле впадаю в первый. Давным-давно я постиг слова *nil admirari* (ничему не удивляться. – *А.Н.*), ибо сознал, что в мире нет ничего без причины, а если таковые есть, то явление неизбежно.

Прошу передать графине Софье Андреевне то неизменное глубокое уважение, которым она постоянно меня исполняла.

Ваш четверть столетия усердно шагавший с Вами в ногу

А. Шеншин».

Это письмо Фета очень взволновало Толстого, и он ответил на него немедленно (31 мая). Он писал, что не ответил только «вследствие своих особенно напряжённых занятий нынешнего года» и сожалеет, что, увидев из последнего письма Фета, что он в чём-то считает Толстого перед собой виноватым, не написал ему, прося объяснений, и что как-то «просмотрел» в письме Фета то место, где Фет писал о своём намерении побывать в Ясной Поляне. Теперь Толстой приглашал Фета «заехать», если он поедет «на праздник Пушкина».

Этим письмом разладившиеся отношения были вновь налажены, — склеены, как разбитый кувшин, но непрочно.

Интересна судьба письма Фета. До того времени Толстой сохранял почти все его письма, но это письмо не было сохранено. Оно было обнаружено при разборе яснополянской библиотеки Толстого в 1954 году в старинном сборнике «Пролог», содержащем жития святых и религиозно-нравственные поучения. Толстой разорвал письмо Фета на длинные узкие полосы и этими полосками пользовался как закладками при чтении «Пролога». Некоторые полоски оказались утраченными.

В половине марта 1880 года Толстой писал Фету: «Ужасно давно не писал вам, как всегда, потому что откладывал с дня на день и очень много работаю. Утро всё зарабатываюсь и вечером уже ничего не хочется делать, кроме как читать Пиквикский клуб или играть в винт».

Толстой, как и в прежних письмах, не написал Фету, над чем именно он работает. Было ли это окончание «Исследования догматического богословия», или новый пересмотр всего трактата, или новый труд — мы не знаем. Но скорее можно предположить, что речь идёт о новой работе.

Из письма Толстого видно, что работа утомляет его, но не мучает его нравственно, как мучила работа над разбором богословия: он находится хотя и в сосредоточенном, но спокойном настроении.

И совершенно несомненно, что в письме к Страхову, следующем в томе писем Толстого вслед за его письмом к Фету и написанном 25 марта, речь идёт о новой работе Толстого. В этом письме Толстой сообщал: «Я всё работаю и не могу оторваться и часто счастлив своей работой, но очень часто слабею головой». Здесь говорится о новом начатом Толстым в то время труде — «Соединение и перевод четырёх Евангелий».

Толстой был так увлечён своей работой, что против обыкновения продолжал заниматься всю весну и начало лета. Но уже 10 июля 1880 года он пишет Фету: «Теперь лето, и прелестное лето, и я, как обыкновенно, ошалеваю от радости плотской жизни и забываю свою работу. Нынешний год долго я боролся, но красота мира победила меня. И я радуюсь жизнью и больше почти ничего не делаю».

Однако уже через месяц после этого письма, 10 августа, Толстой пишет Фету: «...Я прилаживаюсь к настоящей своей жизни, зимней ра-

боте». О том же и почти в тех же выражениях сообщал Толстой в тот же день и Страхову.

26 сентября Толстой сообщал Страхову и Фету, что «очень много» работает «и, кажется, не бесполезно».

Свое письмо к Фету от 26 сентября Толстой начал словами: «Страхов пишет мне, что вы жалуетесь на меня. Вы жалуйтесь и ругайте меня и лучше всего мне самому – я это ужасно люблю; но по-прежнему пишите, заезжайте и любите меня».

Письмо Страхова, на которое ссылался Толстой, не сохранилось, но в письме от 30 июня, написанном после десятидневного пребывания у Фета, Страхов рассказывал, что пробовал, было, объяснять Фету новое мирозерцание Толстого, но потерпел неудачу: «Учение передавалось очень плохо. Он с первых же слов закусывал удила и обнаруживал не любопытство, а ярое желание говорить самому».

Письмо Толстого от 26 сентября Фет воспринял как вызов к тому, чтобы изложить Толстому своё отношение к его новым взглядам, что он и исполнил с большой быстротой в самый день получения письма Толстого – 28 сентября.

Эпиграфом к своему письму Фет взял афоризм Бентама: «Не надейтесь, что вам удастся заставить кого-нибудь пошевелиться пальцем ради другого. Если он в этом не видит для себя выгоды или удовольствия, то он этого никогда не делал и не сделает». Доказательством этой мысли и было посвящено всё письмо Фета.

«Жизнь индивидуума, – писал Фет, – есть смерть другого. Этот закон Дарвина, который он не выдумал, а который знает всякий, видевший хоть грача на пашне. Поэтому нельзя жить как-то по-новому, иначе, чем жил Адам, Моисей и индюшка».

«Евангелие, – писал далее Фет, есть проповедь полнейшего аскетизма и отрицания жизни... Но как бы гениально ни было уяснение смысла известной книги, книга остаётся книгой, а жизнь с миллионами своих неизбежных требований остаётся жизнью, и семя семенем, требующим расцвета. Поэтому отрицание не может быть руководством жизни и её требований».

И уже прямо намекая на Толстого, Фет далее пишет: «Почему тот, для кого жизнь не имеет как наслаждение никакой цены, не выпрыгивает из неё вниз, что для него ни крошечки не страшное Ничто, страшно только бытие, то есть жизнь, а не её отрицание. Отрицание жизни и небытие более чем близнецы. Это одно и то же».

Никак не может Фет примириться с отрицательным отношением Толстого к своим прежним художественным произведениям. «Равным образом, – пишет он, – я не могу понять, как можете Вы стать в ту оппозицию с такими капитальными вещами, как Ваши произведения, которые так высоко оценены мною. А меня не так-то легко подкупить или

надуть в этом деле. Если бы я по вражде убил Вас, и тогда бы сказал, что это сокровищница художественных откровений, и дай бог, чтобы русское общество доросло до понимания всего там хранящегося. Или Вы шутите, или Вы больны. Тогда, как о Гоголе, сжегшим свои сочинения, надо о Вас жалеть, а не судить. Если же под этой выходкой таится нечто серьёзное, тогда я не могу об этом судить, как о великом стихотворении на халдейском языке. Я понимаю тщету мира умом, но не животом, не интуитивно».

Закончил Фет своё письмо словами:

«Знаю, что на длинное моё марание Вы скажете: это всё не туда, не к делу. Жизнь – наслаждение в лишении, в страдании. Но для Козловки (т.е. для Ясной Поляны. – *А.Н.*) и полезно отрицание – страж на рубеже, который не надо переводить. А Вы меня туда (т.е. за рубеж, который не надо переходить. – *А.Н.*) суёте... Зимой заеду в Ясную. Пожалуйста, хоть изредка вспоминайте строчкой. Будьте здоровы и не сердитесь».

На письмо Фета Толстой ответил 15 октября большим письмом, в котором изложил основы своего непонимания. Толстой отрицает утверждение Фета, будто бы христианство в его понимании есть «проповедь аскетизма». «Совершенно обратное, – говорит Толстой. – Евангелие есть возвешение о *благе в жизни* (курсив Толстого. – *А.Н.*), – только в жизни». Нельзя «жить как попало»; надо различать ложное и настоящее благо. «Прежде, – говорит Толстой про себя, – я видел благо в Георгиевском кресте, потом в литературе, потом в десятинах земли, потом в семье, и всё это оказалось не благом». «Я видел, что они не блага, – прибавляет Толстой к этим словам в исправленной редакции письма к Фету, – но жмурился, чтобы не разрушить своих ложных привычек».

В этих словах Толстой, так определённо провозгласивший и в эпилоге «Войны и мира», и в «Анне Карениной» культ семейной жизни, впервые заявляет, что по его изменившемуся миросозерцанию он уже не считает семью высшим доступным для человека благом. И он даёт определённый ответ на вопрос, в чём он видит истинное благо для человека. Теперь ему «счастье представляется не в том, что может составлять хоть малейшее горе других людей... Счастье в том, чтобы не противиться злу и прощать и любить ближнего».

Далее Толстой излагал Фету религиозно-философские взгляды. Он отрицает как церковное представление о боге внешнем, сидящем на небесах, так и основные концепции всех наиболее известных философских систем. Он говорит: «Разговоры о боге в природе, о боге, сидящем на небесах и творящем, о воле Шопенгауэра, о субстанции Спинозы, о духе Гегеля одинаково произвольны и ни на чём не основаны». «О том начале, которое произвело весь мир явлений, я ничего не знаю и не могу знать». Богом Толстой называет то разумение, которое есть в человеке. «То, что я знаю себя существующим, и всё, что я знаю, происходит от-

того, что во мне есть разумение, и его-то называю бог, то есть для меня начало всего». «Разумение есть бог, и ни о каком другом боге мы не имеем права говорить».

Заканчивает Толстой своё письмо словами: «В последнем письме вашем я слышу раздражение. — Я виноват тем, что раздражал вас. Простите».

Это уже совсем не тот дружеский тон, в котором раньше писал Толстой Фету. Чувствуется, что различие во взглядах наложило свою печать и на личные отношения бывших друзей.

Фет уже на другой день после получения письма Толстого, 18 октября, начал писать ему ответ.

Фет возражает против религиозных взглядов Толстого, против его понимания евангельского учения, против положения о том, что «разумение есть бог». Но в одном вопросе он высказывает солидарность с Толстым: он признаёт правило нравственности — «не пожирай чужой жизни, которая ему так же дорога, как тебе твоя». «Если таков смысл Евангелия, то я обеими руками подписываюсь», — прибавляет он.

Вновь выражает Фет своё решительное несогласие с тем отрицательным суждением Толстого в своих прежних художественных произведениях, которое он между строк прочёл в его письме. «Я с Вами согласен, — писал Фет, — что литература — пошлость. Но с той точки зрения, с которой Вы вели дело, она (то есть оно — писание) было откровение сущности явлений жизни человеческой».

Заканчивал Фет письмо словами: «Докажите, дорогой граф, на деле Вашу незлобивость и не сердитесь на то, что я не могу иначе. Да поможет мне бог». (Здесь Фет повторяет известное заявление Лютера.).

На это письмо Фета Толстой отвечал коротким письмом в конце ноября. Чтобы прекратить бесполезный спор, он признал себя виновным в том, что «неясно выразил свои мысли». «Хотелось бы, — прибавлял Толстой, — яснее выразить, но я это делаю в книге. А с вами побеседуем при свидании». И Толстой заканчивает письмо приглашением Фета в Ясную Поляну...

Фет продолжал посылать свои новые стихотворения — теперь уже не Толстому, а его жене. Софья Андреевна показывала Льву Николаевичу посылаемые Фетом стихотворения, и Толстому нравились многие из них, как, например, «Горная высь», «Осенний цветок», «Я в жизни обмирал» и другие. В одном из писем к Фету Софья Андреевна сообщала ему, что Лев Николаевич — тогда больной — читал стихотворения Шиллера в русских переводах и его, Фета, переводы находил лучшими. Он подумал, что хорошо бы Фету перевести все стихотворения Шиллера, им ещё не переведенные, и издать свои переводы отдельной книжкой. Ответ Фета на предложение Толстого неизвестен.

В 1881 году Фет решил публично выступить против взглядов Толстого. Он написал послесловие к своему переводу сочинения Шопен-

гауэра «Мир как воля и представление». Послесловие было определённо направлено против того понимания христианства, которое излагал Толстой в своих религиозных сочинениях, хотя имя Толстого и не было названо Фетом.

Фет писал, что «христианское учение приложимо только к «внутреннему человеку», но что оно чуждо «гордыне и протесту». В конце послесловия Фет говорит, что он считал «своим нравственным долгом сказать это ввиду возникающих в последнее время учений и толкований христианства, силящихся превратить последнее в орудие против существующего порядка и закона... Для подобной цели пригодны разве какие-нибудь социалистические учения, а христианское учение на это вполне непригодно».

Это послесловие не появилось при переводе Фета, вероятно, по совету редактора Н.Н. Страхова, и было напечатано уже после смерти поэта.

Страхов в ряде писем доказывал Фету, что тот не столько не может, сколько не хочет понимать Толстого.

В конце сентября 1888 года в Ясную Поляну приехал А.А. Фет – читать свои воспоминания.

Некогда самый близкий друг и горячий корреспондент, в это время Фет стоял очень далеко от Толстого. Переписка прекратилась в 1884 году, встречи были редкими и обычно недружелюбными.

В яснополянской библиотеке сохранились вышедшие в 1886-1887 годах книги Фета (переводы стихотворений Катулла, элегий Тибулла, «Превращений» Овидия и «О человеческом корне достаточного основания» А. Шопенгауэра) с дарственными надписями, в которых, однако, чувствуется оттенок полемики: «Графу Льву Николаевичу Толстому, дар вечного ребёнка Купидона», «Графу Льву Николаевичу Толстому языческий переводчик», «Пастырю графу Льву Николаевичу Толстому от старого его почитателя. Как бы далеко ни расходились оконечности змеи истины, если она живая, то непременно укусит свой хвост».

Используя в своих воспоминаниях материал личного архива, в частности, замечательные письма молодого Толстого, Фет перед приездом в Ясную Поляну написал С.А. Толстой: «Боже мой! Как это молодо, могуче, самобытно и гениально правдиво! Это точно вырвавшийся чистокровный годовик, который и косится на вас своим агатовым глазом, и скачет молниеносно лягаясь, и становится на дыбы, и вот-вот готов, как птица, перенестись через двухаршинный забор». И особо – об одном из писем: «Самый тупой человек увидит в этом письме не сдачу экзамена по заграничному тексту, а действительные родники всех самобытных мыслей, какими питается до сих пор наша русская умственная жизнь во всех своих проявлениях».

Ещё в 1887 году Страхов спрашивал Фета: «Писал я вам о совете Льва Николаевича? Он думает, что в ваших «Воспоминаниях» всего любопытнее могут быть воспоминания о вашем детстве и о том быте, среди которого вы росли. Вы знаете, что он вообще неласково смотрит на литературу и литераторов. «Да это уже так избито!», – говорит он. Живые сферы он предпочитает отвлечённым людям, каковы Тургенев и всякие писатели».

С.А. Толстая известила свою сестру о приезде Фета; Толстой не обмолвился ни словом. Но когда, с переездом в Москву, Толстой 23 ноября начал вести дневник, записи о Фете стали частыми и почти всегда критическими, даже обличительными.

Фет жил в собственном доме на Плющихе, недалеко от Хамовников. После посещения его Толстой записал 12 декабря: «Он, Фет, говорит, что безнравственно воздерживаться в чём-нибудь, что доставляет удовольствие. И рад, что он сказал это. Зачем?».

28 ноября 1889 года предполагалось празднование 50-летия литературной деятельности Фета. 14 января Толстой отметил в дневнике: «Жалкий Фет со своим юбилеем. Это ужасно! Дитя, но глупое и злое». 29 января он всё-таки посетил Фета по случаю юбилея, а на другой день присутствовал на обеде, оставившим самое тягостное чувство: «Пошёл к Фету. Там обед. Ужасно все глупы. Наелись, напились и поют. Даже гадко. И думать нечего прошибить». 4 февраля Фет обедал у Толстых – Толстой записал в этот день в дневнике: «Фету противны стихи со смыслом». 11 марта Фет снова был у Толстых: «Потом Фет. Тщеславие, роскошь, поэзия, всё это обворожительно, когда полно энергии молодости, но без молодости и энергии, а с скукой старости, просвечивающей сквозь всё, – гадко».

Юбилей праздновали долго. 11 апреля С.А. Толстая устроила торжественный обед с приглашением Фета и Полонского. Толстой записал в дневнике: «дома оргия на 25 человек. Еда, питьё... Фет жалкий, безнадежно заблудший. Я немножко погорячился с ним, когда он уверял, что не знает, что значит безнравственно. У государя ручку целует. Полонский с лентой. Гадко. Пророки с ключом и лентой целуют без надобности ручку». 2 октября 1889 года в дневнике Толстой вынес окончательный приговор Фету: «Он на мои грешные глаза, непохороненный труп», хотя тут же сделал поправку: «И неправда. В нём есть жизнь. Бьётся эта жилка где-то в глубине».

Человек Фет, помещик с консервативными взглядами, почти всю жизнь домогавшийся официального признания за собой дворянских прав, был и не мог не быть совершенно чуждым Толстому. Но поэт Фет навсегда остался спутником Толстого. Софья Андреевна в письмах к Фету рассказывала, какое впечатление производили на Толстого его переводы и стихи: «Лев Николаевич в постели читал эти дни Шиллера в

русских разных переводах. Он говорил, что только ваши вещи хороши и Жуковского некоторые, и что если вы ищите и желаете умственной работы, то вот лучшее, что вы можете и должны сделать (так как *вы один* (курсив С.А. Толстой. – *А.Н.*) это можете), – перевести всё, что перевели не вы, и издать исключительно *ваши* (курсив С.А. Толстой. – *А.Н.*) перевод». «Что за прелестные стихи вы написали! Мы оба с мужем в один голос ахнули от восхищения, когда прочли: «Дыханьем ночи обожгло». Да и всё прекрасно, поэтично, цельно, красиво». «Стихи ваши доставили нам огромное эстетическое наслаждение. Мы оба с Львом Николаевичем особенно восхищались “Горной высью”».

Спустя год после столь возмущившей его юбилейной оргии Толстой написал Н.Н. Страхову: «Серёжа сочиняет романсы и потому держит у себя книгу стихотворений Фета. Я проходя заглянул в неё – в элегии – и, каюсь, прочитал многие из них с большим удовольствием».

Тяжело болел и умирал Фет осенью 1892 года в Москве.

23 октября Толстой писал Софье Андреевне: «Нынче начали «Фауста» Гёте, перевод Фета. Поклонись ему хорошенько от меня. Скажи, чтобы он не думал, как он иногда думает, что мы разошлись. Я часто испытываю это – и с ним особенно, что люди составят себе представление о том, что я должен отчудиться от них, и сами отчудятся меня».

Они, конечно, «разошлись». Последнее письмо Толстого было в 1881 году, Фета – видимо, в 1884. Правда, весной 1891 года Фет с женой провели два дня в Ясной Поляне. Читались стихи о любви, звучала музыка, и Фет, вернувшись к себе в Воробьёвку, написал Софье Андреевне восторженное письмо о «впечатлении могучих перстов графа», о ней и её сестре Татьяне Андреевне. А Толстой дочери Марии Львовне, уехавшей погостить к Филосовым, написал тогда совсем другое: «Фет говорит, что он завидует молодым за то, что они сильны и молоды, а я говорю, что если человек поставил себе целью быть тем, чему учит Христос, т.е. отречься от себя и жить для Бога, то старость приближает к этому положению, и потому выгоднее быть христианином, чем язычником».

На пороге смерти с той же чуткостью, как прежде, даже острее, Фет ощущал художественную силу Толстого. Софья Андреевна бывала часто на Плющихе и в письмах постоянно рассказывала о разговорах, происходивших там. Однажды Фет нарисовал «поэтическую картину»: «в Африке мы пришли в пустыню, вся она белая, покрытая песком, и никого нет. И вдруг мы увидели, ходит могучий лев и рычит. И он *один* (курсив С.А. Толстой. – *А.Н.*), и кругом пустота». И вот этот лев – ты. А ещё он говорил на мои слова, которые ты ему велел передать: ”вот я это время умирал и вспомнил «Смерть Ивана Ильича», как мужик здоровый с ним сидел и ноги ему держал, и ему было легче. И если б в эту минуту вошёл Толстой, я поклонился бы ему в ноги. Кто такую вещь понял и написал, тот не просто человек, а единица, или громадина“, я уж не

помню этого последнего слова». Спустя два дня дочери Татьяне Львовне Софья Андреевна рассказывала: «Сегодня, гуляя с Ванечкой, зашла к Фету. Он медленно умирает, дышит всё кислородом из какого-то мешка. Но духом он удивительно бодр и хорош. Сегодня говорит: «Скажите Льву Николаевичу, что я, читая «Войну и мир», прежде осуждал его за то, что князь Андрей, умирая, сурово отнёсся к Наташе. А теперь я понял, что это удивительно верно. Когда человек умирает, то и любовь его умирает. У меня сердце перерезано пополам страданием и бессилием; бессилием во всём, стало быть и в любви».

Фет умер 21 ноября. Толстой в этот день уехал с дочерью Татьяной Львовной к брату в Пирогово, а 25 ноября они отправились из Ясной Поляны в Москву. Ни в одном из писем тех дней – ни слова о смерти Фета. В феврале следующего 1893 года, находясь в Ясной Поляне, Толстой написал дочери в Москву на открытке: «Лежит эта карточка без употребления, вот я и пишу, чтоб сказать тебе – не то, что солнце встало и т.д., а что я об тебе часто поминаю и что тебя нам недостаёт. И никто не поёт». Так он вспомнил стихотворение Фета «Я пришёл к тебе с приветом...».

Спустя четыре года, 23 октября 1896 года, в письме к жене всплыло вдруг имя Фета: «Я нынче всё утро в постели сочинял стихи в роде Фета, в полусне. В полусне только это простительно». Это была пора напряжённых размышлений об искусстве и писания трактата. В дневнике того времени – объяснение, почему отвергался Фет, стихи которого на молодого Толстого произвели «большое» впечатление (как сказано в письме к М.М. Ледерле 1891 года: «Вчера переглядывал романы, повести и стихи Фета. Вспомнил нашу в Ясной Поляне неумолкаемую в четыре фортепьяно музыку, и так стало ясно, что всё это: и романы, и стихи, и музыка – не искусство, как нечто важное и нужное людям вообще, а баловство грабителей, паразитов, ничего не имеющих общего с жизнью: романы, повести о том, как пакостно влюбляются, стихи о том же или о том, как томятся от скуки. О том же и музыка. А жизнь, вся жизнь кипит своими вопросами о пище, размещении, труде, о вере, об отношении людей... стыдно, гадко»). Сам он в этот день – 18 июля 1896 года – увидел, идя по передвобенному черноземному пару, раздавленный репей, который напомнил Хаджи-Мурата: «Отстаивает жизнь до последнего, и один среди всего поля, хоть как-нибудь, да отстоял её».

Стихи Фета – некоторые – помнились до старости. Летним вечером 1894 года на покосе, когда солнце стало заходить, крестьяне ушли, Толстой, «облокотившись на косу и смотря на горизонт, стал припоминать стихотворение Фета, где описывается наступление ночи: Летний вечер тих и ясен...

– Это превосходно, здесь каждый стих – картина».

И незадолго до смерти, в сентябре 1909 года, вспомнил стихотворение «Осенняя роза» и продекламировал:

Осыпал лес свои вершины,
Сад обнажил своё чело,
Дохнул сентябрь, и георгины
Дыханьем ночи обожгло.

«Как это хорошо: «Дыханьем ночи обожгло»! – сказал он. – Это совсем тютчевский приём... Как смело, и в трёх словах вся картина!».

* *
*

... В конце 1880 и в первые месяцы 1881 года Фет прислал Толстому несколько писем, на которые Толстой ответил только 12 мая 1881 года. Он просил Фета не сердиться на него за его молчание и вновь приглашал в Ясную Поляну. Тут же, как бы в оправдание своего молчания, Толстой прибавлял: «Я очень заработался и очень постарел нынешний год».

Этим кратким письмом закончилась продолжавшаяся ровно 23 года (первое письмо было написано 12 мая 1858 года) переписка Толстого с Фетом – поэтом и Фетом – мыслителем. Место, которое Фет как отзывчивый собеседник по многим важнейшим вопросам философии и искусства занимал в жизни Толстого, осталось пустым. После этого Толстой и Фет изредка встречались в Москве и Ясной Поляне, охотно беседовали, иногда спорили, но ничто уже не напоминало о той тесной и крепкой дружбе, которая соединяла их более двадцати лет.

6. Л.Н. ТОЛСТОЙ и А.К. ТОЛСТОЙ

Имя Алексея Константиновича Толстого, троюродного брата Льва Николаевича Толстого, в их взаимоотношениях впервые обозначилось в связи с «бесценным триумvirатом» (А.В. Дружинин, В.П. Боткин, П.В. Анненков). Членов «триумvirата» объединяла известная близость во взглядах на искусство («чистое искусство»). Главным теоретиком кружка был Дружинин. В известной степени взгляды кружка на искусство разделял в этот период и Лев Николаевич, хотя единение его с Дружининым в этом вопросе было далеко не полным.

Дружинин в своём дневнике 18 декабря 1856 года отмечал: «Боткин, Анненков, я и Толстой (Лев Николаевич. – А.Н.) составляем зерно союза, к которому примыкают Панаев, Майков, Писемский, Гончаров и т.д. Разные новые лица к нам присовокупляются и придают разнообразие беседам».

Почти то же самое писал Дружинин Тургеневу 26 декабря 1856 года: «Круг наш сходится чаще чем когда-либо, то есть почти что всякий

день. Центральные персоны – Боткин, Толстой, Анненков; сверх того Ермил (А.Ф. Писемский. – *А.Н.*), Гончаров, Жемчужников, Толстой Алексей». К этому времени и относится знакомство Л.Н. Толстого с А.К. Толстым.

Всю зиму 1857-1858 года и первое время весны 1858 года Толстой провёл в Москве, лишь несколько дней пробыв в Петербурге в марте 1858 года. Кроме работы над своими произведениями и переписки с друзьями, Толстой в эти месяцы занимался чтением, гимнастикой, музыкой, много времени отдавал детям сестры, оставшимся без отца, посещал литературных и светских знакомых, изредка бывал в театрах.

Музыка не меньше, чем прежде, продолжала интересовать Толстого. Вместе с А.К. Толстым и А.Д. Столыпиным он был организатором концертов в зале А.В. Киреевой на Большой Никитской. Концерты устраивались еженедельно по субботам.

Весной 1859 года Толстой закончил новую повесть (то ли роман) «Семейное счастье», а через год по совету друзей решил отдать её в «Русский вестник», выходивший под редакцией М.Н. Каткова при близком участии Боткина. «Русский вестник» в то время придерживался либерального направления на «английской подкладке» (выражение Аполлона Григорьева); в нём сотрудничали М.И. Михайлов, А.К. Толстой, Марко Вовчок, В.В. Стасов, П.В. Анненков, С.М. Соловьёв и др.

К осени 1859 года в Толстом назрел кризис от слишком большого увлечения в рамках «бесценного триумvirата» «чистым искусством» и даже вообще литературным делом. Занятие литературой представлялось Толстому в то время суррогатом жизни, некоторым самообманом, самоутешением. В полушутливом тоне он писал Фету: «... А повести писать всё-таки не стану. Стыдно, когда подумаешь: люди плачут, умирают, жёныя, а я буду повести писать «как она его полюбила». Глупо, стыдно».

Искусство как «созерцание красоты», «чистое искусство», в защиту которого ещё так недавно выступал Толстой в своей речи в Обществе любителей российской словесности, вызывает в нём теперь сильнейший протест. Жрецы «чистого искусства», авторы «грациозных» повестей, рассказов и стихов возбуждают в Толстом чувство сильной антипатии. Прежде всего таким его состоянием можно объяснить его чрезвычайно прохладное отношение к одной значительной акции группы известных русских литераторов.

Дружинин известил Толстого, что 7 августа 1859 года был утверждён устав Общества для пособия нуждающимся литераторам и учёным – так называемого Литературного фонда. В ноябре в газетах был помещён список членов – учредителей этого Общества. В этом списке в числе других литераторов значились Анненков, Григорович, Дружинин, Майков, Некрасов, Панаев, Писемский, Полонский, Салтыков, А.К. Толстой, Л.Н. Толстой, Тютчев, Тургенев, Чернышевский, Шевченко, из москви-

чей – Боткин, Островский, Фет. В ответ на извещение Дружинина Толстой категорически заявил ему в письме от 20 декабря: «Заносить меня в список литераторов незачем».

Но как ни крепился Толстой, как ни бесспорны казались ему основания его отказа от литературной деятельности и отдаления от литераторов, отказ этот не мог не быть для него очень тяжёлым. Литературная деятельность не только доставляла ему внутреннее удовлетворение, но и составляла смысл его жизни, служила для него связью с людьми, ставила перед ним высокие задачи, исполнение которых оправдывало его жизнь в его собственных глазах. Ещё на Кавказе он записал в дневнике, что благодаря литературной деятельности он выполняет свои обязанности «перед соотечественниками»; в рассказе «Севастополь в мае» писал, что служение «правде» составляет цель его писательской работы; Панаеву из Севастополя писал, что очень хотел бы «иметь влияние» в литературе; в период создания «Люцерна» записал в дневнике, что ему многое нужно сказать «нового идеального». С отказом от литературной деятельности прекращалось его служение «правде» и исполнение обязанностей «перед соотечественниками» на том поприще, к которому он чувствовал призвание и на котором уже выступал с таким успехом. Твёрдая почва, на которой он стоял в течение нескольких лет, уходила из-под его ног, и им всё чаще и чаще овладевало мрачное настроение.

Неизвестно, к чему бы привёл Толстого его пессимизм, если бы перед ним не открылась неожиданно новая, всецело захватившая его, плодотворная деятельность, в которой потонули его скептицизм и пессимизм. Речь идёт о педагогической деятельности: о создании Яснополянской школы для крестьянских детей, об издании журнала «Ясная Поляна», о первом заграничном путешествии с целью изучить систему народного образования в Европе...

Известно, что к стихотворной поэзии Л.Н. Толстой относился очень субъективно и избирательно, что, впрочем, вполне естественно [8].

В 1885 году Лев Николаевич, сравнивая баллады А.К. Толстого со стихотворениями Некрасова (сопоставление не вполне корректно с точки зрения жанров сопоставляемых произведений), говорил, что у Алексея Толстого поэтический тон не выдержан: «начнёт высоко, а кончит куплет уж водевильно», в то время как у Некрасова «тон всегда выдержан от начала до конца», у того чутья больше...» – важное достоинство с точки зрения Толстого.

Нелестный отзыв Льва Николаевича об А.К. Толстом зафиксировал В.Ф. Лазурский, записавший в дневнике его оценки о разных писателях (апрель 1899 года): «Увлекался я когда-то Пушкиным, Лермонтовым; потом в Петербурге указали мне на Тютчева, которого я полюбил; Фета тоже, но меньше. Некрасов никогда поэтом не был. Алексея Толстого провозгласили поэтом, а потом Полонского (очевидно, что

Л.Н. Толстой с этим не согласен. – *А.Н.*). Майков блестящ сравнительно с ним (Полонским. – *А.Н.*). Полонский глуп, никогда не мог ни одной вещи выдержать»...

Но «зато»... В феврале 1900 года у Л.Н. Толстого гостил автор тюремных очерков Д.А. Линёв (Долин), и Толстой читает вслух собравшимся остросатирический «Сон Попова» А.К. Толстого, направленный против бюрократически-чиновничьего аппарата России. По записи П.А. Сергеенко, Толстой оценил это сочинение своего дальнего родственника безапелляционно: «Это бесподобно».

Аналогичное суждение Толстого о сатирическом стихотворении А.К. Толстого «Сон Попова» записано в «Воспоминаниях о Л.Н. Толстом» писателя С.Т. Семёнова в 1912 году. Толстой находил также, что в этом стихотворении «удивительно изображено состояние стыда во сне» (по свидетельству А.Б. Гольденвейзера).

В январе 1909 года после чтения стихов А.К. Толстого «Иоанн Дамаскин», которые Толстого не удовлетворили, он на вопрос приезжей гостьи – «Вы не любите стихов?» – ответил: «Нет, кроме самых больших талантов, как Пушкин, Тютчев. У Пушкина не чувствуешь стиха; несмотря на то, что у него рифма и размер, чувствуешь, что иначе нельзя сказать; а здесь (т.е. в «Иоанне Дамаскине» А.К. Толстого. – *А.Н.*) я чувствую, что то же самое можно сказать на тысячу различных ладов».

Невысокого мнения был Л.Н. Толстой и о драматургии А.К. Толстого. В марте 1899 года в разговоре с П.П. Гнедичем Толстой высказал недовольство картиной Сурикова «Суворов», «затем дивился, почему такая бледная посредственность, как трагедия А. Толстого «Царь Фёдор Иоаннович», имеет огромный успех, и отнёс это к упадку вкусов публики». Вообще, исторические пьесы А.К. Толстого и Островского Лев Николаевич считал «подражаниями» «Борису Годунову» Пушкина, а самого «Бориса Годунова» – «подражанием» Шекспиру.

В декабре 1876 года в письме к Фету читаем (речь – о поэзии): «Толстой ужасен... Баратынский настоящий, хотя мало красоты, изящества, но есть прекрасные вещи. Один стих «Любить и лелеять недуг бытия» стоит дороже всех драм Толстого (Алексея Константиновича. – *А.Н.*)».

Д.П. Маковицкий в «Яснополянских записках» пишет (октябрь 1906 года): «Толстой сказал, что получил книгу Чаадаева, но ему «скучно» её читать. На слова сына С.Л. Толстого, что «это всё устарело», Толстой заметил: «А Герцена всегда будут читать». На признание С.Л. Толстого, что он не читал «Князя Серебряного» А.К. Толстого, Л.Н. сказал: «Имеешь полное право не читать «Князя Серебряного»...

Мы можем предположить, что прохладное отношение Л.Н. Толстого к творчеству своего дальнего родственника объясняется несколькими причинами:

во-первых, «салонным» образом жизни А.К. Толстого – человека общительного, красивого внешне, блиставшего умом и манерами – в отличие от всегда сосредоточенного, озабоченного, философско-аналитически воспринимającego жизнь, чуждого светской мишуре Л.Н. Толстого;

во-вторых, «разбросанностью» в родах и жанрах литературы, этой творческой «всеядностью» А.К. Толстого – в отличие от гениального прозаика – романиста Л.Н. Толстого, пьесы которого тоже написаны прозой, а не стихами, как у А.К. Толстого;

в-третьих, всё-таки, при всей разнородности и разножанровости творчества А.К. Толстого, по преимуществу он оставался стихотворцем,

поэтому, как стихотворной поэзии, как мы уже отмечали, Лев Николаевич относился, прямо скажем, избирательно и даже придирчиво [9].

Тем не менее, и в таком восприятии Л.Н. Толстым творчества А.К. Толстого нам интересно узнать о каких-то штрихах его литературно-эстетических вкусов.

7. ТОЛСТОЙ и САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН

Начнём с эпизода, имеющего вроде бы самое отдалённое отношение к имени великого русского сатирика.

К 1839 году относится один разговор, глубоко врезавшийся в память Льва и, несомненно, оказавший некоторое влияние на его умственное развитие. В «Исповеди» (1882) Толстой рассказывает:

«Помню, что когда мне было лет одиннадцать, один мальчик, давно умерший, Володенька М., учившийся в гимназии, придя к нам на воскресенье, как последнюю новинку объявил нам открытие, сделанное в гимназии. Открытие состояло в том, что бога нет и то всё, чему нас учат, одни выдумки. (Это было в 1838 году). Помню, как старшие братья заинтересовались этой новостью, позвали и меня на совет, и мы все, помню, очень оживились и приняли это известие как что-то очень интересное и весьма возможное».

Упоминаемый здесь Володенька М. – это ровесник брата Льва Толстого Серёжи Владимир Алексеевич Милютин, младший брат военного министра при Александре II Дмитрия Алексеевича и деятеля крестьянской реформы Николая Алексеевича Милютиных. В памяти Толстого В. Милютин остался как прекрасный рассказчик.

Он рано начал печататься в журналах (статьи о политэкономии, пролетарском движении и пауперизме в Европе, по истории науки). Статьи В. Милютина вызвали сочувствие В.Г. Белинского. Милютин был в кружке Петрашевского, но ареста счастливо избежал по причине своего отсутствия в то время в Петербурге. В начале 50-х годов он магистр государственного права, затем профессор Петербургского университета.

В.А. Милютин был личным другом М.Е. Салтыкова-Щедрина, который тоже был членом кружка Петрашевского и который посвятил ему свою первую повесть «Противоречия» и изобразил его в рассказе «Брусин» (1849) под именем М-н.

К сожалению, на 29-м году жизни В.А. Милютин по личным причинам покончил самоубийством. «Современник» напечатал некролог, где было сказано: «Русская наука лишилась одной из надежд своих; русская литература – одного из умных и даровитых писателей...».

Вот кем стал впоследствии тот «Володенька», который в 13 лет проповедовал атеизм мальчикам Толстым по соседству с комнатой их богомольной тётушки, в доме, находившемся недалеко от громадного храма Смоленской божьей матери.

Разумеется, рассказ Милютина оставил известный след в сознании всех четырёх братьев и не остался без некоторого воздействия на умственное развитие самого младшего из них – недаром он счёл нужным упомянуть о нём в своей «Исповеди»...

Социальные основы двух разных дворянских родов Толстых и Салтыковых были ощутимы уже в детские годы Лёвы и Миши. В частности, отношение к крепостным крестьянам в Ясной Поляне в период детства Толстого было, очевидно, сравнительно гуманным. Толстому не приходилось видеть около себя тех ужасов крепостничества, какие видели в домах своих отцов Герцен, Некрасов, Тургенев, Салтыков-Щедрин. И потому Толстой, противник крепостного права, по личным впечатлениям не мог написать ничего, подобного ни хватающим за душу первым главам «Былого и дум» Герцена, ни скорбному стихотворению Некрасова «Родина», ни трогательному рассказу Тургенева «Муму», ни потрясающей «Пошехонской стороне» Салтыкова-Щедрина.

Но и Толстой, и Салтыков-Щедрин – каждый по-своему – определённо выразили антикрепостнический пафос в своих произведениях и с удовлетворением восприняли его в творчестве других писателей. Например, Салтыков-Щедрин в очерках «Круглый год» (1879-1880) так вспоминал о впечатлении, произведённом на него повестями Д.В. Григоровича: «Я помню «Деревню», помню «Антон Горемыку», помню так живо, как будто всё это совершилось вчера. Это был первый благотворный весенний дождь, первые хорошие, человеческие слёзы, и с лёгкой руки Григоровича мысль о том, что существует мужик-человек, прочно залегла и в русской литературе, и в русском обществе». Такое же сильное впечатление произвёл «Антон Горемыка» и на Толстого. 27 октября 1893 года в поздравительном письме Григоровичу по случаю 50-летия его литературной деятельности Толстой писал почти дословно, только подробнее, то же самое: «Вы мне дороги... в особенности по тем незабвенным впечатлениям, которые произвели на меня, вместе с «За-

писками охотника» Тургенева, ваши первые повести. Помню умиление и восторг, произведённые на меня, тогда шестнадцатилетнего мальчика [10], не смеявшего верить себе, «Антоном Горемыкой», бывшим для меня радостным открытием того, что русского мужика, нашего кормильца и – хочется сказать – нашего учителя, можно и должно описывать во весь рост, не только с любовью, но с уважением и даже трепетом».

Известно, что первое значительное произведение Салтыкова-Щедрина «Губернские очерки» (1856-1857) было посвящено, в значительной части, взяточничеству чиновников. Затронута эта тема в то же самое время и в пьесе Островского «Доходное место» (1857). Толстой отдал предпочтение «Доходному месту», общественное значение которого, по его мнению, подобно общественному значению для своего времени «Горя от ума», а по художественным достоинствам комедию Островского он ставит выше «Губернских очерков» Щедрина.

Но вот более важный, обобщающий отзыв Толстого о Салтыкове-Щедрина, кстати, того же времени. Летом 1857 года Толстой провёл несколько дней в Петербурге, где читал произведения Салтыкова-Щедрина, после чего записал в дневнике: «Салтыков – талант, серьёзный».

1857-1858 годы – время резкого изменения направления и содержания передовой русской литературы во второй половине 50-х годов. Не только рассказ «Люцерн» с его резкой критикой европейской буржуазной цивилизации, но и повесть «Утро помещика» с её замечательными крестьянскими типами и передовой идеей о невозможности улучшения жизни крестьян при существовании крепостного права – не были оценены по достоинству не только большинством читателей, но даже и одним из редакторов «Современника» И.И. Панаевым (оценка другого редактора «Современника» Чернышевского была иная).

Недовольство последними произведениями Толстого было связано прежде всего с этим изменением направления, а именно: интерес к социально-общественным, актуальным вопросам современности стал в ту пору преобладающим в литературе и вызван он был переменами в самой жизни, обстановкой общественного возбуждения, предшествовавшей революционной ситуации 1859-1861 годов.

Толстой ещё в предыдущем году замечал усилившееся тяготение массы читателей к обличительному направлению в литературе, о чём он писал Некрасову 2 июля 1856 года. Теперь это тяготение ещё больше определилось.

Панаев, который сам был не чужд некоторых симпатий к «чистому искусству», но в то же время внимательно следил за настроениями и требованиями читателей, 28 июня 1857 года с грустью писал за границу своему другу Боткину: «Вообще я должен тебе сказать, что по всем моим наблюдениям, которые подтверждаются миллионами фактов, русская публика требует теперь чтения более серьёзного, а в беллетристике

– рассказов вроде Щедрина, Мельникова и Селиванова. Щедрин весь разошёлся. Будет печататься второе издание...».

О том же писал и Некрасов Тургеневу 30 июня 1857 года: «Вся литература и публика за него круто повернула в сторону затрагивания общественных вопросов...».

Толстой, вернувшись в Москву, так писал Боткину о своих впечатлениях от встреч с петербургскими и отчасти московскими литераторами (письмо от 1 ноября): «Вообще, надо вам сказать, новое направление литературы сделало то, что все наши старые знакомые и ваш покорный слуга сами не знают, что они такое, и имеют вид оплётанных. Некрасов... Панаев... сами уж и не думают писать, сыпят золото Мельникову и Салтыкову, и всё тщетно. Анненков проводит вечера у Салтыкова и т.д. Островский говорит, что его поймут через 700 лет, Писемский тоже, Гончаров в уголке потихоньку приглашает избранных послушать его роман («Обломов». – *А.Н.*), а Майков ужасно презирает толпу... Салтыков даже объяснил мне, что для изящной литературы теперь прошло время (и не для России теперь, а вообще), что во всей Европе Гомера и Гёте перечитывать не будет больше».

О своём отношении к «новому направлению литературы» Толстой далее говорит: «Ведь всё это смешно, и ошалеешь, как вдруг весь свет вас уверяет, что небо чёрное, когда вы его видите голубым, и невольно подумаешь, хорошо ли сам видишь». Но Толстой тут же прибавляет, что он «не изменил своего взгляда».

Вместе с тем Толстой оговаривается, что, по его мнению, «наша (подчёркнуто Толстым. – *А.Н.*) литература есть если не противузаконное, то ненормальное явление, и потому построить на нём всю жизнь противузаконно». Под этими словами Толстой, очевидно, разумел то, что художественные произведения, не связанные непосредственно с текущей жизнью («наша литература»), доступны и интересны только незначительному меньшинству. В этих словах Толстого – зародыш того отрицательного отношения к искусству «образованных классов» (в противоположность народному творчеству), которое через пять лет Толстой выскажет в своих педагогических статьях. Толстой очень доволен тем, что не послушал Тургенева, который доказывал ему, что «литератор должен быть только литератор». «Это было не в моей натуре».

Боткин ответил Толстому пространным письмом от 22 ноября 1857 года. Он признавал законность в пользу обличительного направления литературы. «Вас приводит в недоумение, – писал он Толстому, – новый путь, который приняла наша журнальная беллетристика; но разве Вы забыли, что Россия переживает первые дни после Крымской войны, ужаснувшей её неспособностью, безурядицей и всяческим воровством?.. Рассказы Щедрина попали как раз в настоящую минуту. Оскорблённое национальное чувство, как всякое оскорбление, требовало воз-

мездия – и бросилось с злым наслаждением читать рассказы о всяких общественных мошенничествах, то есть плевать самому себе в рожу. Всякому они были близки и знакомы, явились читатели, которые прежде книги в руки не брали. Ведь душевные драмы, поэзия, художественный элемент в литературе – всегда были доступны только самому малейшему меньшинству; большинство читателей никогда в этом ничего не понимало. Теперь, когда явилась литература, понятная и близкая каждому из этого большинства, – ясно, что оно должно было броситься на неё. Всё это застало нашу литературу врасплох: подобного она не ожидала...».

Для Толстого такая апология мелкообличительной литературы либерального направления не могла быть убедительной.

«Но неужели, – пишет далее Боткин Толстому, – из этого следует усомниться в поэзии – и разве возможно отбросить её, когда уже душа хоть раз проникла в её мир?.. Мне досадно на Вас, что Вы приходите в недоумение от этого пошлого крика грубых невежд, которые отрицают возможность поэзии и творчества потому, что сами не чувствуют их в себе».

Как видим, Боткин высказывает некоторую неуверенность в твёрдости следования Толстого принципам «чистого искусства».

Ещё более обеспокоился письмом Толстого Тургенев. «Я не хочу верить, – писал он Толстому в ответном письме из Рима от 25 ноября 1857 года, – чтобы нынешнее, юридическое направление литературы Вас сбilo с толку; я на днях прочёл Щедрина «Жениха» («Жених. Картина провинциальных нравов». – А.Н.) – и представить не могу, чтобы можно было придавать какое-либо значение таким грубым штукам; оно может быть полезно, но позволить этому хотя на волос возыметь влияния на собственную деятельность – непростительно; идите своей дорогой – и пишите...».

Тургенев явно обеспокоен тем, как бы вечно ищущий и мятущийся Толстой не был бы захвачен новым («юридическим», как его назвал Тургенев) направлением литературы, которому Тургенев не мог сочувствовать.

11 марта 1858 года Толстой выехал из Москвы в Петербург, где пробыл неделю. В этот свой приезд в северную столицу Толстой особо отмечает своё посещение Салтыкова-Щедрина, который прочёл ему только что написанный им тогда очерк «Два отрывка из книги об умирающих», вызвавший в дневнике Толстого замечание: «Идеалист хорош» (под словом «идеалист» Толстой разумел второго из описанных Щедриным «умирающих»). Тут же Толстой дал и общую оценку Салтыкова как писателя: «Он здоровый талант» (дневник 17 марта; усилия Тургенева явно антищедринского характера в его вышеприведённом письме к Толстому, можно сказать, оказались напрасными).

Салтыков дал Толстому поручение – передать этот очерк в Москве в редакцию «Русского вестника», что Толстой и исполнил. Дружественные отношения между Толстым и Салтыковым продолжались и по возвращении Толстого в Москву. По-видимому, Салтыков в этот свой приезд бывал у Толстого. Фет рассказывает, что он познакомился с Салтыковым у Толстого зимою 1858 года. 4 апреля в дневнике Толстого записано, что в этот день он ужинал у Салтыкова, после чего следует характерная приписка: «Он упрекал меня в гениальности».

А не под впечатлением ли сатирического таланта Салтыкова-Щедрина появляется в новом замысле Толстого – романе «Декабристы» (1860) хлесткая критика либерального общества изображаемого Толстым времени – 1856 года?

Всё содержание написанных трёх глав романа исчерпывается описанием приезда Лабазовых (главный герой – Пётр Иванович Лабазов – декабрист, возвращающийся из сибирской ссылки) в Москву и их встреч с родственниками, знакомыми и незнакомыми людьми. Из этих лиц Толстой особенно останавливается на характеристике либерального болтуна и сплетника, своего рода Бобчинского высшего света, камерюнкера Пахтина, который умел «самые разнообразные предметы соединить в один бестолковый, но гладкий разговор», причём «невозможно было никогда уловить никакого его убеждения или вкуса».

Так и хочется воскликнуть: «Ну, чем не Салтыков-Щедрин, автор «Благонамеренных речей»?!».

Дальше – больше. В одном из зачёркнутых мест первой редакции романа даётся язвительная общая характеристика русского либерализма того времени. Толстой пишет: «Либерализм тоже не так страшен, как показывает это слово. В 56 году все, решительно все были либералы. Не был либералом только тот, у кого недостало умственных способностей выразить что-нибудь либеральное. Консерваторов не было. Нельзя было себе представить человека, который бы решился защищать старый порядок вещей. Его бы камнями закидали. Ещё раз повторяю – это было великое время!» – иронически восклицает Толстой.

Цена этому либерализму определялась тем, что, по словам Толстого, те «значительные» москвичи, которые в то время «считали своей неременной обязанностью оказывать всевозможное внимание знаменитому изгнаннику» (то есть возвратившемуся декабристу), эти же самые «значительные» люди «ни за что на свете» не хотели бы видеть его три года тому назад, в эпоху крайней реакции последних лет царствования Николая I.

Высшее московское общество изображено Толстым сатирически. Перед читателем раскрывается невежественность представителей этого общества (Шекспира считают автором «Энеиды»), его провинциализм, состоящий в чрезвычайной узости круга, который составляет это обще-

ство. «Говорят о провинциализме маленьких героев, – пишет Толстой, разумея, очевидно, незадолго перед тем вышедшие в свет «Губернские очерки» Салтыкова-Щедрина. – Нет хуже провинциализма высшего общества. Там нет новых лиц, но общество готово принять всякие новые лица, ежели бы они явились; здесь же редко, редко, как теперь Лабизовы, признаны принадлежащим к кругу и приняты, и сенсация, производимая этими новыми лицами, сильнее, чем в уездном городе»[11].

И вот Л.Н. Толстой опубликовал роман-эпопею «Война и мир». Сдержанное отношение к нему демократически настроенных читательских кругов 1860-1870-х годов отчасти объясняется следующими воспоминаниями Н. Лысцева, секретарём журнала «Беседа» в начале 1870-х годов: «Толстой не был ещё тогда всемирным властителем дум, да и в русской литературе занимал в то время бесспорно высокое место как автор «Войны и мира», но не первое... Первый его роман «Война и мир» хотя все прочли с удовольствием, как высокохудожественное произведение, но, сказать правду, без особого энтузиазма, тем более, что воспроизводимая великим романистом эпоха стояла далеко от тех злоб дня, которые волновали в те годы русское общество. Например, «Обрыв» Гончарова произвёл гораздо большую сенсацию в обществе, не говоря уже о романах Достоевского... Каждый новый роман Достоевского вызывал и в обществе, и у молодёжи бесконечные споры и толки. Настоящими же властителями дум читающей русской публики оставались в то время два писателя – Салтыков-Щедрин и Некрасов. Выход каждой новой книжки «Отечественных записок» ожидался с напряжённым нетерпением, чтобы узнать, кого и что хлещет своим сатирическим бичом Салтыков, или кого и что воспоёт Некрасов. Граф Л.Н. Толстой стоял вне тогдашних общественных течений, чем и объясняется некоторый индифферентизм к нему русского общества той эпохи».

Мнение М.Е. Салтыкова-Щедрина о «Войне и мире» известно только со слов Т.А. Кузьминской. В своих воспоминаниях она рассказывает: «Не могу не привести комичный желчный отзыв о «Войне и мире» М.Е. Салтыкова. В 1866-1867 годах Салтыков жил в Туле, равно как и мой муж. Он бывал у Салтыкова и передал мне его мнение насчёт двух частей «1805 года». Надо сказать, что Лев Николаевич и Салтыков, несмотря на близкое соседство, никогда не бывали друг у друга. Почему, – не знаю. Я в те времена как-то не интересовалась этим. Салтыков говорил: «Эти военные сцены – одна ложь и суета... Багратион и Кутузов – кукольные генералы [12]. А вообще – болтовня нянюшек и мамушек. А вот наше так называемое «высшее общество» граф лихо прохватил. «При последних словах слышался жёлчный смех Салтыкова».

В романе «Анна Каренина» Толстой изобразил светское общество в гораздо более чёрных красках, чем это было сделано им в «Войне и мире». Становится понятным то, что писал Толстому Н.Н. Страхов

7 мая 1877 года: «... Только прочитавши Вас, можно понять, что это за мир; Вы не рассказываете никаких ужасов, а все невинные и даже смешные вещи, но, конечно, обличаете (подчёркнуто Страховым. – А.Н.) больше, чем Тургенев, Некрасов и Салтыков напрягающиеся для этого из всех сил».

Мнение Салтыкова о «Войне и мире», изложенное в воспоминаниях Т.А. Кузьминской, было «укреплено» отрицательным отзывом сатирика о романе Л.Н. Толстого «Анна Каренина». 9 марта 1875 года Салтыков писал Анненкову: «Вероятно, Вы читали роман Толстого о наилучшем устройстве быта детородных частей. Меня это волнует ужасно. Ужасно думать, что ещё существует возможность строить романы на одних (подчёркнуто Салтыковым-Щедриным. – А.Н.) половых побуждениях. Ужасно видеть перед собой фигуру безмолвного кобеля Вронского. Мне кажется это подло и безнравственно. И ко всему этому прицепляется консервативная (подчёркнуто Салтыковым-Щедриным. – А.Н.) мысль, которая торжествует (имеется в виду Константин Левин. – А.Н.). Можно ли себе представить, что из коровьего романа Толстого делается какое-то политическое знамя?»

Письмо это (если оставить в стороне грубость выражений, объясняемую тем, что Салтыков писал частное письмо своему хорошему знакомому и никогда не думал, что оно будет напечатано) очень характерно для Салтыкова как писателя и как редактора. Салтыков ни в одном своём произведении не использовал любовные отношения своих героев в качестве основного сюжета. К романам и повестям, построенным исключительно на описании любовных историй героев, Салтыков относился с нескрываемым презрением. Отсюда его резкий отзыв о последних романах Золя, «которыми все офицеры и кокотки высшего света упиваются» (письмо к Толстому 21 декабря 1882 года). По первым двум книжкам «Русского вестника» Салтыков, так же, как и Стасов, составил себе неверное представление о романе Толстого «Анна Каренина», а тот факт, что за роман Толстого, как за своего рода знамя, ухватилась консервативная критика, ещё более настроил против него Салтыкова.

В более позднем письме к П.В. Анненкову от 2 декабря 1875 года Салтыков сообщал, что он намерен написать ряд очерков, в которых, в числе других действующих лиц, будет фигурировать «шпион литератор, который в подражание «Анне Карениной» пишет повесть «Влюблённый бык». Такая пародия, названная «Благонамеренная повесть», была начата Салтыковым; было написано вступление и начало повести, озаглавленное «Мои любовные радости и любовные страдания. (Из записок соловья быка)». Очерки, о которых Салтыков писал Анненкову, были напечатаны в первой книжке «Отечественных записок» за 1876 год, но «Влюблённого быка» в их числе не оказалось – пародия Салтыкова не была закончена и появилась только после его смерти.

Можно считать несомненным, что Салтыков с течением времени изменил своё мнение об «Анне Карениной». Это видно и из того факта, что в «Отечественных записках» 1877 года появилась рецензия, в которой вполне серьёзно рассматривался образ Левина, – и ещё из того, что в год появления отдельного издания «Анны Карениной» Салтыков обратился (как один из редакторов) к Толстому с просьбой о сотрудничестве в «Отечественных записках».

Своё обращение к Толстому Салтыков начал словами: «Милостивый государь граф Лев Николаевич. Было время, когда я пользовался Вашим знакомством: может быть, Вы вспомните. Но если б Вы даже и совсем позабыли о моей личности, всё-таки я считаю себя вправе как литератор к литератору обратиться к Вам с следующей просьбой... И мне лично, и всей редакции нашей было бы очень приятно и дорого, если б Вы приняли в нашем журнале участие своими трудами. Слухами земля полнится, и из этих слухов мы знаем, что Вы написали или пишете новый роман. Если Вы ещё не распорядились им, то, поместив его в «Отечественные записки», крайне обязали бы редакцию». И Салтыков просит Толстого уведомить о его условиях и о том времени, когда роман может быть передан в редакцию.

Толстой отвечал каждому из трёх названных редакторов, но до нас дошёл его ответ только Стасюлевичу, которому он писал: «Писание моё ещё лежит для меня в таком дальнем ящике, что я и не позволяю себе загадывать о его напечатании». В таком же духе, очевидно, Толстой отвечал и Семевскому и Салтыкову.

Получив письмо Толстого, Салтыков отправил ему второе письмо, в котором высказал своё «чувствительнейшее огорчение» по поводу того, что Толстой не мог обещать предоставить редакции его журнала ещё неоконченный роман, и выражал надежду на то, что у Толстого «может случиться и другая конченная работа», которая также «могла быть полезна» для «Отечественных записок». «Поверьте, – писал далее Салтыков-Щедрин, – что я не ради рекламы желаю Вашего участия в журнале, а просто потому, что ценю высоко Вашу литературную деятельность».

Толстой, без сомнения, ответил и на это письмо Салтыкова, но ответ его до нас не дошёл.

О неподдельном интересе Л.Н. Толстого к творчеству М.Е. Салтыкова-Щедрина говорит такой факт. 29 октября 1878 года С.А. Толстая отметила в дневнике окончание работы над биографическим очерком Толстого. 2 ноября она писала Страхову: «Я написала для издания Русской библиотеки краткий биографический очерк жизни Льва Николаевича, но ему всё кажется не довольно кратким. Хотел он вас просить прислать для образца сочинения Салтыкова, жизнеописание которого самое краткое из всех, но занимался всё утро, очень устал, пошёл на охоту и вам не написал».

Не известно, была ли письменная переписка между Толстым и Салтыковым-Щедриным за последующие года два, но осенью 1881 года (когда уже свершился «перелом» в мировоззрении Л.Н. Толстого в сторону религиозной патриархальности) он пишет письмо в «Отечественные записки» лично М.Е. Салтыкову-Щедрину. К сожалению, письмо это не обнаружено [13], и содержание его известно только из письма Салтыкова к члену редакции «Отечественных записок» Г.З. Елисееву. 30 сентября 1881 года Салтыков-Щедрин писал в этом письме: «Я получил от Льва Толстого диковинное письмо. Пишет, что он до сих пор пренебрегал чтением русской литературы и вдруг, дескать, открыл целую новую (подчёркнуто автором. – *А.Н.*) литературу, превосходную и искреннюю – в «Отечественных записках»! И это так его поразило, что он отныне намерен писать и печатать в «Отечественных записках». Я, разумеется, ответил, что очень счастлив, и журнал счастлив, и сотрудники счастливы, что будем ждать с нетерпением, а условия предоставляем определить ему самому. Но пока ещё ответа от него нет».

Салтыков-Щедрин в своём письме не указывает, когда он получил письмо Толстого и когда послал ему ответ, и само письмо Салтыкова Толстому неизвестно. Таким образом, мы лишены возможности определить, было ли письмо Толстого Салтыкову написано до его переезда в Москву (когда Толстые приобрели особняк в Хамовниках – в связи с необходимостью обучать детей в Москве) или позднее. Скорее всего, письмо это было написано уже после переезда Толстых в Москву (на зимний период, то есть, на время учёбы детей).

В 1912 году Г.А. Русанов, литератор и публицист, в своих «Воспоминаниях» под заглавием «Поездка в Ясную Поляну 24-25 августа 1883 года» приводит такой диалог с Л.Н. Толстым. На слова Русанова, что любимым писателем современной молодёжи является Щедрин, так как он «касается политики, злобы дня», Толстой ответил:

– И он вполне стоит этого. Щедрина я люблю, он растёт, и в последних произведениях его звучит грустная нота.

Толстой спросил Русанова, читал ли он «Современную идиллию» Щедрина и помнит ли он из неё «суд над пескарями». Русанов заметил, что в «Современной идиллии» хороши ещё «лоботрясы».

– Это прелестно, – согласился Толстой и привёл на память цитату о лоботрясах.

– Хорошо он пишет, – продолжал Толстой, – и какой оригинальный слог выработался у него.

Русанов высказал мнение, что такой же в своём роде оригинальный слог был у Достоевского, но Толстой возразил:

– Нет, нет. У Щедрина великолепный, чисто народный, меткий слог, а у Достоевского что-то деланное, ненатуральное.

Весной 1884 года Толстой очень много читал, что отразилось в его дневнике. В частности, в «Отечественных записках» читает «Пошехонскую старину» Салтыкова-Щедрина, которая (увы! – А.Н.) не произвела на него благоприятного впечатления (дневник от 31 марта: «Болтовня Щедрина»).

Осенью того же года Толстой продолжал «начитывать» лучшие образцы художественной, религиозной, научной литературы. 13 сентября он перечитывал Некрасова, чтобы выбрать из него стихотворения, подходящие для чтения детям, и в тот же день читал детям Тургенева, Салтыкова-Щедрина и Некрасова – все «прекрасные» вещи, но ни одна из них в дневнике не названа.

30 ноября 1885 года у Толстого в Москве сошлись В.Г. Чертков (верный последователь религиозно-нравственного учения Толстого), П.И. Бирюков (первый биограф Л.Н. Толстого) и В.Ф. Орлов; они беседовали с Толстым о работе издательства «Посредник».

Между 30 ноября и 2 декабря Толстой пишет М.Е. Салтыкову-Щедрина письмо, в котором говорит: «С тех пор, как мы с вами пишем, читающая публика страшно изменилась, изменились и взгляды на читающую публику. Прежде самая большая и ценная публика была у журналов – тысяч 20, и из них большая часть искренних, серьёзных читателей; теперь сделалось то, что качество интеллигентных читателей очень понизилось – читают больше для содействия пищеварению, и зародился новый круг читателей, огромный, — надо считать сотнями тысяч, чуть не миллионами. Те книжки «Посредника», которые вам покажет Чертков, разошлись в полгода в ста тысячах экземпляров каждая, и требования на них всё увеличиваются...

К делу то, что мне кажется, вспоминая многое и многое из ваших старых и теперешних вещей, что если бы вы представили себе этого мнимого читателя и обратились бы к нему и захотели бы этого, вы бы написали превосходную вещь или вещи и нашли бы в этом наслаждение то, которое находит мастер, проявляя своё мастерство перед настоящими знатоками...

У вас есть всё, что нужно: сжатый, сильный, настоящий язык, характерность, оставшаяся у вас одних, не юмор, а та, что производит весёлый смех, и по содержанию – любовь и потому знание истинных интересов жизни народа...

Вы можете доставить миллионам читателей драгоценную, нужную им и такую пищу, которую не может дать никто, кроме вас».

3 декабря вернувшийся в Петербург Чертков отправился к Салтыкову с письмом Толстого, но видеть Салтыкова в этот день Чертков не мог – он был болен. В тот же день Чертков что-то писал Толстому о Щедрина, но письмо это до нас не дошло. 6-7 декабря Толстой ответил Черткову: «Сейчас получил ваше второе письмо, милый друг. Оба очень

были мне радостны; вчерашнее – тем, что вы пишете о Салтыкове. Как бы хорошо было помочь ему, вызвав на ту дорогу, на которой он найдёт успокоение».

9 декабря Чертков писал Толстому: «Салтыков написал мне, спрашивая, годятся ли для вас такие вещи, которые уже были в печати, и предлагал свой «Сон в летнюю ночь...». Нельзя было, мне кажется, найти менее подходящую вещь для нашей цели».

29 декабря Чертков сообщает Толстому о Салтыкове: «С разных сторон мне говорят, что он очень занят мыслью писать для наших изданий и что ваше письмо произвело на него сильное впечатление. А.М. Кузьминский говорил мне, что Щедрин, несмотря на свою болезнь, проработал на днях целый день над рассказом для нас и что на следующий день он вследствие этого встал совсем больной, и язык его не слушался». Далее Чертков выражал своё мнение, что следовало бы дать Салтыкову «несколько более определённое понятие» о задачах «Посредника». «Судя по тому, – писал далее Чертков, – как он даже спрашивал о том, в каком роде писать, и по тому, как он сочувственно отнёсся к вашему письму, он охотно выслушает от вас взгляд на это и наверное примет его в соображение. Если можете – напишите, если же вам не хочется, то сообщите мне, и я лично всё выскажу ему, хотя, разумеется, это будет несравненно хуже».

Толстым письмо Салтыкову написано не было, Чертков же после этого неоднократно виделся с Салтыковым и говорил с ним о задачах «Посредника».

19 марта 1886 года Чертков извещал Толстого, что Салтыков прислал ему несколько своих сказок: «Бедный волк», «Самоотверженный заяц», «Пропала совесть», «Рождественская сказка». «Во всех почти его рассказах, подходящих сколько-нибудь к нашей цели, есть что-нибудь прямо противоположное нашему духу; но когда указываешь на это, то он говорит, что всю вещь написал именно для этого места и никак не соглашается на пропуск».

Сотрудничество Салтыкова в «Посреднике» не осуществилось.

В 1889 году Толстой читал «Пошехонскую старину» Салтыкова-Щедрина (печаталась в «Вестнике Европы»): «И хорошо, да старо, нового нет. Мне точно жалко его, жалко пропавшую силу».

Иногда мнение Толстого менялось. Например, в июле 1894 года в разговоре с Н.Н. Страховым и В.Ф. Лазурским о литературе Толстой, в частности, говорил о Салтыкове-Щедрине: «Слишком длинно и утомительно. Вот эти последние ещё лучше: «Пошехонская старина» и другие». На вопрос, неужели ему не нравятся сказки Щедрина или «Господа Головлёвы», Толстой отвечал: «Некоторые сказки – да, другие не выдержаны; например, про карася, вообще аллегорические. «Господ Головлёвых» забыл».

Но вот осенью 1901 года Лев Николаевич «вспомнил» знаменитый роман Салтыкова-Щедрина следующим образом. А.Б. Гольденвейзер свидетельствует: Толстой слушает чтение «Господ Головлёвых», и ему «нравится». А в феврале 1905 года о рассказе Салтыкова «Рождественская сказка» Лев Николаевич сказал, что надо бы его поместить в «Круг чтения» (Д.П. Маковицкий). Но в тех же воспоминаниях А.Б. Гольденвейзера читаем (говорит Толстой): «Верное средство наскучить – всё договаривать до конца (по-французски). Про Щедрина это вполне можно сказать. Он всё всегда договаривал до конца. Я никогда не мог читать его» (лето 1909 года).

Эти противоречивые мнения Л.Н. Толстого о М.Е. Салтыкове-Щедрине объяснимы следующими причинами.

1. Революционный демократизм политических взглядов Салтыкова-Щедрина не совпадал с философией жизни человека в представлении Толстого, всегда находящегося в морально-этических поисках сущего, с 80-х годов окрашенных глубоким религиозным чувством.

2. Политическая «злоба дня» для Салтыкова-Щедрина была неременным предметом его художественных сатирических произведений; Толстой же за редким исключением (например, сцены суда в «Воскресении», размышления Левина по земельному вопросу в «Анне Карениной», критика порочной дисциплины в армии времён Николая I в рассказе «После бала») политические темы с беспощадным критическим пафосом разрабатывал в публицистических статьях и памфлетах.

3. Отсюда – различие в изобразительно-выразительных средствах того и другого и, как следствие, – неодинаковые эстетические принципы.

Тем не менее, даже это различие двух разных художественно-эстетических систем не мешало иногда с пониманием относиться к литературному творчеству друг друга.

8. ТОЛСТОЙ и ЛЕСКОВ

Неудивительно, что этот раздел мы начнём с оценок творчества Л.Н. Толстого, которые сделал его младший литературный собрат, глубоко чтивший талант автора «Войны и мира». Речь идёт о Н.С. Лескове не как писателе, а как литературном критике.

Дело в том, что в 1869-1870 годах в газете «Биржевые ведомости» Лесков поместил три статьи (без подписи), где высказал ряд замечательно верных суждений, касающихся отдельных вопросов, затронутых в «Войне и мире», и всего произведения в целом.

Об отношении критики к Толстому и Толстого к критике Лесков написал очень метко и остроумно: «В последний год вырос и возвысился до незнакомой нам доселе величины автор «Детства» и «Отрочества», и он являет нам в своём последнем, прославившем его сочинении о

войне и мире не только громадный талант, ум и душу, но и (что в наш просвещённый век реже) большой, достойный почтения характер. Между выходом в свет томов его сочинения проходят длинные периоды, в течение которых на него, по простонародному выражению, всех собак вешают: его зовут и тем, и другим, и фаталистом, и идиотом, и сумасшедшим, и реалистом, и спиритом; а он в следующей за тем книжке опять остаётся тем же, чем был и чем сам себя самому себе представляет... Это ход большого, поставленного на твёрдые ноги и крепко подкованного коня».

Пятый том «Войны и мира» Лесков назвал «прекрасным сочинением». Всё, что составляет содержание тома, «рассказано Толстым опять с огромным мастерством, характеризующим всё сочинение. В пятом томе, как и в четырёх первых, нет утомительной или неловкой страницы и на всяком шагу попадаются сцены, чарующие своею прелестью, художественною правдою и простотой. Есть места, где простота эта достигает необычайной торжественности». «Как на образец красот подобного рода» автор указывает на описание умирания и смерти князя Андрея. «Прощание князя Андрея с сыном Никулушкою; мысленный, или лучше сказать, духовный взгляд умирающего на покидаемую жизнь, на горести и заботы окружающих его людей и самый переход его в вечность – всё это выше всяких похвал по прелести рисовки, по глубине проникновения в святая святых отходящей души и по высоте безмятежного отношения к смерти... Ни в прозе, ни в стихах мы не знаем ничего равного этому описанию».

Переходя далее к исторической части пятого тома, Лесков находит, что исторические картины нарисованы автором «с большим мастерством и с удивительною чуткостью». По поводу придирчивых статей военных критиков Лесков говорит: «Может быть, военные специалисты найдут в деталях военных описаний графа Толстого много такого, за что они снова найдут возможным сделать автору замечания и укоризны вроде тех, какие ему уже были от них сделаны, но, поистине говоря, нас мало занимают эти детали. Мы ценим в военных картинах Толстого то яркое и правдивое освещение, при котором он нам показывает марши, стычки, движения; нам нравится самый дух (подчёркнуто Лесковым. – А.Н.) этих описаний, в которых волею-неволею чувствуется веяние духа правды (подчёркнуто Лесковым. – А.Н.), дышащего на нас через художника».

Остановившись главным образом на портретах Кутузова и Растопчина, Лесков в заключение своей статьи говорит, что исторические лица в романе Толстого очерчены «не карандашом казённого историка, а своеобразною рукою правдивого и чуткого художника».

По выходе шестого тома Лесков писал, что «Война и мир» – это «наилучший русский исторический роман», «прекрасное и многозначущее сочинение»; что «нельзя не признать несомненную пользу прави-

вых картин графа Толстого»; что «книга графа Толстого даёт весьма много для того, чтобы, углубляясь в неё, по бывшему разуместь бываемое» и даже «видеть в зеркале гадания грядущее»; что это произведение «составляет гордость современной литературы».

Лесков берёт под защиту положение Толстого о решающей роли масс в историческом процессе. «Военные вожди, — пишет он, — как и мирные правительства, состоят в непосредственной зависимости от духа страны и вне пределов, открываемых им для эксплуатации этим духом, ничего совершить не могут... Никто не может предводительствовать тем, что само в себе заключает лишь одну слабость и все элементы падения... Дух народа пал, и никакой вождь ничего не сделает, точно так же, как сильный и сознающий себя народный дух сам неведомыми путями изберёт себе пригодного вождя, что и было в России с засыпавшим Кутузовым... Не известно ли критикам, что у падавших народностей в самые крайние минуты их падения являлись очень замечательные военные таланты и не могли сделать ничего капитального для спасения отчизны?».

В качестве примера Лесков указывает на «популярного и сведущего в своём деле» польского революционера Костюшко, который, видя неуспех восстания, в отчаянии воскликнул: «Конец Польше!». «В этом восклицании способнейшего вождя народного ополчения поляки напрасно видят нечто легкомысленное, — говорит Лесков, — Костюшко видел, что в низком уровне духа страны было уже нечто невозвратное, изрекшее его любимой родине «Конец Польше!».

Далее Лесков касается обвинения Толстого «одним философствующим критиком» в том, будто бы он «просмотрел народ и не дал ему надлежащего значения в своём романе» [14]. На это Лесков отвечает: «Говоря поистине, мы не знаем ничего смешнее и неумнее этой забавной укоризны писателю, сделавшему более, чем все (подчёркнуто Лесковым. — А.Н.), для вознесения народного духа на ту высоту, на которую поставил его граф Толстой, указав ему оттуда господствовать над суетой и мелочью деяний отдельных лиц, удерживавших за собою до сих пор всю славу великого дела».

Лескову совершенно ясен жанр «Войны и мира» как эпопеи. В заключительной статье, написанной по выходе в свет последнего тома произведения, Лесков писал: «Кроме личных характеров — художественное изучение автора, видимо для всех, с замечательною энергиею было направлено на характер всего народа, вся нравственная сила которого сосредоточилась в войске, боровшемся с великим Наполеоном. В этом смысле роман графа Толстого модно было в некотором отношении считать эпопеею великой и народной войны, имеющей своих историков, но далеко не имевшей своего певца. Где слава, там и сила. В славном походе греков на Трою, воспетом неизвестными певцами, чувствуем ро-

ковую силу, дающую всему движение и через дух художника вносящую неизъяснимое наслаждение в наш дух, – дух потомков, тысячелетиями отделённых от самого события. Много совершенно подобных ощущений даёт автор «Войны и мира» в эпопее 12 года, выдвигая перед нами возвышенно простые характеры и такую величавость общих образов, за которыми чувствуется неисследимая глубина силы, способной к невероятным подвигам. Многими блестящими страницами своего труда автор обнаружил в себе все необходимые качества для истинного эпоса».

Не менее восторженно воспринял Лесков роман Толстого «Анна Каренина». Он писал И.С. Аксакову 23 марта 1875 года: «Что же про «Анну Каренину»? Я считаю это произведение весьма высоким и просто как бы делающим эпоху в романе. Недостаток (и то ради уступок общему говору) нахожу один – так называемая «любовная интрига» как будто не развита... Любовь улажена не по романическому, а как бы для сценария... Не знаю, понятно ли я говорю? Но я думаю: не хорошо ли это? Что же за закон непременно так, и не этак очерчивать эти вещи? Но если это и недостаток, то во всяком случае он не более как пылинка на картине, исполненной невыразимой прелести изображения жизни современной, но не тенденциозной (что так испортило мою руку). Однако у нас роман дружно ругают (подчёркнуто Лесковым. – А.Н.) (Дмитрий Самарин тому свидетель): светские люди раздражаются, видя своё отображение и придираются к непристойности сцены медицинского осмотра княжны Кити, а за настоящими светскими людьми тянут ту же ноту действительные статские советники, составляющие теперь довольно значительную общественную разновидность, с претензией на хороший тон. Литературщики злобствуют потому, что роман появляется в «Русском вестнике» – для них этого довольно. Но есть и жаркие почитатели Карениной, по преимуществу в числе женщин среднего слоя. Вообще же успех романа весьма странный, и порою сдаётся, что общество совсем утратило вкус: многим (подчёркнуто Лесковым. – А.Н.) «Женщины» Мещерского нравятся более, чем «Анна Каренина»... Что с этим делать?»

По выходе мартовской книжки «Русского вестника» за 1875 год Н.С. Лесков 6 апреля писал И.С. Аксакову: «Третий кус «Анны Карениной», по-моему, столь же хорош, как и первые два».

В начале 80-х годов, когда Толстой переосмыслил своё мировоззрение и окончательно перешёл на позиции патриархального крестьянства, он решил писать рассказы, в которых выразил бы свои новые мысли. Известен только один рассказ, написанный Толстым в последние месяцы 1881 года – легенда «Чем люди живы». В основу легенды положена сделанная Толстым запись одного из рассказов гостившего у него в 1879 году олонецкого сказителя былин В.П. Щеголёнка.

Однако легенда, рассказанная Щеголёнком, не народного, а книжного происхождения. Сюжет этой легенды принадлежит к числу так называемых бродячих сюжетов. Тема этой легенды может быть выражена в следующих словах: часто люди видят, как те, кто совершенно ни в чём не повинен, терпят бедствия и переносят страдания, и это вызывает в людях негодование и мысль о том, что бог жесток и несправедлив по отношению к этим людям. Но такое суждение ошибочно. В конце концов, всё то, что люди считают злом, обращается в добро и благо, и таким образом раскрывается премудрость и справедливость бога.

Новое произведение Л.Н. Толстого, появившееся после четырёх-летнего перерыва с появления в печати романа «Анна Каренина», естественно, вызвало ряд отзывов в периодической печати и откликов в частной переписке.

Здесь не место рассматривать все эти отзывы. Укажем лишь на мнение критика консервативно-церковного направления К.Н. Леонтьева. Первоначально религиозный философ высказался по этому поводу в газете «Гражданин» (июль 1882 года). Статья эта может служить образцом того сумбура, до которого доходил талантливый критик под влиянием монархически-церковного склада воззрений.

В том же 1882 году Леонтьев вторично выступил против легенды Толстого в брошюре «Наши новые христиане Ф.М. Достоевский и гр. Лев Толстой», где перепечатал свою рецензию из «Гражданина». Брошюра вызвала обстоятельный и язвительный отзыв Лескова, напечатанный под названием «Граф Л.Н. Толстой и Ф.М. Достоевский как ересиархи. (Религия страха и религия любви)».

В первых же строках статьи Лесков называет брошюру Леонтьева «пропитанной ядом нетерпимости», содержащей «тяжкое и в то же время любопытное обвинение в ереси двух любимых русских писателей: графа Льва Николаевича Толстого и покойного Фёдора Михайловича Достоевского».

«Ересь – слово не шуточное, – писал Лесков. – В старину обвинение в ереси считалось очень серьёзным и важным и угрожало обвиняемому весьма тяжёлыми и огорчительными, а иногда и роковыми последствиями, как то: отлучением от церковного общения, проклятием, лишением сана, имущества, ссылкой и даже смертной казнью, – и притом часто лютою и самую мучительною... Конечно, в настоящее время из-за брошюры г. Леонтьева не предадут посмертной анафеме Достоевского, а также не сожгут на костре и даже не отправят в ссылку гр. Толстого, но зато сам г. Леонтьев ровно ничем не рискует и притом имеет перед обвиняемыми большие шансы – удерживать за собою последнее, победоносное слово. Достоевский уже мёртв и ничего не ответит, а граф Лев Николаевич, хотя благодаря бога и жив, но и он, конечно, не может отвечать на подобное обвинение тем же печатным путём. Или, по край-

ней мере, он не может исполнить этого со всем тем чистосердечием, которого требуют серьёзность вопроса и личное достоинство искреннего человека. Известный эпизод с религиозной статьёю графа в «Русской мысли» вполне г-на Леонтьева на этот счёт обеспечивает» (Лесков имел в виду запрещение «Исповеди» в майской книжке «Русской мысли» за 1882 год).

Заметив попутно, что Достоевский был недостаточно начитан в духовной литературе, Лесков писал: «Совсем иное в этом отношении представляет благочестиво настроенный и философски свободный ум графа Л.Н. Толстого, в произведениях которого, – как напечатанных, так ещё ярче в ненапечатанных, а известных только в рукописях, – везде видна большая и основательная начитанность и глубокая вдумчивость».

Приводя подлинные библейские тексты, Лесков уличил Леонтьева в неверном толковании основ христианства и неосновательности его упрёков Толстому. Он опроверг также обвинение Толстого в «одностороннем демократизме» его легенды, доказав, что персонажи из народа изображены Толстым «с художественным соблюдением верности склада их речи и их простонародного мирозерцания» и что «общее впечатление рассказа глубоко-трогательное и способное возбуждать самые добрые чувства».

Заканчивая свою обширную статью, Лесков писал: «Многую простоту (подчёркнуто Лесковым. – А.Н.) предполагает г. Леонтьев в своих читателях и почитателях, но наипаче – напрасно он подымлет свои неискусные руки на таких людей, как Достоевский и особенно граф Лев Николаевич Толстой, христианские идеалы которого прелестны, чисты и, как сам он где-то признался, – освящены глубоким душевным страданием, доходившим у него «до разделения души с телом».

Около 1 апреля 1885 года вышли в свет первые четыре книжки издательства «Посредник». Это были: «Чем люди живы» Льва Толстого, его же «Бог правду видит, да не скоро скажет» и «Кавказский пленник», а также «Христос в гостях у мужика» Н.С. Лескова (из сборника рассказов Н.С.Лескова «Русская рознь», вышедшего в 1881 году).

В 1886 году вышла в свет повесть Толстого «Смерть Ивана Ильича». Первый печатный разбор её принадлежит Лескову. До того Лесков уже выступал в печати, защищая народные рассказы Толстого от реакционных критиков. В июне 1886 года он напечатал статью «О куфельном мужике и проч.».

«Куфельный мужик» – это кухонный мужик, служащий на кухне, подобно изображённому в повести Толстого Герасиму.

Умиравший Иван Ильич только в разговорах с буфетным мужиком Герасимом находил облегчение своим мучениям. Герасим один только жалел умирающего барина, не лгал сам и не заставлял лгать Ивана Ильича. Радость жизни, сила, красота, ловкость Герасима не ос-

корбляли измождённого болезнью Ивана Ильича, потому что Герасим не притворялся, не лицемерил.

В статье Лескова, помимо всякой оценки повести, содержится чрезвычайно ценный материал об истории самого понятия «куфельный мужик». Оказывается, что выражение это ближайшим образом восходит к Достоевскому. Лесков рассказывает, что Достоевский, посещая иногда в последние годы жизни великосветские салоны, «и провешал нам о “куфельном мужике”». Разговаривая о религиозной вере с графиней Ю.Д. Засецкой (дочерью известного партизана и поэта 1812 года Дениса Довыдова), «раздражённый Достоевский в гневе воскликнул:

– Не видите, к кому идти за научением! Хорошо! Ступайте же к вашему *куфельному мужику* – он вас научит».

От себя Лесков добавляет: «Чем Ф.М. Достоевский, как чуждый пришлец в большом свете, только пугал, то граф Л.Н. Толстой сделал... Барин сам попросил мужика прийти к нему, и вот перед отверстым гробом куфельный мужик научил барина ценить истинное участие к человеку страждущему, – участие, перед которым так ничтожно и противно всё, что приносят друг другу в подобные минуты люди светские».

Консервативный критик Ю. Елагин развивал мысль о том, что «трагедия Ивана Ильича – в принадлежности к «мертвенному слою», оторвавшемуся от «стихии народной». На этом основании он защищал в связи с повестью Толстого славянофильскую концепцию преклонения перед стихией народной жизни.

В начале статьи «О куфельном мужике и проч.» Лесков писал: «...я разделяю мнение тех, кто считает графа Л.Н. великим и даже величайшим современным писателем в мире. Но из всех критиков, восхваляющих графа, по моему мнению, иностранные критики судят о нашем великом писателе лучше и достойнее, чем критики русские...».

Известная деятельница народного образования А.М. Калмыкова, переехавшая в 1885 году из Харькова в Петербург, сблизилась здесь с кружком «Посредника». Подготовленный ею сборник небольших рассказов для народного чтения («Цветник») был послан на одобрение Толстому. Толстой предложил редакторам «Посредника» переделать сборник.

Во втором издании «Цветника», вышедшем в 1889 году, была помещена притча Толстого «Мудрая девица». Он набросал её в письме к В.Г. Черткову от 20 июня 1887 года, заметив, что хотел бы «написать сказочку такую». Чертков нашёл, что мысль уже высказана совершенно ясно, и попросил разрешения опубликовать притчу. После нескольких стилистических поправок эта скупая программа сказки, занимающая 17 строк, была напечатана. «Мудрая девица» отгадала, почему у царя неудачи: «Она сказала, что важнее всех часов – теперешний, потому что другого ни одного нет такого же. А нужнее всех тот человек, с которым

сейчас имеем дело, потому что только этого человека и знаем. А дороже всех дел то, чтобы сделать этому человеку доброе, потому что это одно дело тебе наверное на пользу». Этот сюжет, с разрешения Толстого, обработал в 1890 году Н.С. Лесков в рассказе «Час воли божией». Толстой написал свою сказку – «Три вопроса» лишь в 1903 году.

Весной и летом 1886 года развернулась чрезвычайно бурная журнально-газетная полемика вокруг 12-й части Сочинений Толстого – «Произведения последних годов». Русская читающая публика и критика впервые смогла познакомиться сколько-нибудь обстоятельно с «новыми» – после перелома в мировоззрении – социальными, философскими, этическими и эстетическими взглядами Толстого.

С особенной страстью обрушились критики на теорию непротивления злу насилием. В защиту Толстого выступило «Русское богатство» в лице Л.Е. Оболенского. Критик газеты «Неделя» Р.А. Дистерло тоже защищал Толстого. Лесков, подводя итог этой полемике, справедливо заметил в статье «О рожне. Увет сынам противления»: «Есть хвалители, есть порицатели, но совестливых и толковых судей нет».

1887 год – время появления в печати драмы Толстого «Власть тьмы». И Лесков тут же откликнулся на неё: две сдержанные заметки («О драме Л.Н. Толстого и о её варианте», «По поводу драмы «Власть тьмы») в «Петербургской газете».

В апреле 1887 года, когда Толстой всего одну неделю находился в Москве, произошла его первая встреча с Н.С. Лесковым. «Какой он умный и оригинальный человек!» – делился Толстой своим впечатлением.

С Чертковым Лесков уже два года как был знаком по делам «Посредника». Толстой читал Лескова, давал отзывы о его рассказах. 23 января 1887 года он писал Черткову о легенде Лескова «Сказание о Фёodore-христианине и о друге его Абраме-жидовине», напечатанной в №12 «Русской мысли» за 1886 год: «Статья Лескова, кроме языка, в котором чувствуется искусственность, превосходна. И по мне, ничего в ней изменять не надо, а все средства употребить, чтобы её напечатать у нас как есть».

В день приезда Толстого в Москву, 18 апреля, Лесков отправил ему письмо и просил «не отказать» в «сильном», «горячем желании» увидеться. Ответ Толстым, несомненно положительный, к сожалению, не сохранился. 20 апреля Лесков был в Хамовническом доме.

С этого времени началась дружба и деятельная переписка, продолжавшаяся до смерти Лескова (1895).

В одном из писем 1893 года (к Л.И. Веселитской) Лесков говорил, что Толстой для него – «святыня на земле». Однако, поясняя свою позицию, заметил, что «совпал» с Толстым, а не «вовлечён» им: «Я ему не подражал, а я раньше (подчёркнуто Лесковым. – А.Н.) его говорил то же самое, но только не речисто, не уверенно, робко и картаво. Почуяв его

огромную силу, я бросил свою плошку и пошёл за его фонарём». 4 ноября 1877 года, вскоре после встречи с Толстым, Лесков признавался в письме к Черткову: «Я всегда с ним в согласии, и на земле нет никого, кто мне был бы дороже его. Меня никогда не смущает то, чего я с ним не могу разделять: мне дорого его общее, так сказать, господствующее настроение его души и страшное проникновение его ума».

В конце 1888 – начале 1889 года Толстой увлечённо читал Лескова. Рассказы Лескова издавались «Посредником». Ещё в апреле, получив книжечку с легендой «Совестный Данила», Толстой отозвался в письме биографу П.И. Бирюкову: «Лескова легенду прочёл в тот же день, как она вышла. Эта ещё лучше той («та» – легенда Лескова «Прекрасная Аза», изданная «Посредником» в 1887 году. – А.Н.) обе прекрасны. Но та слишком кудрява, а эта проста и прелестна».

В ноябре 1888 года он читал рассказ Лескова «На краю света. Из воспоминаний архиерея». О рассказе «Колыванский муж. (Из остзейских наблюдений)», помещённом в «Книжках Недели», заметил в дневнике: «Хорошо», а о другом рассказе – «При детях» – «прекрасно».

В последний день 1888 года в Хамовническом доме читали вслух повесть «Зенон-златокузнец», изъятую цензурой из ноябрьской книжки «Русской мысли» (Лесков прислал Толстому рукопись или корректуру своей повести. Оценка повести была сдержанной: «Много лишнего, так что не от всей души» (дневник, 4 января 1889 года), но вся обстановка чтения, мнения слушателей гостей толстовского дома – вызвали размышления об искусстве.

В конце декабря 1889 года, получив переписанный М.Л. Толстой (дочерью) экземпляр только что законченной повести «Крейцера соната», В.Г. Чертков устроил у себя на квартире публичное её чтение. Собралось свыше 50 человек, среди них Лесков, Эртель, Леонтьев (Щеглов), Л.Е. Оболенский, Гайдебуров и др. Читал Н.И. Горбунов, брат И.И. Горбунова.

В сентябре 1890 года Толстой работает над переводом рассказа Ги де Мопассана «Порт» с вариантами толстовских названий: «Всё наши сёстры», «Роковая встреча», «У девок». Было решено напечатать его сначала в газете «Новое время». Последнее заглавие показалось Черткову опасным, – Толстой предложил уже четвёртое: «Обычное удовольствие молодых людей». Это заглавие не понравилось издателю А.С. Суворину, он посоветовал: «Сёстры» и, конечно, настаивал на смягчениях в тексте. Лесков предложил назвать рассказ по имени героини – «Франсуаза». Без подписи Толстого, с пометкой «Рассказ по Мопассану», он появился 5 февраля 1891 года с заглавием, предложенным Лесковым.

С именем Н.С. Лескова связана и деятельность Л.Н. Толстого во время голодного года в России (1891-1892).

В голодный год Толстой совершил подвиг и чувствовал себя, как некогда в осаждённом Севастополе.

Земства, взявшиеся за организацию помощи голодающим, возглавлялись помещиками и интеллигентами, настроенными либерально, а часто и консервативно. Они не только не требовали от правительства серьёзной помощи, но в своих статистических сведениях всеми способами сокращали «едоков» – число крестьян, нуждающихся в продовольственной и денежной ссуде. А губернская администрация находила обычно преувеличенными или излишними и эти урезанные требования и часто уменьшала размеры помощи, а то и вовсе отказывала в ней.

Эти разговоры о помощи голодающим, такие средства «помощи» и вызвали возмущение Толстого. Зная хорошо жизнь русской деревни, он понимал, что голод – не случайная неприятность, происшедшая от неурожая, а неизбежное и, в сущности, постоянное бедствие, что хищническим хозяйничаньем помещиков и капиталистов крестьяне доведены до крайней нужды и разорения.

Правительство бездействовало, и надежды у крестьян на избавление от голодовок 90-х годов никакой не было. Не надеяться же на богатеев!

Толстой с самого начала отверг как нелепую мысль о возможности прокормить народ за счёт подачек богачей.

4 июля 1891 года, отвечая Н.С. Лескову на его вопрос, что ему делать для борьбы с голодом, Толстой написал: «Я думаю, что надо все силы употреблять на то, чтобы противодействовать – разумеется, начиная с себя, – тому, что производит этот голод. А взять у правительства или вызвать пожертвования, т.е. собрать побольше мамона неправды и, не изменяя подразделения, увеличить количество корма, – я думаю, не нужно, и ничего, кроме греха, не произведёт... И потому против голода одно нужно – чтобы люди делали как можно больше добрых дел... Доброе же дело не в том, чтобы накормить хлебом голодных, а в том, чтобы любить и голодных, и сытых. И любить важнее, чем кормить, потому что можно кормить и не любить, т.е. делать зло людям, но нельзя любить и не накормить... И потому, если вы спрашиваете: что именно вам делать? – я отвечаю, вызывать, если вы можете (а вы можете), в людях любовь друг к другу, и любовь не по случаю голода, а любовь всегда и везде; но, кажется, будет самым действительным средством против голода написать то, что тронуло бы сердца богатых. Как вам бог положит на сердце, напишите, и я бы рад был, кабы и мне бог велел написать такое».

Н.С. Лесков показал это письмо человеку, близкому к Толстому, – одному из деятелей «Посредника», И.И. Горбунову. Тот попросил копию. Журналист А.И. Фаресов, которому Лесков прочёл письмо, тоже снял копию, и 4 сентября 1891 года в газете «Новости» письмо было напечатано (вскоре перепечатано «Новым временем»).

Появление письма вызвало целую бурю в прессе. На Толстого обрушилась как либеральная и народническая печать («Русские ведомости», «Киевлянин», «Смоленский вестник» и др.), обвинявшая Толстого в «доктринёрской чёрствости» (Н.К. Михайловский) [15], в том, что он «пережёвывает давно всем известные зады» («Смоленский вестник»), так и реакционная...

Среди людей искусства самыми духовно близкими Толстому в 90-е годы стали двое – художник Н.Н. Ге и писатель Н.С. Лесков.

Лескову Толстой писал не часто, да и редкие письма 1892 года не сохранились; встретиться им уже не довелось, хотя, узнав о болезни Лескова, Толстой собирался в Петербург, а Лесков всё надеялся попасть в Москву, чтобы повидаться с обожаемым другом (до Ясной Поляны он уже не мечтал доехать). Письма Лескова полны трогательных признаний: «Я не пишу к Вам, конечно, только потому, что мне совестно отрывать Вас от трудов на общую пользу»; «С Вами я сообщён ежедневно»; «Ваши слова мне все в помощь»; «Вы для меня имеете значение, которое пройти не можете, ибо я с ним надеюсь перейти в другое существование, и потому нет никого иного, кроме Вас, кто бы был мне дорог и памятен, как Вы... За одно Ваше намерение посетить меня я Вам благодарен до слёз...».

Помимо интереса к литературному труду друг друга, особенно со стороны Лескова к Толстому, были общие дела – забота о преследуемых властью, чаще всего – о сектантах; общие знакомые – А.Ф. Кони, М.О. Меньшиков, Л.Я. Гуревич и др.; общие мысли – о смерти, для Лескова уже близкой, а для Толстого постоянно обдумываемой (в дневнике, начиная с 1889 года, почти всякая запись завершалась пометой и мольбой: «Если буду жив», или кратко: «Е.б.ж.»).

Иной раз Лесков осторожно не соглашался. «В пользе гонений я с Вами не согласен, и Вы не докажете, что все (подчёркнуто Лесковым. – А.Н.) гонения «ничего не могут произвести, кроме содействия истинному просвещению». Это, к сожалению, не так, но если бы и так было, то всё-таки надо стараться унимать гонения, так как при этом люди жестоко страдают». Да и для Толстого «польза гонения» существовала лишь в теории; на практике почти ни один день не проходил без заботы о гонимых и заступничестве за них. В другой раз Лесков просил дополнительно пояснить, почему у неё – смерти – «кроткие глаза», как выразился Толстой в не дошедшем до нас письме.

Всегда с волнением ждал Лесков отзывов Толстого, допытываясь, например, чем нравятся «Импровизаторы» и почему не понравились «Пустоплясы» и нетерпеливо ловил возможность поскорее прочитать каждое новое сочинение Толстого, хотя бы в рукописи. 10 января 1893 года Лесков писал в Москву: «Из Ваших 12-ти глав я читал 7. По-моему, всё это нужно, и всё хорошо, и всё «на пользу». И 26 января того же года –

Л.И. Веселитской, посылая ей одно из гектографированных изданий: «Книги Толстого я всегда и всем даю охотно, так уважаю защищаемые в них идеи и ненавижу ложь, которую они назначены рассеивать». После чтения «Царства Божия...» целиком Лесков написал Веселитской: «Разложение и распластание очезримой фальши церковного учения, подменившего учение Христа, произведены со страшной силой и яркостью молнии, раздирающей ночное небо».

Рассказ «Пустоплясы» печатался в «Северном вестнике». Л.Я. Гуревич, придя к Лескову, рассказала ему: цензор огорчился, что разрешил (его «подвели»), потому что «пустоплясы – это дворяне, а на печи лежал, и говорил Толстой». «Сытину теперь этого рассказа будто уже не позволят. Вот чем заняты!», – возмущался Лесков в письме к Толстому.

Когда в самом начале 1893 года к Лескову пришла познакомиться писательница Л.И. Веселитская (Микулич), первые слова её были: «Я знаю, что Вы больны и что Вы любите Льва Николаевича, и я пришла к Вам». Позднее Веселитская вспоминала: «Как-то, вдоволь намолившись на Льва Николаевича, Николай Семёнович сознался в том, что глубоко скорбит о том, что старик не раздал своего имения нищим: «Он должен был сделать это ради идеи. Мы были вправе ожидать этого от него. Нельзя останавливаться на полпути».

В ноябре 1892 года Веселитская, ещё не знакомая с Толстым, написала ему первое письмо. А.С. Суворин, посетивший Ясную Поляну в мае 1891 года, сказал ей, что Толстому понравилась повесть «Мимочка на водах». Потом Т.А. Кузьминская, встретившись с молодой писательницей в Петербурге, приглашала приехать летом в Ясную Поляну. Теперь Веселитская отважилась на письмо: «Я охотно пошла бы к Вам пешком и думаю, что недурно бы мне так пройти по голодной и холодной России...».

Толстой 17 ноября ответил трогательным письмом: «То, что вам передавал Суворин о моём восхищении перед вашей повестью, наверное только в малой степени выражает то, как она мне нравится».

После встречи с Лесковым, вероятно, по его совету, Веселитская 12 мая 1893 года приехала в Ясную Поляну...

Нам надо вспомнить особо, как воспринял Н.С. Лесков трактат Л.Н. Толстого «Царство Божие внутри вас». В июле 1893 года А.М. Хирьяков, молодой журналист, сотрудничавший некоторое время в «Посреднике», привёз в Меррекюль, где проводил лето Лесков, свой рукописный экземпляр книги Толстого. Как вспоминала Веселитская, чтение продолжалось несколько вечеров. Кроме неё, присутствовал М.О. Меньшиков. В письме к Толстому Лесков ограничился краткими замечаниями: «...сочинение Ваше мудро и прекрасно сделано. Надо жить так, как у Вас сказано, а всякий понеси из этого сколько можешь... Всё то, что Вы думаете и выражаете в этом сочинении, – мне сродно по

вере и по разумению, и я рад, что Вы это сочинение написали и что оно теперь пошло в люди». Татьяне Львовне Лесков пояснил: «О впечатлении теперь не буду говорить, так оно огромно (подчёркнуто Лесковым. – А.Н.) и ещё не утряслось. Может быть, нам и не следует писать своих впечатлений, так как всё, что нам кажется, – вероятно, было у Льва Николаевича на уме и им отвергнуто по достаточным причинам». Лесков думал, что интересные замечания высказал М.О. Меншиков, и тот 20 июля написал Толстому своё первое письмо.

«Не могу отделаться от душевной тревоги и раздумья, навеянного этою мужественною, прекрасною книгой, – писал Меншиков. – Вся она, а в особенности её выводы и заключения, производят захватывающее, могучее впечатление, будят стыд и совесть и желание быть лучшим... Нет сомнения, что эта книга вызовет против Вас новые взрывы ненависти, но она же вызовет и искренние слёзы раскаяния, сердечного возмущения, чувство глубокой признательности к единственному человеку, самоотверженно ставшему на защиту общечеловеческой, божеской правды». Толстой 3 августа ответил, что был рад. «Я давно знаю вас и люблю ваши писанья. И потому мне очень дорог был ваш отзыв»...

Надо вспомнить и о письме Толстого Лескову того же июля 1893 года, в котором он, великий писатель, делится со своим духовным другом о своей работе: «Начал было продолжать одну художественную вещь [16], но, поверите ли, совестно писать про людей, которых не было и которые ничего этого не делали. Что-то не то. Форма ли эта художественная изжила, повести отживают, или я отживаю? Испытываете ли вы что-нибудь подобное? [17].

Ещё начал об искусстве и науке. И это очень и очень забирает меня и кажется мне очень важным».

Какая доверительность и откровенность! Н.С. Лесков заслужил их...

8 октября 1893 года Толстой начал писать новую публицистическую статью, озаглавленную позднее «Христианство и патриотизм».

Толстого всё более волновали военные настроения в европейских странах, милитаристские союзы и блоки, тайные приготовления к войне.

В дневнике и письмах статья называлась «Тулон»: поводом к ней послужили шумные празднества по случаю прибытия 1 октября в порт Тулон русской эскадры под командованием вице-адмирала Ф.К. Авелана – в ответ на такой же визит французских моряков в Кронштадт.

Печатаемая статья, законченную лишь в марте 1894 года, Толстой открыл её словами: «Франко-русские празднества, происходившие в октябре прошлого года во Франции, вызвали во мне, вероятно так же как и во многих людях, сначала чувство комизма, потом недоумения, потом негодования, которые я и хотел выразить в короткой журнальной статье; но, вдумываясь всё более и более в главные причины этого стран-

ного явления, я пришёл к тем соображениям, которые и предлагаю теперь читателям».

Статья переполнена гневом и сарказмом. Может быть, поэтому временами Толстой сомневался в том, следует ли её печатать. С самого начала было ясно, что в русской прессе она появиться не может. Были планы послать переводчикам в Германию. Н.С. Лесков, узнав от Л.И. Веселитской об этом, советовал английские газеты, и Толстой согласился, заметив в одном письме, что пошлёт и в немецкие, и в английские, если пошлёт, потому что пока статьёй недоволен, хотя дело важное: «Тут не только протест, но и совет молодым и неопытным, который старику не следует скрывать».

В апреле 1894 года Толстым закончена статья о французском писателе Ги де Мопассане. Дважды – 12 и 19 сентября – по поводу статьи писал Толстому Лесков. «Критическая статья о Мопассане чрезвычайно хороша. Этот могучий человек мне всегда представлялся птицею с огромными и сильными крыльями, но с вытрепанным хвостом, в котором все правильные перья изломаны: он размахнёт широко, а где сесть, не соразмерит. Всё сказанное Вами о нём очень верно, и статья написана так, как бы и надо писать критики, не только для того, чтобы дать людям верное понятие об авторе, но и чтобы самому автору подать помощь к исправлению своей деятельности». И спустя неделю: «Мне очень стыдно за глупые слова, которые я написал Вам о Мопассане. По поводу Вашей статьи о нём я принялся за него наново и перечитал всё, с хронологическою последовательностью по времени писания. Вы совершенно правы: он рос, и кругозор его расширялся, и то, что он дал, есть дорогое достояние. Моя погудка о несоответствии силы крыльев с рулевою силою хвоста этой могучей и дальнотзоркой птицы никуда не годится... Благодарю Вас, что Вы дали мне возможность проверить свои понятия и исправить их»...

2 июня 1894 года в Ясную Поляну пришла тяжёлая весть: накануне на своём хуторе Плиски Черниговской губернии, только что вернувшись домой, скоропостижно умер Н.Н. Ге.

Деятельная натура Толстого проявилась в это время со всею яркостью. Он поощрял В.В. Стасова писать книгу о Ге и отдавал для неё все материалы, в том числе – письма; разным лицам, в частности – Лескову, настойчиво советовал писать воспоминания о художнике...

Всё лето и осень 1894 года продолжалась работа над «Христианским учением», казавшаяся нужной, временами радовавшая, но вялая и трудная. Лесков горячо поощрял Толстого и с нетерпением ждал это сочинение: «Положительное изложение христианского учения в катехизической форме нужно более всякого иного литературного труда, и работа эта, – Вы увидите, – будет знаменитейшим вашим произведением, которое даст место Вашему имени в веках (подчёркнуто Лесковым. – А.Н.)

и сделает дело, прямо сказать, апостольское». Толстой ответил 14 августа: «... Боюсь, что работа, за которую я взялся и о которой вы пишете, мне не по силам. До сих пор, несмотря на упорное занятие, я очень мало подвинулся. Я думаю, что я захотел слишком многого: изложить в краткой, ясной, неоспоримой и неспорной и доступной самому неучённому человеку форме истину христианского мировоззрения – замысел слишком гордый, безумный». Впрочем, добавлял Толстой, лично для него эта работа полезна – «поучает и смиряет»...

Летом того же года, читая присланный редактором английский журнал «Labour Prophet» («Пророк труда»), Толстой нашёл там «прекрасные» мысли Торо (в статье Джона Тревора) и «прекрасное письмо Мадзини о бессмертии». Это письмо он перевёл и отправил издателю газеты «Неделя» и журнала «Книжки Недели» В.П. Гайдебурову. Перевод был напечатан в сентябрьском номере журнала. 12 сентября откликнулся Лесков: «Письмо Мадзини – это один восторг и упоение. Очень хорошо сделали Вы, что обрели его и подали в русском переводе».

... Лесков умер в ночь на 21 января 1895 года в Петербурге. Над диваном, на котором он спал и умер, висел большой портрет Толстого. В третьем номере журнала «Северный вестник» был помещён некролог, и там сообщалось, что среди бумаг оказалась записка, датированная 2 декабря 1892 года, – «Моя посмертная просьба». Лесков просил, чтобы его хоронили «по самому последнему разряду», чтобы не было никаких нарочитых церемоний, собраний «у бездыханного трупа», не говорить никаких речей, а на могиле «никогда не ставить... никакого иного памятника, кроме обыкновенного, простого деревянного креста».

Прочитав 26 марта 1895 года завещание Лескова, Толстой решил, что ему нужно «написать такое же». 27 марта в тетради дневника это было выполнено. Первые два пункта читаются так:

«1. Похоронить меня там, где я умру, на самом дешёвом кладбище, если это в городе, и в самом дешёвом гробу – как хоронят нищих. Цветов, венков не класть, речей не говорить. Если можно, то без священника и отпеванья. Но если это не приятно тем, кто будет хоронить, то пускай похоронят и как обыкновенно с отпеванием, но как можно подешевле и попроще.

2. В газетах о смерти не печатать и некрологов не писать».

Символично, что дружба Л.Н. Толстого и Н.С. Лескова, так трогательно и плодотворно длившаяся долгие годы, как бы сгладила разницу в их статусах – великого и просто замечательного двух русских писателей: Толстой, названный учитель и кумир Лескова, оказался «в учениках» его, всей душой приняв смиренно-аскетический кодекс смерти, составленный Н.С. Лесковым...

9. ТОЛСТОЙ и Глеб УСПЕНСКИЙ

Революционно-демократическая направленность творчества Г.И. Успенского в целом и народнические тенденции его прозы в 70 – 80-е годы не способствовали близости его взглядов со взглядами Л.Н. Толстого. Однако преобладание крестьянской тематики в творчестве Успенского 70 – 80-х годов совпало с переходом Толстого на позиции патриархального крестьянства, что вызвало определённый интерес двух писателей к творчеству друг друга.

Но первое знакомство Толстого и Успенского приходится на начало 60-х годов, когда начинающий тульский писатель Глеб Успенский напечатал в журнале Толстого «Ясная Поляна» (в основном, посвящённом педагогическим проблемам) незначительный очерк «Михалыч».

Однако в начале 1864 года в первой части начатого романа «1805 год» есть пассаж, состоящий из шести пунктов, в котором объясняются причины, влияющие на выбор автором своих героев исключительно из аристократического общества.

Так вот, второй пункт определённо направлен против тематики русской литературы 1860-х годов; можно назвать тех писателей, которых имел здесь в виду Толстой. Это Островский («жизнь купцов»), Помяловский («жизнь семинаристов»), Достоевский («жизнь каторжников»), Николай и Глеб Успенские («жизнь мужиков») – те самые Островский и Достоевский, о которых Толстой ещё недавно с такой похвалой отзывался в своих письмах, и те самые Глеб и Николай Успенские, рассказы которых он печатал в «Книжках» «Ясной Поляны».

Следующее сопоставление имён Толстого и Успенского касается отзыва Успенского о герое романа-эпопеи Толстого «Война и мир», а именно: о Платоне Каратаеве. Начнём с того, что в некоторых крестьянских образах классических русских писателей можно найти отдельные черты сходства с образом Платона Каратаева: в некрасовском безымянном мужике из стихотворения «С работы»; в никитинском «дедушке», который «за скорби славит бога» и рад жить, но «не прочь и в могилу, в тёмный уголок»; и, конечно, в тургеневской Лукерье из рассказа «Живые мощи», для которого автор недаром взял эпиграфом стихи Тютчева о долготерпении русского народа; совершенно каратаевский тип выведен Далем в его рассказе «Прадедовские ветлы». Успенский считал Каратаева «типичным лицом, в котором наилучшим образом сосредоточена одна (курсив Успенского. – А.Н.) из самых существенных групп характернейших народных свойств» («Власть земли», гл. VIII). Говоря о том, что в образе Каратаева нашла своё выражение лишь «одна» из сторон психологии русского крестьянина. Успенский хотел сказать, что мирозерцание Каратаева как представителя патриархального крестьянства не выражает мирозерцания всего русского народа.

В середине 70-х годов Толстой работал над «Азбукой». В частности, там он поместил былины о четырёх богатырях: о Святогоре, Сухмане, Вольге и Микулушке Селяниновиче. Центральное место занимает образ Микулы Селяниновича – олицетворение земледельческого труда, выражение силы и мощи трудового крестьянства. Эту былинку Толстой частично переработал, сведя её к заключительному аккорду: «Я Микула есмь, мужик я Селянинович», и прибавляя ещё стих: «Я Микула, – меня любит мать сыра земля». Этого стиха нет ни в одной былинке о Микуле Селяниновиче, он создан самим Толстым. На этот стих его навело одно место из былины «Святогор и Илья». В этой былинке калики перехожие дают следующее наставление богатырю, Илье Муромцу: «Будешь ты, Илья, великий богатырь, и смерть тебе на бою не писана. Бейся, ратися со всяким богатырём и со всею паленицею удалою; а только не выходи драться с Святогором богатырём: его и земля на себе через силу носит;... не бейся и с родом Микуловым: его любит мать сыра земля».

Эту характеристику Микулы, данную каликами перехожими, Толстой приписал самому Микуле, прибавив ещё слово «мужик» (в духе Толстого!), и получилось полное глубокого смысла яркое поэтическое заключение, вполне соответствующее всему содержанию былины.

В очерках Успенского «Власть земли» (гл. IV) былина о Святогоре цитируется в редакции Толстого. «В стариннейшей былинке о Святогоре – богатыре, – пишет там Успенский, – с глубочайшей силой и простотой указывается могущество самой обыкновенной, натуральной земли». Цитируя ответ Микулы Святогору, Успенский подчёркивает в нём те самые слова, которые были прибавлены Толстым, чего Успенский, разумеется, не мог знать [18].

Успенский продолжает внимательно следить за творчеством Толстого.

Вот уже написан и издан роман «Анна Каренина», возбудивший разноречивые отзывы о нём. Но почти все критики и рядовые читатели сходятся в том, что теперь эта книга, а не «Война и мир» у Толстой – главная.

Г. И. Успенский, один из главных сотрудников «Отечественных записок», очень высоко оценил «Анну Каренину» как роман социальный.

22 октября 1878 года он сообщал Н.А. Николадзе о своём замысле написать ряд этюдов под названием «Разговоры об “Анне Карениной”», прибавляя, что этот роман – «богатая тема для изучения современной русской жизни, направления современной русской мысли и русского человека вообще».

Кстати, об «Отечественных записках» М.Е. Салтыков-Щедрин в письме к члену редакции «Отечественных записок» Г.З. Елисееву 30 сентября 1881 года писал: «Я получил от Льва Толстого диковинное письмо. Пишет, что он до сих пор пренебрегал чтением русской литера-

туры и вдруг, дескать, открыл целую *новую* (курсив Салтыкова-Щедрина. – *А.Н.*) литературу, превосходную и искреннюю – в «Отечественных записках». Я, разумеется, ответил, что очень счастлив, и журнал счастлив, и сотрудники счастливы, что будем ждать с нетерпением, а условия предоставляем определить ему самому...».

Неизвестно, какие именно произведения, напечатанные в «Отечественных записках», произвели на Толстого столь благоприятное впечатление. Мы знаем, что Толстому понравились очерки Успенского «Власть земли», печатавшиеся в «Отечественных записках» 1880 года...

24-25 августа 1883 года Толстого в Ясной Поляне посетил член Харьковского окружного суда, небогатый помещик Гавриил Андреевич Русанов, чтобы получить разъяснения по поводу «Исповеди» и «Нового Евангелия» Толстого. Благодаря образованности и широкому умственному кругозору автора, содержательности и достоверности сделанных им записей суждений Толстого по вопросам литературы и общественной жизни, воспоминания Русанова под заглавием «Поездка в Ясную Поляну 24-25 августа 1883 г.» заняли одно из первых мест в мемуарной толстовской литературе. В частности, Русанов пишет: «Зашёл разговор о беллетристах – народниках. Толстой заявил, что Златовратский ему не нравится, но Глеба Успенского похвалил.

« – Он очень хорош, – сказал Толстой, – но его беда в том, что к своим прекрасным изображениям народа он постоянно примешивает разные идейки свои и идейки довольно мелкие».

На слова Русанова, что у Успенского «прекрасный юмор», Толстой опять повторил, что Успенский «очень, очень нравится» ему.

1884 год, декабрь. Толстой работает над статьёй «Так что же нам делать?» о бедности города и деревни. Секретарь «Русской мысли» Н.Н. Бахметьев 5 января 1885 года писал Успенскому, желавшему познакомиться с новой статьёй Толстого в корректурах: «Корректуру сочинения Толстого пришлю Вам, как только она придёт в читаемый и более или менее окончательный вид. Навряд ли нам удастся выпустить эту статью в январской книге, которую задерживать далее 15 января невозможно, а Толстой далеко ещё не готов. Новое его сочинение – замечательное, наделает много шума и вполне вторит Вам, Вашему «Трудами рук своих».

Этот эпизод завершился следующим образом. Февральская книжка «Русской мысли» за 1885 год вышла с вклейкой узкой полоски бумаги, на которой было напечатано: «Произведение графа Льва Николаевича Толстого «Так что же нам делать?» не может быть помещено».

Успенский, читавший статью Толстого в корректуре, имел намерение выступить о ней в печати, о чём он 29 января 1885 года писал Л.Ф. Ломовской: «Последняя статья Льва Толстого меня ужасно смутила, – мне кажется, что это первое фальшивое произведение, и я хочу на-

писать об этом в «Русские ведомости». «Смутили» Успенского, очевидно, первые главы статьи, где Толстой описывает свои попытки благотворительной деятельности среди московской нищеты. Об этих попытках Толстого Успенский 10-15 апреля писал А.И. Иванчину-Писареву, называя их «той чепухой, в которую попал Толстой со своей теорией благотворительности, которую практиковал на деле. Теперь он всё это поправил», – прибавлял Успенский.

После запрещения статьи «Так что же нам делать?» Успенский отказался от своего намерения.

А теперь – о статье Успенского «Трудами рук своих», которую Н.Н. Бахметьев сопоставлял со статьёй Толстого.

Статья Успенского появилась в 11-й книжке «Русской мысли» за 1884 год. В самом начале статьи Успенский сообщает читателю, «томящемуся решением вопроса, как жить свято?», что он намерен познакомить его с одной рукописью, написанной крестьянином, «в которой как бы «брезжит» нечто отвечающее на этот многосложный и многотрудный вопрос».

Рукопись озаглавлена «Трудолюбие, или торжество земледельца». Фамилия автора Успенским не указана, сообщается только, что крестьянин, её написавший, принадлежал к секте молокан, добровольно переехал в Енисейскую губернию.

В основу своих взглядов крестьянин кладёт «первородный закон божий», выраженный в библии словами: «В поте лица твоего снеси хлеб твой, дондеже возвратиши в землю, от неё же взят». Автор, – говорит Успенский, – «последователен в развитии своих идей о святости и неизбежности для человека исполнять первородный закон божий, повелевающий трудиться, и трудиться непременно своими руками».

Человек, – говорит автор-крестьянин, – работающий хлеб своими руками, исполнен всех добродетелей, а удаляющийся от него творит зло». «Муж должен для себя и для жены и для детей своими руками работать хлеб, какого бы он ни был великого достоинства». «Пускай обнародуется этот первородный закон, и все мы получим себе временное и вечное спасение, потому что он собственный наш, земледельческий. А без него мы лишены и того, и другого, без него мы бедны, глупы, злы, без него мы сироты, как маленькие дети без отца и без матери».

Успенский вполне сочувствует основной мысли сочинения «Трудолюбие, или торжество земледельца». Он говорит: «Конечно, на Руси было бы много лучше жить, если бы соха поприбрала под свой целительный покров дурно направленные массы «нерабочего народа». Да и вообще положение независимое на лоскуте земли – положение, выражающееся словами «сам хозяин, сам и работник», – не оскорбительно ни для какого хорошего, образованного и честного человека. И ничего бы не было более желательного и честного человека. И ничего бы не было более же-

лательного, если бы этот «тип» распространился на Руси, входил бы «в моду среди образованных людей подрастающего поколения».

По мнению Успенского, приведённые им отрывки могут иметь значение «только для людей, не боящихся просто и смело *думать* (курсив Успенского. – А.Н.), и думать, конечно, во-первых, о том, «как жить свято?» вообще и, во-вторых, о будущем русских народных масс».

«У русского народа, – говорит далее Успенский, – есть полная возможность развиваться широко, самостоятельно, справедливо, нравственно, разумно».

Успенский называет «бледными» приведённые им отрывки из рукописи крестьянина. Это, конечно, потому, что по цензурным условиям ему совершенно не пришлось коснуться тех сильных, ярких страниц рукописи «Трудолюбие, или торжество земледельца», где содержатся резкие обличения праздной, роскошной жизни привилегированных классов рядом с изнемогающей от непосильного труда голодной крестьянской массой, действительно «в поте лица» добывающей свой хлеб. Намёк на обличительное содержание рукописи крестьянина находим в следующих словах Успенского: «Как ни бледны те отрывки из рукописи, которые мною приведены, но и из них нельзя не убедиться, что в народе таятся вполне определённые и ясные стремления и что во имя веры в их справедливость он *может* (курсив Успенского. – А.Н.) совершенно ясно видеть и сознавать всё, что этим стремлениям не соответствует, мешает, не подходит».

Статья Г.И. Успенского прошла почти незамеченной в литературе. Единственный отклик на эту статью был дан в статье «Обо всём», напечатанной в №12 «Русского богатства» за 1884 год и принадлежащей редактору журнала Л.Е. Оболенскому. Совершенно обходя взгляды о нравственной необходимости земледельческого труда для каждого человека, «какого бы он ни был великого достоинства», Оболенский пишет о значении для народа деятельности интеллигенции: врачей, учителей, земцев и пр. «Конечно, – оговаривается Оболенский, – если кто из интеллигентных людей в силах заняться земледелием... не теряя и способности при нынешних условиях этого труда мыслить и работать умственно, тому дай бог успеха: «Могущий вместити да вместит!», но таких немного».

В кругу читателей «Русской мысли» статья Успенского имела большой успех. В письме к А.И. Иванчину-Писареву от 10-15 апреля 1885 года Успенский, упомянув о том, что в рукописи молоканина цензурой было вычеркнуто «множество» мест, далее писал: «Она произвела большое впечатление, и массу писем я получил».

На Толстого выдержки из сочинения крестьянина, приведённые в статье Успенского, произвели очень сильное впечатление. В письме к Л.Д. Урусову от 13 июля 1885 года Толстой вспоминал свой разговор с

ним о статье Успенского с выдержками из рукописи «молоканина» о «первородном законе труда в поте лица, который забыт человечеством – одной частью». Воспоминание о чтении статьи Успенского находим также в письме Толстого к Черткову, написанном в тот же день [19].

... 21 января 1887 года драма Л.Н. Толстого «Власть тьмы» читалась у В.М. Гаршина по корректурам, полученным от В.Г. Черткова. В числе слушателей был Успенский, который так же, как и остальные, горячо воспринял пьесу Толстого. Автор знаменитых очерков «Власть земли» (1882), с «недоумением» замечавший, что крестьянин выходит из-под этой спасительной власти, писал о конфликте толстовской пьесы: «Не будь расстройств народной среды, дающего деньгам силу, не продались бы Анизя, не пошёл бы в работники Никита, и Пётр, оставшись без купленного труда, выдал бы Акулину замуж честь – честью». Свой главный вывод Успенский сформулировал так: «Хрустение косточек человеческих – явление неизбежное в нашем строе общества».

Вот маленький штришок толстовского отношения к двум конкретным произведениям Успенского. Два дня (5 и 6 февраля 1888 года) у Толстого в московском доме гостили Г.А. Русанов и П.А. Буланже. Говорили о последних произведениях Гончарова – «Слуги», «На родине» («у Гончарова узкий кругозор», – сказал Толстой), рассказах Г. Успенского – «Паровой цыплёнок» («прекрасная вещь») и «Живые цифры» («не нравится»).

Теперь – из полицейской хроники. К 1896 году (28 июля) относится бумага «Сведения о графе Толстом лично, находящиеся в делах департамента полиции». Содержит сведения от 1861 по 1896 годы: данные о борьбе властей с учением Толстого, списки его последователей, описание произведённых у него (1862) и его единомышленников обысков; о связях его с революционно настроенными студентами, с пропагандистами-народниками, обличительном направлении творчества. Особо отмечено сближение в 1892 году «с такими литераторами-народниками, как Михайловский, Успенский и Станюкович».

Уже на склоне жизни отметил Толстой (уже в который раз!) одно знаменитое произведение Успенского. В дневнике Д.П. Маковицкого (его известные четырёхтомные «Яснополянские записки») есть запись слов Толстого: «У Глеба Успенского, которого я невысоко ставлю, есть одна хорошая повесть – «Власть земли», – о том, что земля имеет свойство формировать работающего на ней».

* * *

Следующий раздел курса истории русской литературы 2-й половины XIX века посвящён творчеству Ф.М. Достоевского.

Этот материал помещён в кн.: *А.А. Нестеренко*. Лев Толстой и русская литература: Пособие к историко-литературному спецкурсу

«Творчество Л.Н.Толстого в контексте русской и мировой литературы. – Витебск: Изд-во ВГУ им. П.М.Машерова, 2001 (Глава 5: Л.Н. Толстой и Ф.М. Достоевский как мыслители и художники).

10. ТОЛСТОЙ и ГАРШИН

Конец 70-х – начало 80-х годов ознаменованы двумя откровениями Л.Н. Толстого, обозначившими «перелом» в его мировоззрении – переход на позиции патриархального крестьянства.

Многие писатели, деятели культуры, учёные (например, Д.И. Менделеев, В.В. Стасов) с недоумением восприняли такой крутой (в их представлении) поворот в мировосприятии Толстого.

Но среди молодых писателей того времени нашёлся один, которого очень заинтересовало «опрошение» Толстого. Это был уже пользовавшийся в то время известностью благодаря своим рассказам, печатавшимся в «Отечественных записках», Всеволод Михайлович Гаршин, затем – молодой Антон Павлович Чехов.

Гаршин находился в то время в очень тяжёлом духовном состоянии, вызванном участвовавшими террористическими актами народо-вольцев против членов правительства и казнями террористов. Гаршин считал террор как средство политической борьбы бесплодным; казни революционеров заставляли его глубоко страдать. «Он с ужасом и тоской смотрел на страшную борьбу», – пишет его друг М. Латкина.

12 февраля 1880 года был назначен новый министр внутренних дел М.Т. Лорис-Меликов, и уже 20 февраля было произведено террористом Млодецким покушение на его жизнь. Стрелявший был схвачен, а на другой день, 21 февраля, военный суд вынес ему смертный приговор.

Страшно потрясённый ожиданием казни, Гаршин пишет Лорис-Меликову письмо, в котором умоляет его «простить преступника». «В вашей власти, – писал Гаршин, – не убить его, не убить человеческую жизнь (о, как мало ценится она человечеством всех партий!) и в то же время *казнить* (курсив Гаршина. – А.Н.) идею, наделавшую уже столько горя, пролившую столько крови и слёз виновных и невиновных... Простите человека, убивавшего Вас! Этим Вы казните, вернее скажу – положите начало казни *идеи* (курсив Гаршина. – А.Н.), его пославшей на смерть и убийство, этим же Вы совершенно убьёте нравственную силу *людей* (курсив Гаршина. – А.Н.), вложивших в его руку револьвер».

Ночью Гаршину с большим трудом удалось проникнуть на квартиру Лорис-Меликова с тем, чтобы живым словом усилить действие своего письма. По словам Г.И. Успенского, Гаршин «стал умолять» Лорис-Меликова «на коленях, в слезах, из глубины души с воплем раздиравшегося на части сердца о снисхождении к какому-то лицу, подле-

жавшему строгому наказанию». Гаршин, по рассказу одного из его друзей, умолял диктатора о подвиге прощения, заклинал его «начать все-ленское, всечеловеческое дело мира и добра».

Лорис-Меликов обещал Гаршину что-то сделать, но не сделал ничего, и на другой день, 22 февраля, Млодецкий был казнён. Казнь эта была тяжёлым ударом для Гаршина, и временно он даже заболел психически.

16 марта 1880 года, оправившись от поразившего его недуга, Гаршин из Тулы поехал в Ясную Поляну.

Воспоминания о первой и единственной встрече Толстого с Гаршиным оставил сын Толстого Илья Львович, которому в то время было четырнадцать лет. Несмотря на эксцентричность первых слов Гаршина (на вопрос Толстого: «Что вам угодно?» – он ответил: «Прежде всего мне угодно рюмку водки и хвост селёдки»), разговор быстро наладился. Гаршин назвал себя и сказал, что он тоже «немножко» писатель: Толстой уже читал его рассказ «Четыре дня», напечатанный в «Отечественных записках», и когда узнал, что перед ним автор этого рассказа, начал расспрашивать его, что ему пришлось видеть на войне. «Рассказы его отличались живостью и слушались с интересом», – писал присутствовавший при разговоре Толстого с Гаршиным В.И. Алексеев.

После общего разговора у Толстого с Гаршиным произошла беседа один на один, о которой первый биограф Гаршина Я.В. Абрамов писал, что Гаршин «ставил Толстому какие-то мучившие его вопросы».

Несколько лет спустя Гаршин в беседе с писателем А.И. Эртелем «с чувством живейшего умиления» вспоминал о том, как из Тулы пошёл он пешком в Ясную Поляну к незнакомому ему в то время Л.Н. Толстому, о разговоре с ним, длившемся всю ночь, и о том, что считает эту ночь «лучшей и счастливейшей в своей жизни».

В январе 1887 года Гаршин рассказывал писателю В. Бибикову, что, будучи в Ясной Поляне, он сообщил Толстому «свои планы об устройстве всемирного счастья. Планы Всеволода Михайловича не показались [Толстому] такими несбыточными, какими они казались всем другим, знавшим болезнь Гаршина. Они долго говорили. Подробностей беседы В.М. не помнил, но помнил, что Толстой одобрил и приветствовал его начинания».

В 1906 году редактор издательства «Посредник» И.И. Горбунов – Посадов, а в 1909 году Н.Н. Гусев по просьбе биографа Гаршина, С.Н. Дурылина, расспрашивали Толстого о встрече его с Гаршиным. Толстой сказал, что плохо помнит подробности, но общее впечатление, которое он тогда вынес от Гаршина, выразил словами: «Это была вода на мою мельницу». Толстой почувствовал, что Гаршин, точно так же, как он сам, захвачен исканием нравственной и религиозной истины и попытками осуществления её в своей жизни. Гаршин, по словам Толстого, «был полон планов служения добру». «Лев Николаевич смутно

припоминал, что Гаршин горячо говорил ещё что-то против городов, мечтал о поселении в деревне и строил какие-то планы». «И в этом он тоже был мне близок», – говорил Толстой.

«След» от общения с Гаршиным остался в душе Толстого; прекрасный душевный мир Гаршина был ему близок, но он затруднялся обозначить его чертами более определёнными.

На вопрос Толстого, пишет ли он, Гаршин скромно ответил: «Кое-что пописываю». Особо отметил Толстой, что в Гаршине совсем не было видно писателя, «просто хороший, добрый, милый человек».

Запомнилась Толстому наружность Гаршина: «Прекрасное лицо, большие светлые глаза, всё в лице открыто и светло».

1 апреля 1908 года приехавший в Ясную Поляну Илья Львович Толстой стал припоминать разные эпизоды из прошлой яснополянской жизни, вспомнил и приезд Гаршина. «Он очень понравился мне, – сказал Лев Николаевич, – у него была грусть в глазах. Но глаза красивые».

В 1909 году С.Н. Дурылин побывал в Ясной Поляне и расспрашивал Толстого о Гаршине. Он узнал от Толстого, что Гаршин ничего не сказал ему о своём письме к Лорис-Меликову и посещении его. Эта черта необыкновенной скромности Гаршина, сообщает Дурылин, «помню, вызвала настоящее умиление во Льве Николаевиче. Он несколько раз в разговоре возвращался к ней».

Из Ясной Поляны В.М. Гаршин, по воспоминаниям его брата Евгения Михайловича, поехал верхом в город Новосиль Тульской губернии, где «как лицо подозрительное» был задержан. Через несколько дней брат нашёл его в имении А.И. Филатова Мураевка, Кромского уезда Орловской губернии. Здесь Всеволод Михайлович рассказал брату, что получил от Глеба Успенского предложение поехать в Самарскую губернию с тем, чтобы занять место писаря сельского ссудосберегательного товарищества, на что он охотно согласился. Он рассказал об этом Толстому, и Толстой одобрил его намерение. По рассказу Гаршина, Толстой принял его у себя в кабинете, куда им подали обед, и беседовал с ним с глазу на глаз.

По словам И.Л. Толстого, Гаршин через некоторое время ещё раз приехал в Ясную Поляну, но уже душевнобольной. Он приехал верхом на неосёдланной лошади, которую отпряг у какого-то тульского извозчика, и сказал, что на этой лошади он поедет в Харьков к матери. Толстого в это время в Ясной Поляне не было. Е.М. Гаршин отрицает сообщение И.Л. Толстого, будто его брат приехал в Ясную Поляну на лошади, отпряжённой у извозчика; он пишет, что у него хранилась расписка тульского извозчика в том, что он продал В.М. Гаршину лошадь и деньги от него получил сполна. Но Е.М. Гаршин относит покупку его братом лошади к первому его посещению Ясной Поляны, о втором же посещении Е.М. Гаршин совершенно не упоминает.

Толстой продолжал интересоваться судьбой Гаршина. 8 февраля 1881 года С.А. Толстая по поручению Льва Николаевича запрашивала свою сестру Т.А. Кузьминскую, жившую с мужем в Харькове, не находится ли в харьковском «сумасшедшем доме» Гаршин и как его зовут. «От ответа на этот вопрос (да ещё на вопрос о том, есть ли в Харькове сектанты-штундисты), – писала Софья Андреевна, – может быть, зависит поездка Лёвочки в Харьков». Но Гаршина в то время уже не было в Харькове.

В конце января или в начале февраля 1884 года у Толстого был приятель Гаршина естественник В.А. Фаусек. «Меня очень тронуло, – писал Гаршин матери 4 февраля 1884 года, – что Толстой меня помнит. Больше всего заинтересовало его, что я занимаюсь переплетением книг, и он очень много расспрашивал В.А. об этом».

В конце января или в начале февраля 1885 года Гаршин ездил в Москву только для того, чтобы повидаться с Толстым, но встреча не состоялась: Толстой в это время был в Ясной Поляне...

А в мае 1880 года о Гаршине напомнил Толстому И.С. Тургенев, приехавший в Ясную Поляну уговорить своего знаменитого друга принять участие на открытии памятника Пушкину в Москве. Тургенев привёз с собой третью книгу журнала «Русское богатство» за 1880 год, где был напечатан рассказ Гаршина «Люди и война», впоследствии печатавшийся в сборниках его сочинений, под названием «Денщик и офицер». Он рекомендовал Толстому Гаршина как лучшего из всех молодых писателей того времени, в чём Толстой с ним вполне согласился. Об этом сам Тургенев писал Гаршину 14 июня 1880 года: «Ваше последнее произведение (к сожалению, неоконченное) «Война и люди» окончательно утвердило за Вами в моём мнении первое место между начинающими молодыми писателями. Это же мнение разделяет и граф Л.Н. Толстой, которому я давал прочесть «Войну и людей».

В 1882 году был напечатан рассказ Толстого «Чем люди живы». Весь рассказ проникнут христианской идеей в её чистейшем виде. Основую взята одна из наиболее полно выражающих эту идею книг Нового завета – первое послание апостола Иоанна и его центральная мысль: «кто в любви, тот в боге, потому что бог есть любовь». Необычайная атмосфера душевной чистоты и святости проникает ею насквозь...

В сборнике «Обзор детской литературы», вышедшем под редакцией В.М. Гаршина и А.Я. Герда, была дана следующая оценка рассказу «Чем люди живы». «Высокая мысль, вложенная в рассказ, его человечность и необыкновенно художественное и вместе с тем простое изложение делают эту книжку необходимой во всякой школьной библиотеке. Каждый грамотный человек, от едва начинающего читать ребёнка до взрослого, будь он простой человек или представитель образованного класса, может и должен прочесть «Чем люди живы».

В 1885 году Толстой задумал написать пьесу об Аггее, пострадавшем от гордости. Толчком послужил сборник А.Н. Афанасьева, где были помещены два варианта старинного сказания – книжный и народная переделка. Пьеса не была закончена. А 6 апреля 1886 года В.Г. Чертков сообщил Толстому: «Гаршин написал прекрасно «Правителя Аггея». Он вложил туда всё то хорошее, чем он владеет, – теплоту, нежность. Он сначала появится в “Русской мысли”, и мне очень интересен ваш отзыв».

«Сказание о гордом Аггее» Гаршина заканчивается действенным раскаянием: Аггей отказывается быть царём. Я, говорит он, «прилепился душою к нищим и убогим. Прости ты меня и отпусти в мир к людям. Ушёл Аггей в мир и работал до самой смерти на бедных, слабых и угнетённых».

Хотя письменный отзыв Толстого о гаршинском рассказе неизвестен, не приходится сомневаться, что он одобрил и всё «Сказание», и его конец (приблизительно так решит сам Толстой судьбу князя Касатского в «Отце Сергии» и царя Александра I в своём изложении легенды о Фёдоре Кузьмиче). По цензурным условиям того времени «Сказание о гордом Аггее» Гаршина было напечатано «Посредником» лишь в 1900 году. Свою пьесу Толстой не стал заканчивать и больше никогда не возвращался к работе над ней.

Следующий отклик В.М. Гаршина – о драме Толстого «Власть тьмы» (1887). Отзывы о «Власти тьмы» находились прежде всего в письмах к Толстому. В печати о пьесе, хотя и опубликованной, но запрещённой к постановке, говорить было почти нельзя. В ту пору появилась лишь критическая заметка брата Всеволода Михайловича Евгения Гаршина, который отказывал Толстому в драматическом таланте («Его талант не подлежит сомнению, но исключительно в области художественной эпопеи»), статья Суворина «По поводу драмы Л.Н. Толстого» («Новое время», 5 января 1887 г.), в которой он сообщал, что знаком с пьесой по рукописи, и давал ей очень высокую оценку да две заметки Н.С. Лескова «О драме Л.Н. Толстого и о её варианте», «По поводу драмы «Власть тьмы»» («Петербургская газета», 1887, №38 и 62).

Писем с выражением восхищения было много.

3 января 1887 года пьеса читалась у В.Г. Черткова в присутствии И.Е. Репина и В.М. Гаршина. Гаршин говорил, что драма написана с шекспировской силой. В.А. Фаусек вспоминал о Гаршине: «Власть тьмы» он встретил с величайшим энтузиазмом. В одном небольшом обществе была прочитана рецензия на «Власть тьмы», возмущившая Всеволода Михайловича, и он возражал на неё целой речью, произнесённую экспромтом. Он защищал пьесу Толстого против обвинения в безнравственности; по его мнению, «Власть тьмы» была настоящая, истинная трагедия... Трагедия должна вызывать в зрителе «ужас и сострадание»: «Власть тьмы» именно и возвышает ужас и сострадание».

Сам Гаршин писал брату, что его защита гениальной пьесы не является защитой непротивленческих идей Толстого: «...защищать драму Толстого и признавать его... «непротивление» – две вещи совершенно разные... Очень любя Черткова, я в теоретических рассуждениях ни в чём с ним и Толстым не схожусь. Много в их речах мне прямо ненавистно (отношение к науке, например); если ты этого не знал, можешь спросить у Черткова при случае: он скажет тебе, что меня «ихним» считать невозможно».

21 января 1887 года драма читалась у В.М. Гаршина по корректурам от В.Г. Черткова. В числе слушателей был Г.И. Успенский, который так же горячо воспринял пьесу Толстого.

В 1887 году Толстой беседовал с 19-летним начинающим писателем из рабочих С.Т. Семёновым. Разговор зашёл об изданиях «Посредника» и Толстой очень высоко отзывался о только что изданном рассказе В.М. Гаршина «Четыре дня»: «Это прекрасная вещь, там психология человека, отражающего ужас войны. Ведь война – ужасное дело среди людей, и в рассказе чувствуется этот ужас».

В апреле 1888 года, сообщая П.И. Бирюкову о своём отказе участвовать в сборнике «Красный цветок», посвящённом памяти В.М. Гаршина (Гаршин кончил жизнь, бросившись в пролёт лестницы, 24 марта 1888 года), несмотря на свою «большую любовь к Гаршину», которую «желал бы выразить», Толстой написал важные строки о своей писательской деятельности: «в ней, когда она истинная, высшее моё благо, и потому и дело».

С 14 июня по 12 августа 1895 года В.Ф. Лазурский репетировал младших сыновей Толстых в Ясной Поляне и зафиксировал многие суждения Толстого о литературе и писателях. В частности, о современниках, русских и европейских. «Из молодых Л.Н. признаёт талант лишь за Гаршиным (указывает его «Ночь», «Глухарь», «Два художника» и др.) и Чеховым»...

11. ТОЛСТОЙ и ЧЕХОВ

Начнём с юмора.

Толстой вообще ценил юмор в художественных произведениях и высоко ставил таких писателей, как Гоголь, Слепцов, Чехов. Перечисляя те «качества писателя», которыми, по его мнению, обладал его брат Николай Николаевич, Толстой в прочих называет и свойственный его брату «весёлый юмор». «Великая вещь, – говорил Толстой, – настоящий весёлый комизм – и в писателе, и в актёре». В Чехове Толстой выделял комизм как такое достоинство, которое выкупает его недостатки. В рассказе Чехова «Душечка» (1899) Толстой, наряду с трогательностью образа героини, высоко ценил «чудный, весёлый комизм всего произведения».

Но Чехову был свойственен не только юмор, так нравившийся Толстому. В 1886 году он опубликовал рассказ «Сестра», персонажи которого спорят о непротавлении злу насилием. Бойкий критик теории Толстого, фельетонист Лядовский изображён здесь в ироническом свете. Достоверно известно, что в начале января 1887 года Чехов в споре с журналистом А.Д. Курепиным «доказывал, что нужно хорошенько разобратся в толстовской теории сопротивления злу, а пока нельзя честно говорить ни за, ни против».

Толстой много работал над образом «старика – работника, отставного солдата» в пьесе «Власть тьмы». Он любил этот тип, в котором отзывчивость, доброта, совестьливость сочетались с простой, даже грубой речью. Позднее такой старик приснился во сне: «Видел во сне тип старика, который у меня предвосхитил Чехов. Старик был тем особенно хорош, что он был почти святой, а между тем пьющий и ругатель» (дневник за 7 мая 1901 г.).

В марте 1889 года И.М. Ивакин посетил Толстого. У него сидели Озмидов, Львов и какой-то студент и по английскому каталогу отбирали сто книг для чтения, «чтобы человек мог рассеять окружающий его мрак». Были отобраны: Эпиктет, Кант, Шопенгауэр, Гольдсмит, а из русских – Гоголь. Тогда же Толстой сказал своим помощникам: «А вот мне дали читать нового писателя, просят, чтоб я в него вник».

Речь шла о сборнике А.П. Чехова «В сумерках».

В начале 1889 года Толстой читал Чехова. 5-6 февраля Т.Л. Толстая писала брату Сергею Львовичу: «Папа́ очень понравился маленький очерк Чехова в календаре «Стоглав», и он несколько раз его вслух читал». Это был рассказ «Беглец». Вскоре у Толстого появилась и книга рассказов Чехова – сборник «В сумерках», вышедший вторым изданием в 1888 году.

В дневнике 15 марта записано: «Я читаю хорошенькие вещицы Чехова. Он любит детей и женщин, но этого мало», затем 17 марта: «Читал Чехова. Нехорошо – ничтожно»; «Весь вечер сидел один, читал Чехова. Способность любить до художественного прозрения, но пока незачем».

16 марта И.М. Ивакин записал разговор о Чехове: «Зачем Л.Н. дал мне читать вслух рассказ «Арина» (ошибка; следует: «Агафья». – А.Н.); (он любил слушать, как я читаю вслух), но вскоре тихонько взял у меня книгу.

– Нет, что-то плохо!

Содержание рассказа для чтения вслух было, правда, несколько фривольно. Он с книгой отошёл в сторону, но и читая один, немного погодя сказал:

– Нет, читаю, всё думаю, что он поправится, а он всё не поправляется».

Это первоначальное мнение – о большом художественном таланте у Чехова при отсутствии «своей определённой точки зрения», т.е. нравственного суда над лицами, – осталось у Толстого до конца жизни. Впоследствии он узнал и полюбил Чехова-юмориста, автора таких рассказов, как «Злоумышленник». В некоторых же поздних его вещах, таких, как «Душечка», почувствовал высокое нравственное отношение к предмету, проявляющееся, может быть, вопреки писательскому намерению.

Весной 1889 года Толстой был в Москве и читал чужие рукописи. Прежде всего – рукопись Н.П. Овсянникова «Эпизод из жизни Л.Н. Толстого» – о защите на военном суде в 1866 году солдата Василия Шебунина, ударившего офицера (несмотря на защиту Толстого, Шебунин был приговорён к смертной казни и расстрелян). В дневнике 9 апреля – отзыв о рассказе Овсянникова: «Написано дурно, но эпизод ужасен в простоте описания – контраста развращённых полковника и офицеров, командующих и завязывающих глаза, и баб и народа, служащего панихиды и кладущего деньги»...

Статья была исправлена Овсянниковым по указаниям Толстого и послана в «Новое время», где проредактирована В.П. Бурениным и А.П. Чеховым. Однако по цензурным условиям не смогла там появиться и была напечатана лишь в 1896 году («Русское обозрение», 1896, №11). Могила Шебунина находится недалеко от Ясной Поляны, близ ст. Щёкино...

Повесть Толстого «Крейцера соната» (1889) горячо обсуждалась в литературных кругах.

15 февраля 1890 года А.П. Чехов писал в Петербург старому литератору и редактору А.Н. Плещееву: «Неужели вам не понравилась «Крейцера соната»? Я не скажу, чтобы это была вещь гениальная, вечная – тут я не судья, но, по моему мнению, в массе всего того, что теперь пишется у нас и за границей, едва ли можно найти что-нибудь равносильное по важности замысла и красоты исполнения. Не говоря уж о художественных достоинствах, которые местами поразительны, спасибо повести за одно то, что она до крайности возбуждает мысль. Читая её, едва удерживаешься, чтобы не крикнуть: «Это правда!» или «Это нелепо!».

Чехов считал странными, с точки зрения врача-специалиста, рассуждения «о сифилисе, воспитательных домах, об отвращении женщин к совокуплению и проч.». «Но всё-таки, – продолжал он, – эти недостатки разлетаются, как перья от ветра; ввиду достоинств повести их просто не замечаешь, а если заметишь, то только подосадуешь, что повесть не избежала участи всех человеческих дел, которые все несовершенны и не свободны от пятен». И вскоре он же писал А.С. Суворину, что повесть в Москве «имеет успех».

После поездки на Сахалин у Чехова мнение изменилось. Тому же Суворину он написал 17 декабря 1890 года: «До поездки «Крейцера соната» была для меня событием, а теперь она мне смешна и кажется бестолковой. Не то я возмужал от поездки, не то с ума сошёл – чёрт меня знает». О «Послесловии» к «Крейцеровой сонате» у Чехова чрезвычайно резкий отзыв; Чехов сравнивал «Послесловие» с «Выбранными местами из переписки с друзьями» Н.В. Гоголя: «Убейте меня, но это глупее и душнее, чем «Письма к губернаторше», которые я презираю. Чёрт бы побрал философию великих мира сего! Диоген плевал в бороды, зная, что ему за это ничего не будет; Толстой ругает докторов мерзавцами и невежничает с великими вопросами, потому что он тот же Диоген, которого в участок не поведёшь и в глазах не выругаешь. Итак, к чёрту философию великих мира сего! Она вся, со всеми юродивыми послесловиями и письмами к губернаторше, не стоит одной кобылки из «Холстомера».

Вот так!

Но независимое, хотя и субъективное мнение Чехова относительно «Крейцеровой сонаты» Толстого не мешало младшему брату по достоинству оценить, например, публицистическую статью Толстого «О средствах помощи населению, пострадавшему от неурожая» (1891).

Интересно, что сам Толстой не переоценивал её. В ноябрьской странице дневника он писал: «Вчера я с вечера усердно писал статью, описывающую нашу деятельность, сегодня утром проснулся в семь и писал, не выходя из комнаты. Пустая статья, но нужна тем, что сообщает другим приёмы заведения и ведения столовых».

Статья была закончена 26 ноября. 10 декабря она появилась в сборнике «Помощь голодающим», изданном «Русскими ведомостями», а через несколько дней выпущена редакцией газеты в виде отдельной брошюры.

11 декабря Чехов писал об этой статье А.С. Суворину: «Толстой-то, Толстой! Это, по нынешним временам, не человек, а человечище, Юпитер. В «Современник» он дал статью насчёт столовых, и вся эта статья состоит из советов и практических указаний, до такой степени дельных, простых и разумных, что, по выражению редактора «Русских ведомостей» Соболевского, статья эта должна быть напечатана не в «Сборнике», а в «Правительственном вестнике».

Позднее Толстой говорил, что самые счастливые периоды в его жизни были те, когда он всего себя отдавал на служение людям: школа, работа на голоде.

В 1891-1892 году он проявил те черты своей личности, о которых в одном из писем горячо сказал Чехов: «Надо иметь смелость и авторитет Толстого, чтобы идти наперекор всяким запрещениям и настроениям и делать то, что велит долг».

В этот тяжёлый для России и русского народа год Толстой пришёл к несомненному убеждению, что жизнь не может продолжаться в старых формах и дело подходит к развязке. «Какая будет развязка, – писал он 31 мая 1892 года, – не знаю, но что дело подходит к ней и что так продолжаться, в таких формах, жизнь не может, – я уверен».

... В последние месяцы 1892 года круг толстовского чтения был разнообразен: наш Тургенев, швейцарский философ и поэт Амшель, И. Потапенко, Бодлер, Вл. Соловьёв и др. И.И. Горбунову-Посадову, издавшему позднее в «Посреднике» «Палату №6», Толстой написал 24 декабря, прочитав повесть в только что вышедший одиннадцатой книжке «Русской мысли»: «Какая хорошая вещь Чехова «Палата №6».

Около 20 декабря 1892 года к Толстому пришёл П.А. Сергеенко, в прошлом однокашник А.П. Чехова по таганрогской гимназии, а теперь беллетрист, сотрудник различных периодических изданий. 5 января 1893 года Сергеенко писал Чехову, что Толстой очень интересовался им и рад был бы свидеться. В начале марта, будучи в Москве, Чехов написал А.С. Суворину о знакомстве с писателем А.И. Эртелем: «Он просил сходить вместе к Толстому, который стал ко мне благоволить особенно, но я отклонил сие предложение, ибо мне некогда, а главное – хочется сходить к Толстому solo». И 13 апреля – в письме к сестре Марии Павловне, также сообщавшей о настойчивых просьбах Сергеенко и о том, что Толстой и Репин «разыскивали» Чехова... «Боюсь также, что Сергеенко потащит меня к Толстому, а к Толстому я пойду без провожатых и без маклеров».

Вспоминал эту историю Чехов и позднее: «Я хотел быть у Толстого, и меня ждали, но Сергеенко подстерегал меня, чтобы пойти вместе, а идти к Толстому под конвоем или с нянькой – слуга покорный».

Чеховские письма этого времени наполнены восторженными отзывами о Толстом.

«Я читаю Тургенева. Прелесть, но куда жиде Толстого! Толстой, я думаю, никогда не постареет. Язык устареет, но он всё будет молод»; «Как вспомнишь толстовскую Анну Каренину, то все эти тургеневские барыни со своими соблазнительными плечами летят к чёрту».

Чехов приехал в Ясную Поляну лишь в августе 1895 года и тогда впервые увиделся и разговаривал с Толстым.

Но ещё до личной встречи с великим писателем, полутора годами раньше, Чехов в одном из писем высказался по поводу его философских рассуждений: «... Толстовская философия сильно трогала меня, владела мною лет 6-7, и действовали на меня не основные положения, которые были мне известны и раньше, а толстовская манера выражаться, рассудительность и, вероятно, гипнотизм своего рода».

Толстой, в свою очередь, не оставлял без внимания творческие успехи молодого писателя, симпатичного ему серьёзностью тематики

своих произведений и их художественным исполнением. Так, беседуя 20 декабря 1893 года в Хамовниках с молодым профессором литературы в Бордо, переводчиком Жюлем Легра, Толстой говорил о народном образовании в России, хвалил Чехова конкретно – его рассказ «Беглец», появившийся незадолго до того в «Revue des Deux Mondes». Легра полностью разделял это мнение Толстого.

Насколько внимателен был Толстой к произведениям Чехова, говорит следующий отзыв 1894 года (по «Воспоминаниям о Л.Н. Толстом» Г.А. Русанова): «Конечно, разговор коснулся Чехова. “Рассказ неизвестного человека” – «плох», но “Чёрный монах” – «прелесть»; “Степь” – «прелесть! Описания природы прекрасны. Рассказ этот представляется мне началом большого биографического романа, и я удивляюсь, почему Чехов не напишет его», – сказал Толстой».

Словно бы примеряя молодые писательские таланты к своему опыту, Толстой в том же году признаётся (дневник В.Ф. Лазурского): «Из молодых талантливой лишь Гаршин... и Чехов». Понравился рассказ Чехова «Учитель словесности». «Для Л.Н-ча этот человек симпатичный, – записал Лазурский о Чехове, – относительно которого можно всегда быть уверенным, что он не скажет ничего дурного. Хотя он и обладает художественной способностью прозрения, но сам ещё не имеет чего-нибудь твёрдого *и не может потому учить* (курсив наш. – А.Н.) [20]. Он вечно колеблется и ищет. Для тех, кто ещё находится в период стояния, он может иметь то значение, что приведёт их в колебание, выведет из такого состояния. И это хорошо».

Итак, 8 августа 1895 года в Ясную Поляну приехал А.П. Чехов и провёл здесь ещё день, 9-го. Это была их первая встреча. Толстой подарил Чехову свою фотографию.

7 сентября 1895 года Толстой отметил в дневнике, что читал «Воскресение» разным лицам, Чехову в том числе (на самом деле Чехову дал прочесть рукопись). Сыну Льву, который уже был знаком с Чеховым, Толстой написал 4 сентября: «Чехов был у нас, и он понравился мне. Он очень даровит, и сердце у него, должно быть, доброе, но до сих пор нет у него своей определённой точки зрения».

«Я прожил у него 1 ½ суток. Впечатление чудесное. Я чувствовал себя легко, как дома, и разговоры наши с Л.Н. были легки. При свидании расскажу подробно», – обещал Чехов А.С. Суворину. В августовских и сентябрьских письмах – никаких рассказов о встрече с Толстым, только просьба к старшему брату Ал. П. Чехову помочь слепому страннику из Каширы, о котором хлопотал Толстой (Ал. П. Чехов редактировал журнал «Слепец», издававшийся попечительством о слепых), и там же, в обычном чеховском стиле, шутка: «Я говорил про тебя Толстому, а он остался очень недоволен и упрекал тебя за развратную жизнь».

Когда 15 февраля 1896 года Хамовнический дом в Москве посетили А.П. Чехов, А.С. Суворин и Б.Н. Чичерин, Толстой выразил сожаление, что давал читать Чехову «Воскресение» в рукописи (в августе 1895 года): «Теперь там не осталось камня на камне – всё переделано». Чехов спросил, даст ли Толстой теперь прочесть. Последовал ответ: «Когда кончу – дам». Но до конца было ещё очень далеко...

На исходе 1896 года, 29 декабря, когда у жены был званный вечер, Толстой в половине десятого пошёл к сыну своего воронежского друга, А.Г. Русанову, – вместе с А.Н. Дунаевым, С.Т. Семёновым и Л.Ф. Анненковой. Говорили о литературе, больше всего о Чехове – недавно поставленной на сцене «Чайке» и повести «Моя жизнь». Пьеса не понравилась – «нет никакой идеи»; повесть «много лучше, там есть прекрасные места».

В феврале 1897 года Толстой посетил Петербург, где остановился на квартире Олсуфьевых. Сюда, чтобы поговорить с Толстым, приходили разные люди (Суворин, Ге, Чертков и др.). О «Чайке» Чехова Лев Николаевич сказал, что это вздор, ничего не стоящий, что она написана, как Ибсен пишет». Суворин заметил, что Чехов умер бы, если бы услышал такое мнение. Толстой ответил: «Я ему скажу, но мягко, и удивлюсь, если он огорчится. У всякого есть слабые вещи... Лучшее в пьесе – монолог писателя, это автобиографические черты, но их можно было написать отдельно или в письме, в драме они ни к селу, ни к городу».

28 марта 1897 года Толстой навестил Чехова, находившегося в клинике А.А. Остроумова из-за сильного лёгочного кровотечения. О том, что к больному можно пойти, сказала случайно встреченная писательница Л.А. Авилова, сестра Ф.А. Страхова, хорошего знакомого, разделявшего толстовские взгляды и по поручению Черткова работавшего над составлением «Свода мыслей Л.Н. Толстого». Все сведения об этой встрече – со стороны Чехова, который вообще не вёл дневника (лишь записные книжки), и очень немногие события отразились в отрывочных дневниковых заметках. К счастью, происшедшее 28 марта записано: «Приходил ко мне Толстой Л.Н.; говорили о бессмертии. Я рассказал ему содержание рассказа Носилова «Театр у вогулов» [21], и он, по-видимому, прослушал с большим удовольствием».

О том, что приходил Толстой, Чехов упомянул в коротком письме А.С. Суворину, а из Мелихова рассказал подробнее М.О. Меньшикову и А.И. Эртелю.

«Нет худа без добра. В клинике был у меня Лев Николаевич, с которым вели мы преинтересный разговор, преинтересный для меня, потому что я больше слушал, чем говорил. Говорили о бессмертии. Он признаёт бессилие в кантовском вкусе; полагает, что все мы (люди и животные) будем жить в начале (разум, любовь), сущность и цели которого для нас составляют тайну. Мне же это начало или сила представ-

ляются в виде бесформенной студенистой массы; моё я – моя индивидуальность, моё сознание сольются с этой массой – такое бессмертие мне не нужно, я не понимаю его, и Лев Николаевич удивляется, что я не понимаю».

«Толстой пишет книжку об искусстве. Он был у меня в клинике и говорил, что повесть свою «Воскресение» он забросил, так как она ему не нравится, пишет же только об искусстве и прочёл об искусстве 60 книг. Мысль у него не новая; её на разные лады повторяли все умные старики во все века. Всегда старики склонны были видеть конец мира и говорили, что нравственность пала до *plus uttra* (крайней степени), что искусство измельчало, износилось, что люди ослабели и проч. и проч. Лев Николаевич в своей книжке хочет убедить, что в настоящее время искусство вступило в свой окончательный фазис, в тупой переулок, из которого ему нет выхода (вперёд)».

В одном Толстой и Чехов оказались совершенно согласны – отношении к народному театру. Чехов написал Суворину 4 апреля 1897 года, что в Москве, при обилии театров, недостаёт народного театра. Толстой же включил услышанный им рассказ о наивном и прекрасном представлении у вогулов в свою книгу об искусстве. Статью К.Д. Носилова, писателя-этнографа, корреспондента «Нового времени», Чехов прочёл в газете. Вероятно, в связи с посещением Толстого на другой день в короткой записке Суворину спрашивал имя, отчество, адрес автора (с которым в 1895 году переписывался, но в клинике не было этих сведений).

Чехов приезжал из Мелихова в Москву, чтобы срочно прочитать корректуру повести «Мужики», шедшей в апрельской книжке «Русской мысли». Как только появился журнал, он был прочитан Толстым, и в «Мужиках» поразила «сила рассказа». В.Ф. Лазурский 19 апреля отметил в дневнике, что Толстой «признаёт за Чеховым громадный талант», но находит его «односторонним» – «именно потому, что он производит такое удручающее впечатление». Другой мемуарист, А.Г. Русанов, записал слова Толстого: «Чехов пишет, как декадент, как импрессионист в широком смысле слова». И ещё: «...у него нет ничего твёрдого и совершенно нет окна в религиозное...». Отрицательное отношение ещё более укрепилось после отзыва о «Мужиках» близкого к Толстому по взглядам крестьянского писателя Ф.Ф. Тищенко: «Выходит, что всё в деревне гадко, грубо, скверно, дико, противно, противно...» (3 августа 1897 года). Впрочем, Тищенко хвалил художественную форму повести.

Рассказ же Чехова про «театр» вогулов подтвердил главную мысль трактата о сущности искусства – его заразительности: «заражения чувствами другого, которое заставляет радоваться чужой радости, горевать чужому горю, сливаться душою с другим человеком».

Сохранился автограф, где впервые дано это описание: «У вогулов, живущих в глубь Сибири и существующих охотою на оленей, есть драматическое представление, состоящее в том, что два-один большой вогул, другой маленький, одетые в олени шкуры, изображают: один самку оленя, другой детёныша, третий вогул изображает охотника с луком; четвёртый, голосом изображает птичку, предупреждая оленя об опасности. Драма в том, что охотник, отыскивая её, бежит по следу матери с детёнышем. Они убегают со сцены и прибегают. Охотник всё приближается и приближается. Оленёнок измучен, жмётся к матери. Она останавливается. Охотник целится. Птичка пищит, извещая об опасности. Олени опять убегают. Но охотник всё-таки догоняет, пускает стрелу и убивает детёныша. Детёныш не может бежать, жмётся к матери. Она лижет его. Охотник пускает другую стрелу. Зрители, как описывает присутствующий, замирают и тяжёлыми вздохами, женщины даже слезами, сопровождают последнюю сцену». Всё это войдёт в печатный текст трактата и будет эмоционально усиленно. «И я по одному описанию почувствовал, что это было истинное произведение искусства».

28 декабря 1897 года, как отмечено на другой день в дневнике, «целый день складывалась драма-комедия: *Труп* (курсив Толстого)». «Живой труп» будет начат в январе 1900 года, когда Толстой, посмотрев в Художественном театре «Дядю Ваню», возмутится. Но характерно, что первая мысль о пьесе была в чеховском духе: не драма (как «Власть тьмы»), не комедия (как «Плоды просвещения»), а «драма-комедия». Спор с Чеховым шёл по другой линии – о нравственной содержательности искусства, которой, в силу её скрытности, завуалированности, Толстой не находил у своего молодого современника, хотя и лучшего, по его мнению, из тогдашних писателей. Читая рассказ Чехова «На подводе» в день его публикации газетой «Русские ведомости», 21 декабря Толстой записал в дневнике: «Превосходно по изобразительности, но риторика, как только он хочет придать смысл рассказу. Удивительно прояснилось у меня в голове благодаря книге об Искусстве».

Книгу Толстого об искусстве ждали в России и во всём мире. И хотя автор, занятый новыми ребятами, уверенный в том, что он сделал всё, что мог, чтобы сказать своим современникам полезное, нужное и новое, мало интересовался откликами на свой труд, в биографии их необходимо привести, пусть неполно. Тем более, что известно: когда вдруг оспаривали, Толстой начинал волноваться и горячо доказывать свою *истину*; радовался, когда получал сочувственные отзывы и огорчался враждебным.

21 декабря 1897 года вышла в свет книжка журнала «Вопросы философии и психологии» с первыми пятью главами, а 30 декабря в газете «Новое время» помещено их изложение. 4 января 1898 года из Ниццы Чехов писал Суворину, повторив, в сущности, своё мнение на эту тему,

сложившееся весной, в клинике, где его навестил Толстой. «Всё это старо. Говорить об искусстве, что оно одряхлело, вошло в тупой переулочек, что оно не то, чем должно быть, и проч., и проч., это всё равно, что говорить, что желание есть и пить устарело, отжило и не то, что нужно». Тогда же, в январе, И.И. Левитан спрашивал Чехова, читал ли он статью Толстого, которая вызывает «большой переполох»; «и гениально, и дико в одно и то же время». Позднее Чехов интересовался оттиском, содействовал авторизации немецкого перевода, но суждения больше не высказывал.

Л.Н. Толстой мнения своего о «заразительности» искусства никогда не менял. В марте 1898 года в беседе с А.И. Фаресовым, в прошлом революционером, рассуждал: «Вот Чехов не выдумывает своих рассказов (в отличие от удивительного стилиста, но «выдумщика» В.Г. Короленко. — *А.Н.*), и я не знаю равного ему по художественности писателя». Впрочем, по обыкновению, заметил, что у Чехова «нет ничего за душой», и это ему «будет мешать властвовать над умами современников». Такое «властвование» над умами современников, «заражение» их своими чувствами и мыслями Толстой считал самым важным признаком подлинного искусства.

И в Ясной Поляне, и в Москве вечерами было принято читать вслух. Так, 6 октября 1898 года Толстой прочитал рассказ Чехова «О любви».

В первых номерах за 1899 год двух журналов — «Семья» и «Книжки недели» — появились новые рассказы Чехова: «Душечка» и «По делам службы». Трижды (14, 15 и 24 января) читал Толстой «Душечку» семейным и гостям, неизменно восторгаясь. Многие современники слышали «Душечку» в исполнении Толстого вплоть до 1905 года, когда рассказ вошел в «Круг чтения», сопровождаемый статьёй-послесловием.

А.Б. Гольденвейзер вспоминал: «Когда «Душечка» Чехова была напечатана в журнале «Семья», кто-то в тот же день вечером принёс её Льву Николаевичу. Он пришёл от этого рассказа в полное восхищение, много раз читал его вслух, угощая им не читавших его посетителей. Я раза три слышал «Душечку» в его чтении. Читал Лев Николаевич чудесно. Очень просто, как будто сам что-то рассказывал. Еле заметными, почти неуловимыми изменениями интонаций он отмечал реплики различных персонажей рассказа. Антрепренёр, ветеринар, сама душечка как-то незаметно оживали в его передаче... В комических местах иногда начинал сам до слёз смеяться, а в трогательных обливался слезами».

Принёс журнал с «Душечкой» П.А. Сергеев. В его дневниковых записях этого времени — слова Толстого:

— Ведь Марксу (издателю. — *А.Н.*) теперь остаётся издать только меня и Чехова, который гораздо интереснее Тургенева или Гончарова. Я

первый приобрёл бы полное собрание его сочинений. Так и скажите Марксу, что я настаиваю...

Восхищение Достоевским:

– Его небрежная страница стоит целых томов теперешних писателей. Я для «Воскресения» прочёл недавно «Записки из мёртвого дома». Какая это удивительная вещь!..

Восторг Л.Н. от «Душечки» Чехова:

– Это перл. Подобно бумаге-лакмусу, она производит различные эффекты.

Он цитирует на память целые фразы.

– Как хорошо схвачен язык телеграфиста: «хохороны» и пр. В «Душечке» выведена истинная женская любовь».

24 января И.И. Горбунов-Посадов написал создателю «Душечки»: «Лев Николаевич в восторге от неё. Он всё говорит, что это перл, что Чехов – это большой-большой писатель. Он читал её уже чуть ли не 4 раза вслух и каждый раз с новым увлечением. Ах, как он чудно читает, и как мне хотелось, чтобы Вы были в эту минуту тут и видели его весёлое, милое лицо и слышали, с какой любовью он читает».

Редактору «Посредника» вторила Татьяна Львовна: «Ваша «Душечка» – прелесть! Отец её читал четыре вечера подряд вслух и говорит, что поумнел от этой вещи».

По словам Горбунова-Посадова, Толстой чудесно читал и «цоцкого» в рассказе «По делам службы»: «Как живой был перед нами этот милейший старичина со своей многострадальной эпопеей административного *perpetuum-mobil'a*».

В яснополянской библиотеке сохранился экземпляр «Книжек Недели» с многочисленными пометами Толстого; большая часть относится к «цоцкому». По мнению исследователя, с этим рассказом связана дневниковая запись 7 мая 1901 года: «Видел во сне тип старика, который у меня предвосхитил Чехов. Старик был тем особенно хорош, что он был почти святой, а между тем пьющий и ругатель. Я в первый раз понял ту силу, какую приобретают типы от смело накладываемых теней» [22].

В январе 1900 года Чехов высказался о романе Толстого «Воскресение», напечатанном полностью: «прочёл всё сразу, залпом». «Это замечательное художественное произведение, – писал Чехов М.О. Меншикову 28 января. – Самое неинтересное – это всё, что говорится об отношениях Нехлюдова к Катюше, и самое интересное – князья, генералы, тётушки, мужики, арестанты, смотрители. Сцену у генерала, коменданта Петропавловской крепости, спирита, я читал с замиранием духа – так хорошо! А m-me Корчагина в кресле, а мужик, муж Федосьи! Этот мужик называет свою бабу «ухватистой». Вот именно у Толстого перо ухватистое. Конца у повести нет, а то, что есть, нельзя назвать концом. Писать, писать, а потом взять и свалить всё на текст из Евангелия – это

так же произвольно, как делить арестантов на пять разрядов. Почему на пять, а не на десять? Почему текст из Евангелия, а не из Корана? Надо сначала заставить уверовать в Евангелие, в то, что именно оно истина, а потом уж решать всё текстами».

На другой день Чехов сообщал П.Ф. Иорданову, что отправил книгу для Таганрогской библиотеки. В письмах А.С. Суворину и М. Горькому – о том же: «“Воскресение” замечательный роман. Мне очень понравилось, только надо читать его всё сразу, в один присест. Конец неинтересен и фальшив, фальшив в техническом отношении»; «Всё, кроме отношений Нехлюдова к Катюше, – довольно неясных и сочинённых, всё поразило меня в этом романе силой и богатством, и широтой, и неискренностью человека, который боится смерти, не хочет сознаться в этом и цепляется за тексты из священного писания».

Сам же Толстой считал, что весь роман написан ради его последних страниц.

Биограф Толстого П.И. Бирюков свидетельствует: «Многие читатели, поражённые и побеждённые силой художественного прозрения при чтении этого произведения, были до некоторой степени разочарованы концом романа: «Так всё хорошо, глубоко и вдруг тексты и конец». Когда до Л.Н-ча дошли эти разочарования, он ответил на них: «Если я позволил себе так много времени посвятить художественной работе, т.е. недостойной моему возрасту игре, то только для того, чтобы заставить людей прочесть забытые ими места Евангелия, которыми заключил роман».

24 января 1905 года Д.П. Маковицкий записал слова Толстого, сказанные Бирюкову: «Я весь роман «Воскресение» только для того писал, чтобы прочли его последнюю главу. Если в моих художественных произведениях есть какое достоинство, то только то, что они служат рекламой для тех мыслей, которые там попадают» [23].

Субъективное и, скорее всего, непринципиальное сравнение Чехова с Д.В. Григоровичем сделал Толстой после смерти последнего (22 декабря 1899 года). 5 июля 1900 года А.Б. Гольденвейзер записал суждение Толстого о Григоровиче: «Он теперь устарел и кажется слабым, но это важный и прекрасный писатель, и дай Бог Чехову (почему именно ему? – А.Н.) иметь десятую долю того значения, какое имел Григорович. Он принадлежал к числу лучших людей, начинавших важное направление...».

Чехов, конечно, не мог знать об этом сравнительном отзыве Толстого. Он и не предназначался для уже широко известного талантливого писателя, продолжателя традиций великой русской литературы. Чехов всегда помнил о своих предшественниках – Пушкине, Гоголе, том же Григоровиче, современниках Достоевском и Толстом. Думается, именно по этой причине 28 января 1900 года он написал из Ялты М.О. Менши-

кову в Петербург: «Я боюсь смерти Толстого. Если бы он умер, то у меня в жизни образовалось бы большое пустое место. Во-первых, я ни одного человека не люблю так, как его; я человек неверующий, но из всех вер считаю наиболее близкой и подходящей для себя именно его веру. Во-вторых, когда в литературе есть Толстой, то легко и приятно быть литератором; даже сознавать, что ничего не сделал и не делаешь, не так страшно, так как Толстой делает за всех. Его деятельность служит оправданием тех упований и чаяний, какие на литературу возлагаются. В-третьих, Толстой стоит крепко, авторитет у него громадный, и, пока он жив, дурные вкусы в литературе, всякое пошлячество, наглое и слезливое, всякие шершавые, озлобленные самолюбия будут далеко и глубоко в тени. Только один его нравственный авторитет способен держать на известной высоте так называемые литературные настроения и течения. Без него бы это было беспастушное стадо или каша, в которой трудно было бы разобраться».

Трудно представить более ёмкую и точную *общую* характеристику жизни и деятельности Толстого в тот период, который охватывает оценка Чехова, то есть 90-е годы XIX века...

В оставшиеся 4 года жизни Чехова Толстой продолжал интересоваться его творчеством. В январе 1900 года он читает рассказ «Дама с собачкой» – в дневнике запись: «Это всё Ницше. Люди, не выработавшие в себе ясного мирозерцания, разделяющего добро и зло».

В январе 1900 года Толстой был на спектакле Московского Художественного театра «Дядя Ваня» по пьесе А.П. Чехова, сестра которого М.П. Чехова свидетельствует: «Своим приходом Лев Николаевич сделал в театре страшный переполох... Режиссёр театра Шенберг-Санин два раза прибежал в этот вечер ко мне на квартиру, чтобы рассказать о приходе Толстого и как смотрит он «Дядю Ваню». Немирович-Данченко тоже был взволнован присутствием Льва Николаевича. А Вишневский при вызовах кланялся всё время только в губернаторскую ложу, которая была предоставлена Толстому».

В.И. Немирович-Данченко в своих воспоминаниях рассказывает: «Во время спектакля «Дядя Ваня» мы исподтишка не спускали с него [Толстого] глаз. Решительно казалось нам, что спектакль вовлекал его в свою атмосферу, что внимание его было захвачено, что местами он был растроган. Но или мы ошибались, или он отстранял от самого себя простую, непосредственную восприимчивость, потому что в антрактах он ничего не хвалил. Правда, ничего не порицал, словно дожидаясь, чем всё это кончится. А по окончании сказал так: «Чего ему ещё нужно [Астрову]? Тепло, играет гитара, словно трещит сверчок. А он сначала хотел взять чужую жену, теперь о чём-то мечтает...». И неодобрительно кивал головой».

А.А. Шенберг-Санин писал Чехову: «Толстому не понравился мой любимейший “Дядя Ваня”, хотя он очень чтит и ценит Вас как писателя. «Где драма?!, – вопил гениальный писатель. – В чём она? Пьеса топчется на одном мечте!». Затем Толстой заявил, что Астров и дядя Ваня – дряннь люди, бездельники, бегущие от дела в деревню как место спасения... На эту тему он говорил много».

По словам фельетониста «Нового времени» Н.М. Ежова, посетившего Толстого в том же году, писатель говорил, что «Дядя Ваня» – «это трагедия на пустом месте».

П.П. Гнедич записал следующий рассказ Чехова об отношении Толстого к его пьесам: «Вы знаете, он не любит моих пьес, уверяет, что я не драматург! Только одно утешение у меня и есть, – прибавляет он [Чехов], – он мне раз сказал: «Вы знаете, я терпеть не могу Шекспира, но ваши пьесы ещё хуже. Шекспир всё-таки хватает читателя за шиворот и ведёт его к известной цели, не позволяя свернуть в сторону. А куда с вашими героями пойдёшь? С дивана, где они лежат, до чулана и обратно». И ведь это искренно у Льва Николаевича. Был он болен – я сидел рядом с его постелью. Потом стал прощаться, он взял меня за руку, посмотрел мне в глаза и говорит: «Вы хороший, Антон Павлович». А потом улыбнулся, выпустил руку и прибавил: «А пьесы ваши всё-таки плохие».

Очевидно, что прозу Чехова Толстой предпочитал его драматургии. Например, после вышеприведённого, в феврале 1900 года в письме М.Горькому он пишет: «Как хорош рассказ Чехова в «Жизни». Я был очень рад ему» [рассказ Чехова «В овраге», помещенный в №1 журнала «Жизнь»].

Запись в дневнике А.Б. Гольденвейзера от 5 июля 1900 г.: «Лев Николаевич недавно перечитал почти все небольшие рассказы Чехова. Нынче он сказал о Чехове: «У него мастерство высшего порядка... Некоторые, например, «Детвора», «Спать хочется», «В суде» – истинные перлы. Я положительно всё подряд читал с большим удовольствием. Но всё-таки это мозаика, тут нет действительно руководящей внутренней нити... У Чехова и вообще у многих теперешних писателей развилась необыкновенная техника реализма. У Чехова всё правдиво до иллюзии, его вещи производят впечатление какого-то стереоскопа...».

М. Горький с радостью сообщает Чехову в октябре 1900 года: «Говорилось о Вас отечески – нежным тоном. Хорошо он о Вас говорит».

Стоп! Не совсем верный вывод сделали мы относительно толстовского мнения о чеховской драматургии. Вот: Толстой на чеховском вечере в Охотничьем клубе, устроенном Обществом искусства и литературы. Были поставлены пьесы Чехова «Свадьба» и «Медведь». «Толстой смеялся, говорят, до упаду, и ему очень понравилось» (письмо О.Л. Книппер-Чеховой к А.П. Чехову 16 декабря 1900 года).

Солидарность Чехова с Толстым касалась не только художественного творчества, а и мировоззрения. Так, Чехов пишет в одном из писем своему знакомому: «К отлучению Толстого (от церкви. – *А.Н.*) публика отнеслась со смехом. Напрасно архиереи в своё воззвание всадили славянский текст. Очень уж неискренно».

И тем не менее, «находя всё в Чехове превосходным», сказал ему в сентябре 1901 года, что «ждёт от него не пьес, а того, чем он силен» и похвалил «В овраге» (П.А. Сергеев). Личность же умного, интеллигентного Чехова неизменно вызывала тёплые чувства. Например: «Видаю здесь (в Ялте. – *А.Н.*) Чехова, совершенно безбожника, но доброго...» (письмо В.Г. Черткову 30 ноября 1901 года); разговор с Чеховым по телефону – Толстой говорил Чехову: «Сегодня у меня такой хороший день, так радостно душе, что мне хочется, чтоб и вам было радостно. Особенно – вам! Вы очень хороший, очень!» (дневник Чехова, 7 декабря 1901 года).

Тремя месяцами раньше, по свидетельству А.Б. Гольденвейзера, они с Н.Л. Оболенским там же, в Ялте, по очереди читали вслух рассказы Чехова в присутствии Льва Николаевича, потому что он очень любит их. Однажды Гольденвейзер так читал «Скучную историю». Лев Николаевич всё время восхищался умом Чехова. Понравились ему также оригинальностью замысла и мастерством письма рассказ «Пари» и в особенности повесть «Степь». О Чехове в эти дни Толстой сказал: «Он странный писатель: бросает слова как будто некстати, а между тем всё у него живёт. И сколько ума! Никогда у него нет лишних подробностей, всякая или нужна, или прекрасна».

В июле 1902 года обычное: «Я очень люблю Чехова и ценю его писания, но его «Три сестры» я не мог заставить себя прочитать. К чему всё это? Вообще у современных писателей утрачено представление о том, что такое драма... Вот я себе позволял порицать Шекспира. Но ведь у него всякий человек действует, и всегда ясно, почему он поступает именно так» (А.Б. Гольденвейзер).

И вот документ в некотором смысле итоговый. Сын Толстого Илья Львович в письме к Чехову приводит список тридцати рассказов Чехова (ни одной пьесы!), «отмеченных» Толстым. Вот этот список:

«1-го сорта: Детвора, Хористка, Драма, Дома, Тоска, Беглец, В суде, Ванька, Дамы, Злоумышленник, Мальчики, Темнота, Спать хочется, Супруга, Душечка.

2-го сорта: Беззаконие, Горе, Ведьма, Верочка, На чужбине, Кухарка женится, Канитель, Переполох, Ну публика, Маска, Женское счастье, Нервы, Свадьба, Беззащитное существо, Бабы».

Б.А. Лазаревский, посетивший Толстого в сентябре 1903 года, приводит слова Толстого: «Чехов – маленький Пушкин»; и ещё (запись в дневнике Толстого тогда же): «Разговаривая о Чехове с Лазаревским,

уяснил себе то, что он, как Пушкин, двинул вперёд форму. И это – большая заслуга. Содержания же, как у Пушкина, нет».

Запись в дневнике А.Б. Гольденвейзера: «Лев Николаевич очень хвалил язык Чехова за простоту, сжатость и изобразительность» (июль 1904 года).

...Уже год как не стало А.П. Чехова, а его творчество не перестаёт волновать его великого современника. Запись в дневнике Д.П. Маковицкого слов Толстого: «Мужики» Чехова – плохое произведение. Чехов неровен... У Чехова была удивительная художественная память. Купеческие, архиерейские подробности быта как он помнил!» (1905).

В том же году – косвенная характеристика по прочтении рассказа Горького «Тюрьма»: «Изобразительность почти такая же, как у Чехова, но чувства меры у него нет и неверен психологически» («Яснополянские записки» Д.П. Маковицкого).

Трепетное чувство Чехова по отношению к Толстому помнят их общие знакомые и после смерти Чехова. В сентябре 1906 года Б. Лазаревский пишет Толстому: «Когда думаю о Вас, то вспоминаю слова Антона Чехова: «Знаете, есть люди, которые боятся делать гадости только потому, что жив ещё Толстой... да, да».

И толстовская любовь к Чехову не проходила. В марте 1907 года он опять читает Чехова и восхищается, в частности, рассказом «Попрыгунья». Толстой «очень смеялся и восхищался рассказом». Сказал: «С каким тонким юмором написано!.. Я с удовольствием перечту всего Чехова» («Яснополянские записки» Д.П. Маковицкого).

И за полгода до кончины, в конце февраля 1910 года, – последнее упоминание о Чехове. Толстой пишет личному секретарю Н.Н. Гусеву: «Как хороша ваша выписка из Чехова! Она просится в «Круг чтения». (В письме к Толстому от 16 февраля 1910 года Гусев привёл цитату из рассказа Чехова «Крыжовник»: «Счастья нет и не должно его быть, а если в жизни есть смысл и цель, то смысл этот и цель вовсе не в нашем счастье, а в чём-то более разумном и великом»).

Нетрудно заметить, что суть этой мысли и даже стиль её изложения написан под влиянием философских рассуждений великого старца, к которому его младший собрат по литературе питал непреходящие почтительные и нежные чувства и который искренне и глубоко одарил своим вниманием талантливого писателя России конца XIX – начала XX века, каким был Чехов.

12. ТОЛСТОЙ и КОРОЛЕНКО

Именно В.Г. Короленко в своих воспоминаниях о Толстом, названных «Великий пилигрим», рассказал о следующем эпизоде. В 1885 году Толстой познакомился с вдовой революционера П.Г. Успен-

ского, сестрой Веры Засулич, Александрой Ивановной Успенской. Её муж был одним из основателей общества «Народная расправа» и вместе с Нечаевым принимал участие в убийстве студента Иванова, подозревавшегося в предательстве. Успенский был приговорён к каторжным работам и отбывал наказание на Каре. В 1881 году он был заподозрен своими товарищами в предательстве и повешен. Впоследствии товарищеский суд признал его полностью невиновным.

В 1884 году А.И. Успенская жила в Москве в большой бедности, содержа на свой скудный заработок и себя, и своего единственного сына, мальчика четырнадцати лет, обучавшегося в одной из петербургских гимназий. Узнав, что она всё делает для себя сама: носит дрова, топит печь, стирает, моет полы и т.д., – Толстой, измученный «дармоедством» своих взрослых сыновей, сказал ей «растроганным голосом»: «Какая вы счастливая! У вас есть настоящая, невыдуманная работа».

В феврале 1886 года Толстого впервые посетил Короленко. Молодой писатель пришёл вместе с Н.Н. Златовратским, маститым народником, выдавшимся с Толстым не раз, а два года тому назад излагавшим при встрече «программу народничества».

В это время Толстой не вёл дневник, а в письмах, довольно многочисленных, ни словом не обмолвился о знакомстве с Короленко. Свидетельства об этой встрече сохранились лишь в письмах и воспоминаниях Короленко.

В упомянутой замечательной статье «Великий пилигрим», глубоко и точно фиксирующей перемены в духовном облике и настроениях Толстого за последние 25 лет его жизни, Короленко писал: «Я видел Льва Николаевича Толстого только три раза в жизни. В первый раз это было в 1886 году. Второй – в 1902 году и в последний – за три месяца до его смерти. Значит, я видел его в начале последнего периода его жизни, когда Толстой – великий художник, автор «Войны и мира» и «Анны Карениной» – превратился в анархиста, проповедника новой веры и непротивления; потом я видел его на распутье, когда, казалось, он был готов ещё раз усомниться и отойти от всего, что нашёл и что проповедовал: от анархизма и от непротивления. Наконец, в третий раз я говорил с великим писателем у самого конца его жизненного пути и опять слышал от него новое, неожиданное, порой загадочное... Каждый раз впечатление другое: точно это три разных снимка, и только в конце они сливаются в один образ великой человеческой личности».

Короленко рассказывает, что Толстой, в сущности, пригласил его. Приглашение было передано через известного революционера Л.А. Дмоховского, умершего в 1881 году в сибирской тюрьме. Дочь Дмоховского была замужем за революционером А.А. Тихоцким, также сосланным в 1884 году в Восточную Сибирь. Бывая у Дмоховской, Толстой виделся с революционерами, находившимися на нелегальном по-

ложении, и чрезвычайно интересовался их образом мыслей, судьбой, отношением их к правительству и к народу.

Когда Дмаховская рассказала Толстому о знакомстве своём с Короленко, тот сказал: «Мне кажется, что я знаю господина Короленко. Если бы он захотел прийти ко мне, чтобы разрешить какие-нибудь свои сомнения и вопросы, я рад был бы его увидеть и поговорить с ним».

Короленко медлил с визитом, потому что не сочувствовал теории непротивления злу насилием, а идти для того, чтобы спорить, не решался. Вернувшись из ссылки Короленко в этой проповеди «чуялся какой-то самодовольный догматизм человека, ушедшего от мучительных житейских противоречий и теперь тщательно закрывавшего все щели своей наскоро сооружённой часовенки, чтобы до неё не достигали отголоски живой, смятенной, страдающей и противоречивой жизни».

К Толстому Короленко и Златовратский пришли, приглашая участвовать в сборнике, который «должен был напомнить о чём-то и отчасти носить характер протеста». Это был задуманный тогда общедоступный сборник в память двадцатилетия освобождения крестьян.

По воспоминаниям Короленко, Толстой, как будто умиротворённый своей верой, сказал тогда окружающим его людям: «Да, да... Я действительно нашёл истину. И она всё мне объясняет: большое и малое... и все детали». Но в первых же словах, обращённых к Короленко, звучал мятущийся, неуспокоенный дух: «Счастливый вы человек, Владимир Галактионович. Вот вы были в Сибири, в тюрьмах, в ссылке. Сколько я ни прошу у бога, чтобы дал и мне пострадать за мои убеждения, – нет, не даёт этого счастья».

И тогда же, возражая последователю своего учения Н.Л. Озмидову (горячо доказывавшему, что за литературный и художественный труд нельзя получать денег), отчасти опровергая и свои воззрения на этот предмет, он показывал рисунки Н.Н. Ге, восхищался ими и говорил: «Хочу вот найти издателя для двух альбомов. Сначала один дороже, для богатых людей. Старик вот без штанов ходит. Надо старику на штаны собрать. Потом издам подешевле для народа...».

В 1886 году прошла горячая полемика по поводу толстовской теории «непротивления злу насилием». Одни поддерживали Толстого, другие порицали. Н.С. Лесков, подводя итог этой полемике, справедливо заметил в статье «О рожне. Увет сынам противления»: «Есть хвалители, есть порицатели, но совестливых и толковых судей нет».

А.П. Чехов тогда же опубликовал рассказ «Сестра» (впоследствии он был назван «Хорошие люди»), персонажи которого спорят о «непротивлении злу насилием». Бойкий критик теории Толстого, фельетонист Лядовский, изображён здесь в ироническом свете [24].

Достоверно известно, что в начале января 1887 года Чехов в споре с журналистом А.Д. Курепиным «доказывал, что нужно хорошенько ра-

зобратся в толстовской теории сопротивления злу, а пока нельзя честно говорить ни за, ни против».

В.Г. Короленко также включился в полемику вокруг Толстого, напечатав в №10 «Северного вестника» за 1886 год «Сказание о Флоре – римлянине». Здесь сказано: «Сила руки – зло, когда она подымается для грабежа и обиды слабейшего, когда она подъята для труда и защиты ближнего – она добро».

1898 год. 11 февраля Толстого посетил А.И. Фаресов. В прошлом революционер-народник, привлекавшийся по делу 193-х, четыре года просидевший в одиночном заключении, Фаресов потом раскаялся, поступил на государственную службу и сотрудничал в разных изданиях; дружил с Лесковым. 18 марта М.О. Меньшиков написал Толстому: «Фаресов вернулся от вас в большом восторге и записал – с какою точностью, Бог весть – весь разговор с Вами».

Как всегда, Толстого интересовало новое в искусстве и он спросил гостя: «Что у вас в Петербурге в литературе?» Потом сказал, что В.Г. Короленко его «очень печалит»: удивительный стилист, но «выдумщик»; упомянул его рассказ «В ночь под светлый праздник», где арестанты бегут из тюрьмы в ночь на Пасху и им светит луна, чего быть не могло. «Вот Чехов не выдумывает своих рассказов, и я не знаю равного ему по художественности писателя».

Статья Фаресова стала известна Толстому, и через М.О. Меньшикова он просил не печатать её: «Не говоря о том, что многое неточно, а предметы спорные и задорные, есть такие вещи, как суждения мои о Короленко и др., которые прямо сделают мне врагов. За что? Это мне было бы ужасно больно. Только одного желаю: быть в любви со всеми, а тут за неосторожность в разговоре быть так строго наказанным».

Как же воспринимал Короленко некоторые сочинения самого Толстого? В декабре 1900 года он пишет Льву Николаевичу, приславшему в «Русское богатство» свой роман «Начало жизни», что не может поместить его в журнале. «Мы, как вам известно, не «толстовцы», но, во-первых, не можем всё-таки не признать, что у этого учения есть последователи более искренние, честные и умные, чем выведенные Вами «тёмные». Во-вторых, – и это-то, собственно, решает дело, мы преклоняемся перед тем *настроением* (курсив Короленко. – А.Н.), которым проникнуты все призывы Льва Николаевича, перед этой постоянной чуткостью совести, обличающей страшные неправды всех сторон жизни, грехи не только отдельных человеческих душ, но и всего человеческого строя».

В феврале 1901 года Толстого отлучили от церкви (определение синода опубликовано в «Церковных ведомостях»). Тут же В.Г. Короленко шлёт из Полтавы телеграмму С.А. Толстой: «Многочисленные почитатели Льва Николаевича просят меня выразить ему чувства глубо-

кой симпатии и уважения, встревоженные газетными известиями шлют пожелания здоровья, если любовь очень многих может доставить облегчение, то Льву Николаевичу надо быть здоровым».

Короленко записывает в дневнике по поводу отлучения Толстого от церкви: «Акт беспримерный в новейшей русской истории! Правда, беспримерны также сила и значение писателя, который, оставаясь на русской почве, ограждённый только обаянием великого имени и гения, так беспощадно и смело громил бы «китов» русского строя: самодержавный порядок и господствующую церковь. Мрачная анафема [25] семи российских «святителей», звучащая отголосками мрачных веков гонения, несётся навстречу несомненно новому явлению, знаменующему огромный рост свободной русской мысли».

Осенью 1902 года Толстой рассказывает П.А. Сергеенко, что, когда у него в Крыму был Короленко, он, «не подумав, сказал, что иногда политические насилия могут ознаменовываться практическими (полезными) результатами; но затем, подумав, пришёл к заключению, что это необдуманное, неправильное мнение, и написал Короленко в том смысле, что никогда ни ради чего насилие не может быть применяемо».

В связи с 75-летием Толстого пришла телеграмма от семьи Короленко из Одессы: «Шлём искренние пожелания Великому художнику и человеку, поднявшему на недостижимую высоту значение слова в нашем отечестве. Желаем людям ещё долго слышать честный голос неутомимого искателя правды. Владимир, Евдокия, Илларион Короленко».

В январе 1904 года в письме к В.Г. Короленко Толстой благодарит его за присылку «очень интересной» книги с его «интересным» предисловием: *Г.П. Хохлов. Путешествие уральских казаков в Беловодское царство (Записки Русского Географического общества, т. XXVIII, вып.1, СПб, 1903)*: «На очень, очень важные мысли наводит это удивительное и трогательное явление».

В июле 1904 года Толстой читает брошюру В.А. Гольцева «Дети и природа в рассказах А.П. Чехова и В.Г. Короленко» (М., 1904), которая ему «очень понравилась».

А более чем через год, в ноябре 1905 года звучит уже обобщающая характеристика творчества В.Г. Короленко (в «Яснополянских записках» Д.П. Маковицкого): «Короленко хороший и такой приятный, классический народник, старого закала».

В ответ на письмо Толстого от 27 марта 1910 года Короленко благодарит его «от всего сердца» за его «душевный отклик» и признаётся, что во время работы над статьёй «Бытовое явление» (о смертных казнях) он думал о Толстом.

Конец апреля 1910 года. 7 месяцев жизни отпущено Толстому. Он читает «замечательную» книгу: Griffith J. Griffith. "Grime and criminals" by the Prison reform leaqen, Los Anqelos, 1910 [«Преступления и пре-

ступники, изд. Лики тюремных реформ], которая «является самой нужной в наше время», «даёт богатый материал, доказывающий всё большее и большее увеличение числа преступлений в Америке» и «доказывает, что карательная деятельность правительства, в особенности смертные казни, заразительно действуют на общество, увеличивая число убийств» (письма к Griffith J. Griffith и к В.Г. Короленко).

В этом же письме к Короленко Толстой пишет по поводу второй части его статьи «Бытовое явление», которая произвела на Толстого «такое же, если ещё не большее впечатление, чем первая». Тут же Толстой рекомендует ему напечатать в журнале «Русское богатство» перевод книги о преступности в Америке. (К сожалению, перевод этот не появился).

В двадцатых числах июля 1910 г. Толстой читает июльский номер «Вестника Европы». О статье С. «Смертники» Толстой сказал, что она произвела на него меньшее впечатление, чем статья Короленко о смертных казнях.

Начало августа 1910 года. В Ясную Поляну приезжает В.Г. Короленко и рассказывает о своих впечатлениях от многочисленных странствований по России. Толстой записывает о нём в дневнике: «Очень приятный, умный и хорошо говорящий человек».

Толстой на прогулке с Короленко. Запись в дневнике: «Хорошо говорили»; «умный и хороший человек, но весь под суеверием науки».

ГЛАВА IV

ЛЕВ ТОЛСТОЙ И РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА конца XIX – начала XX веков

1. ТОЛСТОЙ и ГОРЬКИЙ

Начнём с творческой параллели двух эпизодов – в романе «Анна Каренина» и в повести «Фома Гордеев».

«Анна Каренина»

С восхищением рисует Толстой картину дружной крестьянской работы во время сенокоса, в которой принимал участие и Константин Левин. Левин любит косцами. Особенно восхищает его старик, который «точным и ровным движением, не стоившим ему, по-видимому, более труда, чем маханье руками на ходьбе, как бы играя, откладывал одинаковый высокий ряд».

Вот Левин в имении сестры, находившейся за границей, улаживает дела с мужиками, арендовавшими у неё луга. Окончив дела, Левин пошёл на покос и уселся на копне, «любуюсь на кипящий народом луг». В немногих словах здесь создан настоящий апофеоз земледельческого труда. Когда работа была закончена, и мужики отправились домой, «некоторые из тех самых мужиков, которые больше всех с ним спорили за сено, те, которых он обидел, или те, которые хотели обмануть его, эти самые мужики весело кланялись ему и, очевидно, не имели и не могли иметь к нему никакого зла или никакого не только раскаяния, но и воспоминания о том, что они хотели обмануть его. Всё это потонуло в море весёлого общего труда. Бог дал день, бог дал силы. И день, и силы посвящены труду, и в нём самом награда. А для кого труд? Какие будут плоды труда? Это соображения посторонние и ничтожные.

... Народ, оставшийся ночевать в лугу, не спал почти всю короткую летнюю ночь. Сначала слышался общий весёлый говор и хохот за ужином, потом опять песни и смех.

Весь длинный трудовой день не оставил в них другого следа, кроме весёлости» (часть III, гл. XII).

«Фома Гордеев»

Напрашивается аналогия с превосходной картиной мощного трудового времени при разгрузке барж, нарисованной Горьким в повести «Фома Гордеев», когда и сам хозяин Фома под влиянием общего возбуждения бросается ворочать рычаг. «Невыразимая радость бушевала в нём и рвалась наружу возбуждённым криком». По окончании работы «весёлые, с улыбками на потных лицах, мужики подходили к нему и тесно окружали его... Возбуждение ещё не остыло в нём и не позволяло

ему понять, что случилось и отчего все вокруг так радостны и довольны» (гл. IX).

* * *

Толстой очень интересовался личностью протопопа Аввакума. Много выписок сделано Толстым из его «Жития» и других его писаний. Толстого нисколько не интересовали обрядовые стороны Аввакума с «никонианцами» – двумя или тремя перстами возлагать на себя крестное знамение, двоить или троить аллилуйя и пр., но литературные достоинства писаний Аввакума – особенно его «Жития» – и сама могучая личность борца – протопопа должны были привлечь внимание Толстого. Он выписывает из «Жития» образы живой русской народной речи, выписывает дословно художественное, хватающее за сердце описание убийственных условий десятилетней каторжной жизни Аввакума в Сибири под началом воеводы Пашкова.

Преклонявшемуся перед мученичеством Толстому были понятны и близки призывы Аввакума к своим единоверцам и ученикам: «Мучьтесь за Христа хорошенько. Не оглядывайтесь назад. Не тужите о безделицах мира сего».

Толстой, без сомнения, был глубоко растроган тем, что этот суровый аскет и фанатик находил ласковые слова в обращении к своей «духовной дочери» и другу боярыне Морзовой.

И, наконец, глубокое уважение вызывало в Толстом достойное и свободное обхождение Аввакума с царём Алексеем Михайловичем.

И, конечно, Толстой высоко ценил язык протопопа Аввакума и советовал писателям, намеревающимся писать для народа, учиться этому у Аввакума: «Язык надо бы... держать в чистоте – не то, чтобы он был однообразен, а напротив – чтобы не было того однообразного литературного языка, всегда прикрывающего пустоту. Пусть будет язык... попа Аввакума, но только не наш газетный».

Всего Толстым была сделана 51 выписка из писаний Аввакума [26], что свидетельствует не только о высокой оценке Толстым Аввакума-писателя, но и о его высоких личных качествах как замечательного русского человека XVIII столетия, о его стойкости и мужестве.

Недаром М. Горький, перечисляя те разнообразные «свойства сложной русской психики», которые воплотились в Толстом, указывал и на то, что в Толстом «горит фанатизм Аввакума».

* *

*

В марте 1889 года Толстой сообщает своему другу Н.Н. Гестаршему о том, что он едет «в уединение к Урусову недели на две», т.е. в имение Спасское, которое принадлежало севастопольскому сослуживцу и другу Толстого. Спасское находилось близ Сергеева, недалеко от Москвы, в Дмитровском уезде.

Урусов, ровесник Толстого, в прошлом геройски храбрый офицер, вёл в Спасском уединённую жизнь, занимаясь математикой и философией религии.

В Спасском Толстому было «очень покойно духом». Урусов, конечно, «хорошо принял» Толстого.

Вскоре, к удовольствию хозяина дома, в Спасское приехал американский пастор Вильям Ньютон и ещё два писателя: тоже пастор Керрил и Батчельдер Грин. Сердечного общения между иностранцами и Толстым не получилось: в дневнике отмечено, что гости «пьют водку и курят; и не могу не жалеть их...; ничего нового я, для себя, не сказал им и от них не услышал».

Ещё один человек, горячо желавший в это время видеть Толстого, был и в Ясной поляне, и в Хамовниках в Москве. Это – 21-летний Алексей Пешков, ещё не ставший писателем Максимом Горьким. Позднее он рассказал об этом в очерке «Время Короленко». В увлечении «толстовском» преобладало желание «временно отойти в тихий угол жизни и там продумать пережитое». В один из «тяжёлых моментов» своей жизни он «избрал самую отдалённую, но и самую яркую точку – Льва Толстого».

Софья Андреевна, которую Алексей Пешков встретил «у дверей сарая, тесно набитого пачками книг», отвела в кухню, «ласково угостила стаканом кофе с булкой и, между прочим, сообщила..., что к Льву Николаевичу шляется очень много «тёмных бездельников» и что Россия вообще изобилует бездельниками. Я уже сам видел это, – добавляет Горький, – и, не кривя душою, вежливо признал наблюдение умной женщины совершенно правильным».

У Горького была и практическая цель, которую он изложил 25 апреля 1889 года в особом письме к Толстому: «несколько человек, служащих на Грязе – Царицынской ж.д. – в том числе и пишуший к вам, – увлечённые идеей самостоятельного, личного труда и жизнью в деревне, порешили заняться хлебопашеством... У вас много земли, которая, говорят, не обрабатывается. Мы просим вас дать нам кусок этой земли... Кроме помощи чисто материальной, мы надеемся на помощь нравственную, на ваши советы и указания, которые бы облегчили нам успешное достижение цели, а также и на то, что вы не откажете нам дать книги: «Исповедь», «Моя вера» и прочие, не допущенные в продажу». Внизу письма подпись: «от лица всех – нижегородский мещанин Алексей Максимов Пешков».

Такая просьба была для Толстого не единственной и не оригинальной. Письмо Алексея Пешкова осталось без ответа, а сам он, увлечённый в водоворот жизни, связей с народническими и марксистскими кружками, очарованный личностью Короленко, скоро забыл о хлебопашестве.

Знакомство с Толстым произошло в январе 1900 года, когда М. Горький пришёл в Хамовнический дом знаменитым писателем и очень понравился хозяину. «Настоящий человек из народа», – записал Толстой в дневнике.

22 апреля 1899 года Толстой отправился на Малую Дмитровку (в Москве) к Чехову, только что приехавшему из Ялты. Там оказались гости: артисты А.Л. Вишневский и А.И. Сумбатов (Южин). Поговорить не удалось. На другой день Чехов обедал у Толстых. Упомянув этот визит в нескольких письмах, 25 апреля Чехов подробно написал А.М. Пешкову (М. Горькому): «Третьего дня я был у Л.Н. Толстого: он очень хвалил Вас, сказал, что вы «замечательный писатель». Ему нравится Ваша «Ярмарка» и «В степи» и не нравится «Мальва». Он сказал: «Можно выдумать всё что угодно, но нельзя выдумывать психологию, а у Горького попадают именно психологические выдумки, он описывает то, чего не чувствовал». Вот вам. Я сказал, что когда Вы будете в Москве, то мы вместе приедем к Льву Николаевичу... Толстой долго расспрашивал о Вас. Вы возбуждаете в нём любопытство. Он, видимо, растроган».

... Итак, как было сказано выше, в январе (13) 1900 года Горький (вместе с В.А. Поссе) пришёл в московский дом Толстых в Хамовниках, чтобы поговорить с Толстым.

В разговоре с Горьким Толстой высказал своё отрицательное мнение о «Фоме Гордееве» («Всё выдуманно; ничего такого не было и быть не может») и похвалил рассказ «Ярмарка в Голтве» («Просто, правдиво; его и два раза прочесть можно»).

Впоследствии Горький вспоминал: «Провожая, он (Толстой) обнял меня, поцеловал и сказал: «Вы – настоящий мужик! Вам будет трудно среди писателей, но вы ничего не бойтесь, говорите всегда так, как чувствуете, выйдет грубо – ничего! Умные люди поймут».

На следующий день, вспоминая посещение Горького, Толстой сказал посетившему его В.А. Поссе: «Я, кажется, вчера обидел вашего приятеля... Я не сказал ему главного. За ним всегда останется главная заслуга. Он показал нам живую душу в босяке. Достоевский показал её в преступнике, а Горький – в босяке. Жаль только, что он много выдумывает... Я говорю о выдумке психологической».

А 16 января в дневнике записал: «Был Горький. Очень хорошо говорили. И он мне понравился. Настоящий человек из народа».

Естественно, что Горький через 5 дней откликнулся письмом к Толстому по поводу знаменательной для него встречи с великим писа-

телем: «За всё, что Вы сказали мне – спасибо Вам, сердечное спасибо, Лев Николаевич! Рад я, что видел Вас, и очень горжусь этим. Вообще я знал, что Вы относитесь к людям просто и душевно, но не ожидал, признаться, что именно так хорошо Вы относитесь ко мне. Пожалуйста, дайте мне Вашу карточку, если имеете обыкновение давать таковые. Очень прошу – дайте. Низко кланяюсь Вам. М. Горький.

Хвораю я, кашляю, грудь болит. Чуть было опять не поехал к Вам, да вот лёг».

Делится чувствами и впечатлениями Алексей Максимович с Чеховым (через 8 дней после посещения дома в Хамовниках): «Ну, вот и был я у Льва Николаевича. С той поры прошло уже восемь дней, а я всё ещё не могу оформить впечатления. Он меня поразил сначала своей внешностью: я представлял его не таким – выше ростом, шире костью. А он оказался маленьким старичком и почему-то напомнил мне рассказы о гениальном чудачке – Суворове. А когда он начал говорить – я слушал и изумлялся. Всё, что он говорил, было удивительно просто, глубоко и хотя иногда совершенно неверно – по-моему, – но ужасно хорошо. Главное же – просто очень. В конце, он всё-таки – целый оркестр, но в нём не все трубы играют согласно. И это тоже очень хорошо, ибо – это очень человечно, т.е. свойственно человеку. В сущности, ужасно глупо называть человека гением. Совершенно непонятно, что такое – гений? Гораздо проще и яснее говорить – Лев Толстой, это и кратко и совершенно оригинально, т.е. решительно ни на что не похоже и притом как-то сильно, особенно сильно. Видеть Льва Николаевича – очень важно и полезно, хотя я отнюдь не считаю его чудом природы. Смотришь на него, и ужасно приятно чувствовать себя тоже человеком, сознавать, что человек может быть Львом Толстым. Вы понимаете? – за человека вообще приятно. Он очень хорошо отнёсся ко мне, но это, разумеется, не суть важно. Не важно и то, что он говорил о моих рассказах, а важно как-то всё это, всё вместе: всё сказанное, его манера говорить, сидеть, смотреть на вас. Очень это слитно и могуче красиво... Просидел я у него более трёх часов...».

В феврале 1900 года Толстой отвечает Горькому на восторженное письмо: «Простите меня, дорогой Алексей Максимыч (если я ошибся в имени, ещё раз простите), что долго не отвечал вам и не послал карточку. Я очень, очень был рад узнать вас и рад, что полюбил вас. Аксаков говорил, что бывают люди лучше (он говорил – умнее) своей книги и бывают хуже. Мне ваше писание понравилось, а вас я нашёл лучше вашего писания. Вот какой делаю вам комплимент, достоинство которого главное в том, что он искренен. – Ну, вот, прощайте, жму вам дружески руку. Лев Толстой».

Контакты продолжались. 11 марта 1900 года у Толстого – А.М. Горький, В.А. Поссе и В.С. Миролюбов. Толстой позвал к себе в кабинет Горького и Поссе и беседовал с ними около часу.

А в конце апреля ещё одно свидетельство (А.Б. Гольденвейзера) об интересе Толстого к творчеству молодого писателя: «Его знаешь из его произведений, какой он. Большой и очень существенный недостаток Горького – слабо развитое чувство меры, а это чрезвычайно важно».

Из того же источника за июль месяц: «Льву Николаевичу очень нравится Горький как человек. В его сочинениях, однако, он начинает разочаровываться. «Мужики» Лев Николаевич считает слабой вещью. Начало рассказа «Двадцать шесть и одна» очень хвалит...».

Октябрь 1900 года. Горький и Поссе в Ясной Поляне. В это посещение Толстой гулял вместе с Горьким в берёзовой роще. Поссе записывает об этом посещении: «Горький в этот день был не в духе. Яснополянская обстановка ему не понравилась. Это чувствовал Лев Николаевич, которому, видимо, Горький нравился всё больше и больше. Горький сидел хмурый в кресле. Он не скрывал от Толстого своего отрицательного отношения к «Воскресению», отметив, правда, что справедливое, а потому и доброжелательное отношение Толстого к государственным преступникам должно иметь огромное общественное значение».

С.А. Толстая сфотографировала Горького вместе с Толстым в яснополянском парке (известный снимок).

В этом же месяце Горький пишет Чехову: «Был в Ясной Поляне. Увёз оттуда огромную кучу впечатлений в коих и по сей день разобраться не могу... Статьи Льва Николаевича: «Рабство нашего времени», «В чём корень зла?» и «Не убий» – произвели на меня впечатление наивных сочинений гимназиста. Так всё это плохо, так ненужно, однообразно и тяжело, и так не идёт к нему. Но когда он, Лев Николаевич, начал говорить о Мамине (писатель Д.Н. Мамин-Сибиряк. – А.Н.) – это было чёрт знает как хорошо, ярко, верно, сильно! И когда он начал передавать содержание «Отца Сергия» – это было удивительно сильно, и я слушал рассказ, ошеломлённый и красотой изложения, и простотой, и идеей. И смотрел на старика, как на водопад, как на стихийную творческую силищу. Изумительно велик этот человек, и поражает он живучестью своего духа, так поражает, что думаешь – подобный ему невозможен... Говорилось о Вас отечески – нежным тоном. Хорошо он о Вас говорит. Поругал меня за «Мужика» – тоже хорошо».

Частный отзыв (декабрь 1900 г.): О.Л. Книппер в письме к Чехову сообщает (со слов Л.А. Сулержицкого), что Толстой «не мог дочитать повесть Горького «Трое».

6 мая 1901 года Толстой пишет письма: товарищу министра внутренних дел П.Д. Святополк-Мирскому с просьбой освободить из тюрьмы

М. Горького (заключённого по политическим мотивам) и принцу П.А. Ольденбургскому с просьбой содействовать его освобождению [27].

Через пять дней после этих писем – запись в дневнике о причине популярности Горького: «Мы все знаем, что босяки – люди и братья, но знаем это теоретически; он же показал нам их во весь рост, любя их, и заразил нас этой любовью. Разговоры их неверны, преувеличены, но мы всё прощаем за то, что он расширил нашу любовь».

К концу 1901 г. интерес Толстого к Горькому как человеку и писателю становится уже устойчивым.

В ноябре Горький опять у Толстого в Крыму. Рассказывал о демонстрации в Петербурге 4 марта 1901 года и о других политических событиях. Запись в дневнике: (29 ноября): «Рад, что и Горький, и Чехов мне приятны, особенно первый». И на другой день в письме к В.Г. Черткову: «Видаю здесь Чехова, совершенно безбожника, но доброго, и Горького, в котором гораздо больше *fond* (глубины. – А.Н.), несмотря на то, что его перехвалили».

В ноябре Горький гостил у Толстого в Ялте. В декабре – в Гаспре, после чего сообщает К.П. Пятницкому: «Лев Николаевич поправился. «Жиловат – не изорвется!». Великолепная эта фигура! Нам нужно будет жить лет сто, а, может, и больше – до следующего Льва».

А вот и Толстой – гость Горького, там же, в Крыму – в Оленихе. Толстой «очень нахваливал» Горькому Леонида Андреева и самого Горького «за первую половину «Трёх», а о второй сказал, что «это анархизм, злой и жестокий».

К началу 1902 года два писателя сделались настоящими друзьями. Горький снова у Толстого в Гаспре. В середине января он пишет К.П. Пятницкому: «Занимаюсь корректурой своих книг. Зело противно. «Негоже псу возвращаться на блевотину свою». Это сказал Лев Николаевич одновременно со мною, и сие трогательное единодушие заставило нас обоих здорово хохотать. Но хохотали мы не как авгуры, нет! – а как люди, сами себя устыдившиеся. «Читаешь и видишь: сколько лишних слов, страниц, сколько чепухи!», – говорит он. – Терпеть не могу читать сочинения Толстого!» – «А я Горького...» – сознался искренне Ваш слуга».

В конце января Горький в письме к В.А. Поссе высказывает серьёзную озабоченность состоянием здоровья Толстого: «Первый раз ещё в России умирает такой великий человек, как Лев Толстой, и умирает он в момент очень высокого подъёма духа в русском обществе».

В марте с Горьким Толстой «долго беседовал наедине».

За время свиданий с Толстым в Крыму, с середины ноября 1901 года, Горький прочёл Толстому по рукописи свой рассказ «Бык» и затем сцены из пьесы «На дне». По воспоминаниям Горького, Толстой, слушая чтение рассказа «Бык», «очень смеялся и хвалил за то», что Горький

«знает *фокусы языка*». «Но распоряжаетесь вы словами неумело, – все мужики говорят у вас очень умно». О пьесе «На дне» Толстой «говорил недовольно, видимо ему очень не понравилось прочитанное». – «Зачем вы пишете это?.. Везде у вас замечен петушиный натиск на всё. И ещё – вы всё хотите закрасить все пазы и трещины своей краской».

Своей радостью делится Горький с К.П. Пятницким (июль 1902 года): «Лев Николаевич окончательно встал на ноги и уже в Ясной Поляне. Гений – сильнее смерти. Пишет статью по земельному вопросу, а? Экая силища! Экое изумительное понимание запросов дня!»

А.Б. Гольденвейзер в своих воспоминаниях отмечает (за июль 1902 года): «О рассказе Горького “Дело с застёжками” и о повести “Трое”: есть в них психологические ошибки. “Мещане” «совсем не интересны». «Но мне всё-таки импонирует, что Европа его так переводит, читает. Несомненно, что-то новое в нём есть».

Осенью 1902 года Толстой читает пьесу М. Горького «На дне», которой уделит много внимания по разным поводам. Участвуя в государственной переписи населения (1882 год) в Москве, Толстой познакомился с босяками (тогда слово это ещё не употреблялось). Воспоминание от общения с этими людьми осталось у Толстого самое приятное. В 1903 году он говорил корреспонденту Ю.Д. Беляеву:

« – Я занимался также Хитровкой (Хитров рынок. – *А.Н.*) во время переписи, дружил даже с хитровцами и вот что скажу: вам говорят, что босяки жестоки, это – неправда. Неправ и Горький, подчёркивая в них эту черту. Разумеется, есть между ними озлобленные и коварные люди, но основная черта босячества всё-таки заключается не в этом. Я, например, у большинства из них встречал душевное равновесие и добродушие. Когда Горький был у меня, я советовал ему особенно подчеркнуть эту черту в его новой драме («На дне». – *А.Н.*). Надо ещё показать, что у босяков нет ложного страха, что нет пропасти под ними и что если захотят они встать на ноги, то встанут без малейшего усилия, потому что почва под их ногами».

В статье 1885 года «Так что же нам делать?» Толстой рассказывал о своём первом знакомстве с московской нищетой во время переписи 1882 года, о произнесённой им в городской Думе речи с призывом соединить с делом переписи дело помощи беднякам, о тех чувствах, которые он испытывал при встрече с «босяками», как впоследствии, по примеру Горького, стал называть людей, впавших в крайнюю нищету.

В той же беседе с Ю.Д. Беляевым Толстой коснулся разных литературных тем. По поводу пьесы Горького «На дне» Толстой сказал: «Я говорил Горькому, что для драмы нужно драматическое положение, а в его пьесах этого нет. Он с обычной скромностью ответил, что ему это не удаётся».

... И вот уже 1904-й год. Запись в дневнике А.Б. Гольденвейзера: «Лев Николаевич очень хвалил язык Чехова за простоту, сжатость и изобразительность. Язык Горького он порицает, находя его искусственным, напыщенным».

В начале 1905 года Толстого посетил корреспондент английской газеты «Manchester Guardian» Г. Вильямс. В частности, – разговор с ним о литературе наряду с другими зарубежными и русскими писателями, речь шла и о Горьком: «У Горького нет ни одного доброго лица, у Чехова их пропасть; у Горького не чувствуется доброты, нежности; «На дне» – искусственно».

В феврале 1905 года домашний врач Толстых Д.П. Маковицкий записывает в дневнике беседу о Лескове: «... у Лескова нет чувства меры. И у Горького его нет».

В июле 1905 года Толстой продолжает интересоваться творчеством Горького – читает рассказ «Тюрьма»: «Начало хорошее, но где рассуждения – слабо. Если рассуждения не вполне ясны, то они неуместны в художественном произведении».

... Весна 1906 года. Чтение вслух рассказа Горького «Емельян Пиляй»: «Середину рассказа, где детство происходит в степи среди чабанов, Лев Николаевич похвалил: «Как художественно, хорошо». А про дальнейшее, как Емельян поджидал под мостом купца, чтобы его ограбить, и встретил девушку, которая пришла топиться, Лев Николаевич сказал: «Фальшиво».

Последующие три с половиной года свидетельств о контактах Толстого и Горького, а также об интересе Толстого к творчеству Горького нет. Лишь осенью 1909 года Толстой решил перечитать рассказы Горького. Отзыв его: «Слабо. Нет главного – чувства меры (это уже во второй раз. – А.Н.), и далее: «знаменатель велик». И тогда же запись в дневнике о рассказах Горького: «Знание народа черносотенного, прекрасный язык, т.е. говор людей. Но совершенно произвольная, ничем не оправдываемая психология, т.е. приписыванье чувств, мыслей своим лицам, и всё больше героическая, и потом среда исключительно безнравственная. Притом рабское уважение перед наукой... Всё воображаемые и неестественные огромные героические чувства и фальшь. Но талант большой». На этой же странице, чуть ниже: «Читал всё Горького. Он как материал превосходный. Язык хороший, когда он описывает то, что он знает: это разговоры босяков, их чувства – превосходно. Но когда приписывает им чужие чувства, тогда чепуха».

Этой же осенью Толстой назвал пьесу Горького «Мещане» «ничтожной», а про другие его вещи (в дневнике не уточнено) выразился так: «ни то, ни сё».

Горький продолжает будоражить внимание Толстого. 23 ноября 1909 года – запись в дневнике: «Читал после обеда о Горьком. И стран-

но, недоброе чувство к нему, с которым борюсь. Оправдываюсь тем, что он, как Ницше, вредный писатель: большое дарование и отсутствие каких бы то ни было религиозных, т.е. понимающих значение жизни, убеждений, и вместе с этим поддерживаемая нашим «образованным» миром, который видит в нём своего выразителя, самоуверенность, ещё более заражающая этот мир. Например, его изречение: веришь в бога – и есть бог; не веришь в бога – и нет его (пересказ реплики Луки из II действия пьесы «На дне». – А.Н.). Изречение скверное, а между тем оно заставило меня задуматься».

... И вот наступает 1910-й год, последний год жизни Л.Н. Толстого. И что же мы видим? Горький просто раздражает Толстого. В «Яснополянских записках» Д.П. Маковицкого за январь читаем: «Чтение второго тома рассказов Горького в издательстве «Знание» (СПб, 1901): «Очень плохо». Здесь же приводится устный отзыв Толстого: «Не народный язык, фальшиво до невозможности. Всё фальшиво: и описания природы, и сравнения». Можно предположить, что такое пристрастие к фальши и искренности, идущие от автобиографической трилогии, рассказа «Три смерти», повести «Казачи», и обострившиеся в последние годы жизни Толстого, – такая чуткость к «фальши – искренности» в значительной степени усиливалась образом жизни самого яснополянского дома во главе с С.А. Толстой.

М.С. Сухотин 13 января прочёл вслух из статьи В.А. Поссе о первой встрече Горького с Толстым, мнение Толстого о «Фоме Гордееве» и «Ярмарке в Голтве» Горького (см. выше). Когда он кончил чтение, Толстой сказал: «Аминь. Это хорошо» [28]. Иначе говоря, Толстой, глубоко уважая Горького как человека, к творчеству его свои симпатии и антипатии разделил примерно поровну.

2. ТОЛСТОЙ и ВЕРЕСАЕВ

В.В. Вересаев в 1922 году издал свой очерк «Художник жизни. (О Толстом)». В нём он делится впечатлением об одном эпизоде из жизни великого художника. Он касается крестьянина Ивана Васильевича Сютаева, разделявшего религиозные воззрения Толстого. Сютаев в 1877 году отказался от военной службы. Его арестовали, и он два с половиной года просидел в Шлиссельбургской крепости, пять месяцев был на испытании в доме умалишённых, потом согласился служить, но присягу не принял.

И вот он в ноябре 1884 года посетил своего учителя и провел у него три дня. «Мы полюбили друг друга», – писал Толстой В.Г. Черткову о Сютаеве 13-14 ноября. – «Я шутил говорил, – писал далее Толстой, – что я бы его истолок с вами в ступе и сделал из вас двух людей прелестных».

Толстой, очевидно, полагал, что Сютяеву не доставало интеллигентности Черткова, а Черткову не доставало трудового образа жизни и последовательности в исполнении признаваемого им нравственного учения.

В первый же день пребывания у Толстого Сютяев засиделся у него до последнего вечера, и, когда он собирался уходить, Лев Николаевич предложил ему остаться переночевать. Сютяев ответил: «Да признаться, Лев Николаевич, в бане давно не был. Очень вошь замучила.

– Ну, вот пустяки какие, – возразил Толстой. – Я очень буду рад, если в моём доме рабочая вошь заведётся».

В вышеназванном очерке Вересаев замечает по поводу этих слов Толстого: «Кто в здоровых, нормальных условиях станет радоваться такой своеобразной чести? И кто, не принуждённый переживать этот вечный стыд за себя, способен говорить так?».

В январе и марте 1902 года Толстой читает рассказ Вересаева «Конец Андрея Ивановича» и повесть «На повороте». К сожалению, мнение его неизвестно.

Лишь в августе 1903 года Вересаев посетил Толстого, который нашёл его «незначительным, неинтересным». «Он обладает известной способностью описания, но больше ничего» [29].

Интерес Толстого к произведениям Вересаева не ослабевает. Так, в марте 1906 года он читает вслух «Рассказы о войне» Вересаева и, в частности, рассказ «Ломайло» из этой серии. Отзыв Толстого: «ужасный рассказ», «живо описано. У Вересаева тургеневский стиль».

Как видим, здесь традиционное толстовское «объективно-субъективное» отношение к литературе собратьев, молодых ли, маститых ли. Вот ещё пример: Д.П. Маковицкий фиксирует толстовский отзыв о Вересаеве: «Хорошо пишет, немного однообразно и с политической тенденцией, не отдаётся художественному чувству».

За полгода до ухода из Ясной Поляны, в мае 1910 года Толстой «читал В. Вересаева» (запись в дневнике) [30].

3. ТОЛСТОЙ и БУНИН

В июне 1890 года отправил первое письмо Толстому молодой И.А. Бунин, живший тогда в Париже и сблизившийся с толстовцами; он писал, что, прочитав «Послесловие» к повести «Крейцера соната», поражён высказанными там мыслями, и просил разрешения приехать в Ясную Поляну.

В январе 1893 года Толстой пишет первое письмо Бунину – ответ на его предложение помогать голодающим [31].

В книге «Освобождение Толстого» Бунин рассказал о том, как сильно и почему он стремился к Толстому. «В ранней молодости я был

совершенно влюблён в него, в тот мной самим созданный образ, который томил меня мечтой увидеть его наяву. Мечта эта была неотступная, но как я мог осуществить её? Поехать в Ясную Поляну? Но с какой стати, с какими глазами? “Что вам угодно, молодой человек?” – спросят меня в Ясной Поляне? И что я отвечу тогда?..

Позднее, страстно мечтая о чистой, здоровой, «доброй» жизни среди природы, собственными трудами, в простой одежде, главное же, опять-таки от влюблённости в Толстого как художника, я стал толстовцем, – конечно, не без тайной надежды, что это даст мне наконец уже как бы законное право увидеть его и даже, может быть, войти в число людей, приближённых к нему. И вот, началось моё толстовское “послушание”».

Летом 1892 года Бунин напечатал в «Орловском вестнике» очерк «Помещик Воргольский», где ведутся разговоры о «теории Толстого».

Толстой ответил, что приезжать не стоит, поскольку Бунин предлагает свои услуги только на короткое время. Так что не нужно бросать службу. Впрочем, произошла и ошибка: Толстой подумал, что это письмо другого Бунина, который обращался раньше (в 1887 году) в поисках работы и был направлен к И.Д. Сытину. Лишь 15 июля Бунин собрался с духом и в письме разъяснял недоразумение. Тогда же Бунин послал Толстому свою «брошюрку» – оттиск рассказа «Деревенский эскиз» (позднее назван «Танька») и писал: «Посылаю её Вам как человеку, каждое слово которого мне дорого, произведения которого раскрывали во мне всю душу, пробуждали во мне страстную жажду творчества... Много раз мне хотелось написать Вам многое, увидеть Вас. Но боюсь, что причислите меня к лику тех, которые осаждают Вас из прошлого любопытства и т.п.».

3 января 1894 года в Хамовническом доме Москвы впервые появился И.А. Бунин. Свидание было коротким.

Молодой писатель услышал слова: «Пишите, пишите, если очень хочется, только помните, что это никак не может быть целью жизни».

«С женщиной можно жить только как с женой и не оставлять её никогда... Хотите жить простой, трудовой жизнью? Это хорошо, только не насилюйте себя, не делайте мундира из неё, во всякой жизни можно быть хорошим человеком...».

«Не ждите многого от жизни, лучшего времени, чем теперь, у вас, не будет... Счастья в жизни нет, есть только зарницы его – цените их, живите ими...».

Возвратясь в Полтаву, Бунин написал: «Ваши слова, хотя мне удалось слышать их так мало и при таком неудачном свидании, произвели на меня ясное, хорошее впечатление; кое-что ярче осветилось от них, стало жизненней».

Б.Н. Леонтьев, бывший воспитанник пажеского корпуса, ставший толстовцем, написал 30 января Толстому: «Бунин рассказывал про всех московских друзей, но приехал очень огорчённый, что так мало провёл времени с вами, – вы были главная цель его поездки, – он вас очень любит и давно жаждал знакомства с вами. Он не может спокойно, без волнения говорить о вас... Он хочет бросить свою службу и заняться продажей книжек «Посредника».

Толстой отправил Бунину ласковое письмо, повторив ответы, высказанные при встрече.

В марте 1895 года второй раз в Хамовниках (и последний – дома у Толстого) был Бунин. Об этом есть единственный и прекрасный рассказ – в книге «Освобождение Толстого»:

«Меня провели через залу, где я когда-то впервые сидел с ним возле милой розовой лампы, потом в эту маленькую дверку, по ступенькам за ней и по узкому коридору; и я робко стукнул в дверь направо.

– Войдите, – ответил старческий альтиный голос.

И я вошёл и увидел низкую, небольшую комнату, тонувшую в сумраке от железного щитка над старинным подсвечником в две свечи, кожаный диван возле стола, на котором стоял этот подсвечник, а потом и его самого, с книгой в руках. При моём входе он быстро поднялся и неловко, даже, как показалось мне, смущённо бросил её в угол дивана. Но глаза у меня были меткие, и я увидел, что читал он, то есть перечитывал и, вероятно, уже не в первый раз, как делаем это и мы, грешные, своё собственное произведение, только что напечатанное тогда, – «Хозяин и работник». Я, от восхищения перед этой вещью, имел бестактность издать восторженное восклицание. А он покраснел, замахал руками:

– Ах, не говорите! Это ужас, это так ничтожно, что мне по улицам ходить стыдно! [32].

Лицо у него было в этот вечер худое, тёмное, строгое: незадолго перед тем умер его семилетний Ваня. И после «Хозяина и работника» он тотчас заговорил о нём:

– Да, да, милый, прелестный мальчик был. Но что это значит – умер? Смерти нет, он не умер, раз мы любим его, живём им!

Вскоре мы вышли и пошли в «Посредник». Была чёрная мартовская ночь, дул весенний ветер, раздувая огни фонарей. Мы бежали наискось по снежному Девичьему полю, он прыгал через канавы, так что я едва поспевал за ним, и опять говорил – отрывисто, строго, резко:

– Смерти нету, смерти нету!».

Летом 1895 года появилась замечательная запись в дневнике Толстого, воплотившая оптимистический взгляд Толстого на жизнь: «Смотрел, подходя к Овсянникову, на прелестный солнечный закат. В нагромождённых облаках просвет, и там, как красный неправильный уголь, солнце. Всё это над лесом, рожью. Радостно. И подумал: «Нет,

этот мир не шутка, не юдоль испытания только и перехода в мир лучший, вечный, а это один из вечных миров, который прекрасен, радостен и который мы не только можем, но должны сделать прекраснее и радостнее для живущих с нами и для тех, кто после нас будет жить в нём».

Впоследствии Бунин написал М.В. Карамзиной: «Что общего у меня с Толстым? Он очень, очень близок мне не только как художник и великий поэт, но и как религиозная душа. Перечитайте кое-что, что я выписал из его дневников, – например, как он шёл на закате из Овсянникова: «лес, рожь, радостно», – как ехал вечерней зарёй через лес Тургенева: «и соловьи, и жуки, и кукушка...». Более прекрасных, несравненных слов о бессмертии ни у кого нет во всей мировой литературе».

Доказательством того, что Толстой очень внимательно следил за творчеством молодых, свидетельствует такой факт. В октябре 1900 года Горький и Поссе были в Ясной Поляне. В это посещение Толстой гулял вместе с Горьким в берёзовой роще. В разговоре Толстой, в частности, похвалил стихи Бунина «Грибы сошли, но крепко пахнет в оврагах сыростью грибной...» (из стихотворения «Не видно птиц. Покорно чашет...»): «Очень хорошо, очень верно!».

Тем более естественно письмо Бунина с просьбой к Толстому (март 1901) дать что-либо для сборника, издающегося редакцией «Одесских новостей» «в пользу голодающих на юге».

Так же естественна и взыскательность великого мастера к молодым, о чём уже было неоднократно отмечено. Вот и по поводу Бунина. А.Б. Гольденвейзер свидетельствует (июль 1902 года): «Разговор о литературе... О рассказе Бунина («Счастье». – А.Н.): «Сначала превосходное описание природы – идёт дождик, и так написано, что и Тургенев не написал бы так, а уж обо мне и говорить нечего. А потом девица мечтает о нём... и всё это: и глупое чувство девицы, и дождик, всё нужно только для того, чтобы Бунин написал рассказ».

Толстой чувствовал огромный неподдельный интерес молодых писателей к своей личности, их восхищение его творчеством, но этот пиетет никогда не поколебал взыскательного и даже строгого отношения к произведениям молодых: литературное творчество, искусство для Толстого – превыше всего. И.А. Бунин – не исключение.

4. ТОЛСТОЙ и КУПРИН

Первое соприкосновение купринского сознания с толстовским связано с народной драмой «Власть тьмы».

16 октября 1895 года произошло событие, которого Толстой ждал почти десять лет: представление «Власти тьмы» в театре. Наконец, было снято запрещение, наложенное в 1887 году.

Первый спектакль состоялся в Петербурге 16 октября на сцене суворинского Театра Литературно-артистического кружка; 18 октября – в Александринском театре, в бенефисе Н.С. Васильевой.

26 октября пьеса шла впервые в московском общедоступном театре М.В. Лентовского «Скоморох»; 29 ноября – в Малом театре. Накануне вместе с женой Толстой был в Малом театре на генеральной репетиции. Поставлена драма и в московском театре Ф.А. Корша, во многих городах провинции. Киевскую постановку 1895 года отметил А.И. Куприн, приветствуя появление на театральной сцене «мужицкой жизни», её трагедии «в ужасной картине окутанных чудовищной тьмой и мечущихся в ней людей».

Знакомство Толстого с творчеством Куприна начинается с повести «В цирке» (январь 1902), которая *«очень понравилась»*.

А в июне того же года в Ялте Куприн знакомится с Толстым [33].

В феврале 1903 года в письме к брату С.Н. Толстому Лев Николаевич рекомендует ему прочесть рассказы Куприна [34], в том числе «Ночную смену» («недурно»).

И уже в апреле Толстой пишет брату Сергею Николаевичу по поводу его отрицательного отзыва о рассказах Куприна: «Жалею, что тебе не понравился Куприн. В нём много лишнего, но очень ярко, и хороши тон и язык».

В январе 1904 года Толстой прочёл вслух семейным и гостям рассказ Куприна (название, к сожалению, неизвестно [35]).

Октябрь 1905 года. Чтение вслух «превосходного» рассказа Куприна «Поединок»: «Хорошо, весело, только где пускается в философию, неинтересно». Тогда же пишет М.Л. Оболенской: «Читал Куприна... Какой бы был хороший писатель, если бы жил не во время повального легкомыслия, невежества и сумасшествия. Что за мерзость речь Назанского. Я не читаю этих гадостей, сделал исключение и не рад». А дочери Марии Львовне посылает «Поединок» – «гадкую книгу, с талантом написанную».

А в декабре 1906 года мнение Толстого о Куприне помягчело. Он хвалит рассказы «Allez!» и «Поздний гость»: «Как всё у него сжато. И прекрасно». Толстой просит П.А. Сергеенко «кланяться ему» и передать, чтобы он «ради бога не слушался критиков».

В те же дни, вспоминает Д.П. Маковицкий, разговаривали снова о Куприне. Толстой пересказывал содержание рассказа Куприна «Демир-кая»: «прямо дурно, скверно». Рассказ «Конокрады» не понравился, а «Мирное житие» назвал «превосходным».

В феврале 1907 года читал вслух рассказ Куприна «Гамбринус»: «на третьей странице остановил чтение: рассказ оказался скучным».

Осенью того же года – чтение вслух рассказов Куприна «Ночная смена» и «Allez!». Лев Николаевич читал с усилием, но с большим удо-

вольствием; много смеялся, а за ним и другие». По окончании чтения Толстой сказал: «Как это верно! Ничего лишнего... Из молодых писателей нет ни одного близко подходящего Куприну».

Осенью того же года Д.П. Маковицкий в своих «Яснополянских записках» фиксирует мимоходом высказанную Толстым оценку: «У Куприна никакой идеи нет, он просто офицер».

И, несмотря на такие нелестные отзывы, Куприн продолжает интересоваться Толстым. В январе 1908 года по предложению П.А. Сергеевского читают вслух рассказ «Изумруд»: «Прочли 6 страниц и прервали чтение. Рассказ не заинтересовал».

А в марте 1908 года, прочитав один из рассказов Леонида Андреева, Толстой сделал такое заключение: «Куприн, Серафимович, Арцыбашев – гораздо талантливее его».

Через год, мартовским вечером Толстой слушает чтение рассказа Куприна «Мелюзга». Мнение: «Рассказ хорош; бал прекрасен; разговоры, философствования учителя ни к чему».

В мае 1909 года Толстой слушает чтение повести Куприна «Яма». Отзыв: «Отвратительно! Отношение автора не то, какое должно быть. Не люблю его художественным талантом: придумывает каждому лицу характерные черты». И ещё: «Очень плохо, грубо, ненужно грязно» (это в дневнике). А вот – устно (Д.П. Маковицкому): «Грубость циническая ослабляет впечатление художественное, а не усиливает».

А в июне 1909 года Куприн посылает телеграмму С.А. Толстой: «Провожая Вас из Ялты, получил милостивое приглашение посетить Ясную Поляну. Не обеспокою ли Вас и Льва Николаевича, если в середине июня заеду всего на час». С.А. Толстая ответила Куприну, прося его отложить поездку в Ясную Поляну до осени ввиду того, что Лев Николаевич собирался вскоре уехать к дочери Т.Л. Сухотиной.

А.Б. Гольденвейзер записал в августе 1909 года отзыв Толстого о Куприне: «Яма» – «это мерзость!.. просто ужасно!»; «Allez!», «Поединок» Толстому «нравится»; «Кадеты» – «нехорошо, скучно».

Насколько «Яма» раздражала Толстого, пишет и его секретарь В.Ф. Булгаков: в июне 1910 года Толстой «начал читать «Яму» Куприна, но не мог дочитать, бросил» – «так гадко, главное, лишне. Всё это можно короче».

Тогда же Толстой познакомился с третьим томом рассказов Куприна. Отзыв: «Очень талантлив. «Корь» – не выдержана, но образность яркая, правдивая, простая» [36].

И вот – последнее свидетельство Толстого (за полгода до кончины) о Куприне (июнь 1910). В разговоре с А.Б. Гольденвейзером Толстой перечисляет понравившиеся ему рассказы Куприна: «Жидовка», «Незванный гость».

... Вот и ещё один талант русской литературы конца XIX – начала XX века оказался под пристальным вниманием великого мастера и радителя русской литературы.

5. ТОЛСТОЙ и АНДРЕЕВ

Всё началось с посылки в декабре 1901 года Л.Н. Андреевым Л.Н.Толстому своих «Рассказов» – «как дань безграничного уважения».

Толстой тотчас же отозвался письмом к автору рассказов. Он сообщил Андрееву что «уже прежде присылки прочёл почти все рассказы, из которых многие очень понравились». «Больше всех мне понравился рассказ «Жили-были», но конец – плач обоих – мне кажется неестественным и ненужным».

В июле 1902 года о рассказе Андреева «Бездна» Толстой, по свидетельству А.Б. Гольденвейзера, «отозвался с отвращением».

Лишь через три года после первого письма Андреева к Толстому завязывается более тесное творческое содружество. В ноябре 1904 года, посылая Толстому в рукописи свой первый рассказ «Красный смех», Андреев просит разрешения приехать в Ясную Поляну. Толстой без промедления посылает ответное письмо, в котором высказывает своё мнение о рассказе Андреева. В нём Толстой видит «очень много сильных картин и подробностей» и вместе с тем «большую искусственность и неопределённость». Будучи «очень напряжённо» занят и не совсем здоров, Толстой просит Андреева приехать к нему, когда он будет «свободнее».

В январе 1905 года в беседе с корреспондентом английской газеты «Manchester Guardian» г. Вильямсом о многих писателях русской и зарубежной литературы Толстой, в частности, отозвался и о рассказе Андреева «Жизнь Василия Фивейского»: «искусственна».

Более чем через два года, в июле 1907 года, А.С. Суворин записывает в своём дневнике, со слов П.А. Сергеенко, ставшее затем знаменитым мнение Толстого о рассказах Андреева: «Андреев всё меня пугает, а мне не страшно».

Осенью 1907 года, ровно через три года после первой попытки встретиться с Толстым, Андреев телеграммой испрашивает разрешения приехать в Ясную Поляну. На что следует от Толстых ответ: «Милости просим». Но по какой-то причине в том году Андреев так и не приехал к Толстому.

В феврале 1908 года, читая рассказ Андреева «Тьма», Толстой увидел в нём «полное отсутствие чувства меры».

В следующем месяце Толстой читает рассказ Андреева «Иван Иванович», в котором находит, «как всегда у Андреева, отсутствие чув-

ства меры» и удивляется «славе этого человека»: «Куприн, Серафимович, Арцыбашев – гораздо талантливее его», – заключает Толстой.

Через месяц М.С. Сухотин рассказывал Толстому содержание новых пьес Андреева «Царь-голод» и «Жизнь человека». Толстому «не понравилась ни та, ни другая. Про «жизнь человека» он сказал: «Этот наивный, напускной пессимизм, что не так идёт жизнь, как мне хочется... Ни новой мысли, ни художественных образов».

Через два месяца в разговоре о молодых писателях Толстой отзывался об Андрееве так: «Я не могу читать Андреева. Прочту одну страницу, и мне скучно. Я вижу, что всё фальшиво».

Несколько дней спустя – впечатление Толстого не меняется (чтение «Рассказа о семи повешенных»): «Отвратительно! Фальшь на каждом шагу!.. Ему надо бы начать писать, как молодому, начинающему писателю, с самыми строгими к себе требованиями, и тогда из него могло бы выйти что-нибудь, — у него есть кое-что».

Конечно, Андреев не знал об этом отзыве Толстого, опубликованном Н.Н. Гусевым в своих воспоминаниях «Два года с Л.Н. Толстым» в 1928 году. Знай это, он вряд ли бы напечатал в «Биржевых новостях» (№10678) следующее письмо: «Посвящая глубокоуважаемому Л.Н. Толстому мой «Рассказ о семи повешенных», ныне напечатанный в альманахе «Шиповник», я, с любезного согласия издателей «Шиповника», с 1 января 1909 года отказываюсь от права собственности на этот рассказ и предоставляю его в общее пользование».

Несмотря на весьма нелестные отзывы Толстого о произведениях Андреева, он, тем не менее, не выпускает его из орбиты своего внимания. И в сентябре 1908 года пишет специальное письмо к Андрееву о художественном творчестве.

Прочитав в «Московском еженедельнике» за 1908 год статью В. Быстренина «Новая правда» (о Л. Андрееве), Толстой «говорил о ней с недоумением» (видимо, ставя под сомнение основную мысль критика, выраженную в заглавии статьи).

Ожидая приезда Леонида Андреева (в октябре 1909 года), Толстой перечитывает его рассказы и получает «очень определённое впечатление»: «ранние рассказы хороши, позднейшие ниже всякой критики». «Жили-были» – «нет содержания, а одни картины»; «Молчание», «Валля» – «превосходны»; «На реке», «В тёмную даль» – «прекрасны»; «Праздник» – «хорош»; «Христиане» – «очень хороший рассказ»; «Проклятие зверя» – вначале «восхитительно», а «в конце скучно». «Сергей Петрович» – «слабо»; «Кусака» – «так себе»; «Рассказ о семи повешенных» и «Тьма» – «слабо, психологически неверно, много лишнего». «Некоторые подробности казни цыгана в «Рассказе о семи повешенных» Лев Николаевич передавал как верные, по его мнению» («Яснополянские записки» Д.П. Маковицкого) [37].

Такое «массированное» чтение Андреева перед ожидаемым его приездом повлияло на творческое самочувствие Толстого, выразившееся в «позыве» к писанию: «Чтение Андреева живее заставило меня думать о художественной работе. Хочется, но нет неудержимой потребности» (запись в дневнике 14 октября 1909 года).

Как бы «вдогонку» к перечисленным выше рассказам Андреева в самом конце октября – ещё раз чтение вслух рассказа «Христиане».

Дневниковая запись ноябрьская того же года сопоставляет три писательских таланта, которые никогда не оставляли Толстого равнодушным. Начинается она с характеристики рассказов Горького: «Знание народа черносотенного, прекрасный язык, т.е. говор людей. Но совершенно произвольная, ничем не оправдываемая психология, т.е. приписывание чувств, мыслей своим лицам, и всё больше героическая, и потом среда исключительно безнравственная. Притом рабское унижение перед наукой... Всё воображаемые и неестественные огромные героические чувства и фальшь. Но талант большой. И у него, и у Андреева нечего сказать... То же было у Чехова, но у него есть комизм».

Пьесы Андреева тоже не удовлетворяли Толстого. В начале 1910 года в разговорах о пьесах Чехова в ответ на сообщение П.Д. Долгорукова, что на сцене Московского Художественного театра они производят большее впечатление, чем «Анатэма» и другие пьесы Андреева, Толстой сказал: «Если в противовес андреевским драмам, тогда это очень хорошо» («Яснополянские записки» Д.П. Маковицкого).

В это же время читаются вслух пародии на Андреева в книге А.А. Измайлова «Кривое зеркало» (1910).

И вот, наконец, Леонид Андреев приехал в Ясную Поляну (21-22 апреля 1910 года). Разговоры о писателях. Упоминаются: М. Горький, Ф. Сологуб, К. Чуковский. В связи с рассказами Андреева – о статьях Чуковского о кинематографе. Толстой советует ему взяться «за сочинение пьес для кинематографа». Расспрашивает Андреева о его пьесе «Анатэма» и выражает желание прочесть её. В дневнике запись об Андрееве: «Мало интересен, но приятное, доброе обращение. Мало серьёзен»; «Нет серьёзного отношения к жизни, а между тем поверхностно касается этих вопросов» [38].

В этом же разговоре с Андреевым Толстой высказал желание писать для кинематографа: «непременно буду». О том же Толстой думал «всю ночь» – «ведь это понятно огромным массам, притом всех народов» (по воспоминаниям В.Ф. Булгакова).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мы закончили аналитический обзор творческих связей и параллелей Толстого и русских писателей XVIII – XIX – рубежа XIX – XX веков.

Нам предстоит продолжить эти наблюдения по творческим связям и параллелям Толстого и зарубежных писателей. Подведём предварительные итоги нашего исследования.

Тесно связанный со всей историей русской художественной мысли, Толстой стал прямым учителем литературного мастерства, и популярность и влияние его на русскую и зарубежную (западную и восточную) литературу возрастали, особенно начиная с 1880-х годов, со стремительной силой.

Влияние Толстого проявляется в своеобразных формах и сказывается на отдельных художниках в полном соответствии с их индивидуальными чертами.

Писатели по-разному воспринимали литературные и философские стороны творчества Толстого: о д н и х вдохновлял его пафос реалистического изображения жизни (Чехов, Куприн, Бунин, молодой Андреев, А.Н. Толстой, Сергеев-Ценский и др.; в советскую эпоху – Фадеев, Шолохов, Якуб Колас, Горецкий, Кузьма Чорный, Ауэзов и др.; за рубежом – Мопассан, Золя, Роллан, Т. Гарди, Голсуорси, Шоу, Т. Манн, Г. Манн, Фейхтвангер, Драйзер, Прус, Ирасек, Пуйманова, Вазов и др.); для д р у г и х были существенны пассивистские черты его мировоззрения (Лесков, Эртель, поздний Андреев и др.; за рубежом – Роллан как автор драм веры и таких романов, как «Клерамбо», Прем Чанд и др.).

Не следует забывать, что и творчество Л.Н. Толстого, в свою очередь, испытало на себе влияние некоторых идей и художественных приёмов предшествующей русской и зарубежной литературы.

В научно-исследовательской литературе довольно широко освещён вопрос о влиянии на Толстого великих русских писателей первой четверти XIX века, о его творческих взаимоотношениях с наиболее выдающимися современниками, о той роли, которую он сыграл в литературной деятельности писателей более поздних поколений (рубеж XIX – XX веков, XX и XXI веков).

Проблема «Лев Толстой в контексте русской и мировой литературы» сохраняет всю силу актуальности и поныне. Толстой шире и глубже, чем кто бы то ни был, раскрыл основной конфликт эпохи XIX века в России – социальное противоречие между помещиками и крестьянами, – в конце концов став на сторону крестьян, «зеркально» отразив это противостояние многих веков. Т р а г и ч е с к о е в творчестве и личной биографии Толстого – это погружение его и его героев именно в этот эпохальный конфликт, э п и ч е с к о е же коренится в поисках пути преодоления конфликта. Конечно, т о и д р у г о е содержится в творчестве ка-

ждого крупного русского писателя XIX столетия. Но Толстой психологически был ближе каждого из них одновременно и к помещику, и к крестьянину, он хотел добиться сближения их к а к л ю д е й, считая, однако, что правильно судить об этом может лишь крестьянин. Вот где источник той «чистоты нравственного чувства», о которой писал Н.Г. Чернышевский в рецензии-статье по поводу первых произведений Л.Н. Толстого. Нельзя сказать, чтоб этого совершенно не было в русской литературе до Толстого, – однако никто из его предшественников не подходил к этому вопросу так, как подошёл к нему Толстой. Отсюда – и ни с чем не сравнимая сила проникновения его в душу человека, умение изобразить самый процесс душевной и духовной жизни, – то, что Чернышевский называл «диалектикой души».

* * *

Изучая жизнь и творчество Толстого в его связях с русской литературой, прежде всего и следует подойти к решению этой задачи с точки зрения того, ч т о вошло от его предшественников и современников в его художественный метод и стиль, в самый пафос его произведений, а с другой стороны, – ч е м обязаны ему его современники и писатели более поздних поколений.

С **Карамзиным Толстого** едва ли когда-нибудь сопоставляли. А между тем у Карамзина появляется дворянин, так или иначе сознающий свою вину перед простыми людьми и в какой-то мере стремящийся искупить её («Бедная Лиза»).

О толстовских высказываниях о **Пушкине** и о пушкинском элементе в творчестве **Толстого** написано очень много. Но тема эта никогда не устареет. Пушкин первым раскрыл конфликты русской жизни как трагические по своему содержанию (например, судьба Онегина и Татьяны). Он верил в разрешение этих конфликтов, веря в жизнь и человека, однако не показал конкретных исканий выхода из трагической ситуации (тот же Онегин). Толстой завершал путь развития русской литературы XIX века, он был свидетелем первой русской революции 1905-1907 годов. Сущность героя Толстого – именно в исканиях выхода из трагической ситуации, так глубоко им осознанной. В этом плане может быть поставлена общая тема «Реализм Толстого и реализм Пушкина». Здесь может быть очень много тем: о психологическом анализе у Пушкина и Толстого, о духовном облике главного героя, о родственности сюжетов двух писателей, о разработке исторической темы Пушкиным и Толстым и т.д.

Гоголь интересовал **Толстого** своим нравственным и патриотическим пафосом, идеей союза помещика и крестьянина, задушевностью своего творчества, остротой художественной формы. «Роман русского помещика» закономерно сопоставить со вторым томом «Мёртвых душ».

Специальный интерес представляют неоднократные обращения Толстого к гоголевским «Выбранным местам из переписки с друзьями».

На тему **«Толстой и Лермонтов»** написано довольно много. Ещё Чернышевский увидел точки соприкосновения в их мастерстве психологического анализа. Это пронизательное замечание Чернышевского требует широкого обоснования. Герои романа Лермонтова «Герой нашего времени» преимущественно заняты анализом самих себя и в этом смысле являются предшественниками героев Толстого. Следовательно, надо выяснять сходство и различие между героями одного и другого писателей. Это – большая тема. Вопрос о сходстве и различии в их мастерстве психоанализа – другая тема. Может быть выделен в качестве особой темы – «внутренний монолог» у Лермонтова и Толстого. Чрезвычайно интересно проследить, как в творчестве Лермонтова и Толстого развивается идея патриотизма и народности («Бородино» Лермонтова и «Война и мир» Толстого).

Тема **«Толстой и Герцен»** – на начальном этапе изучения. Герцен был одной из самых важных проблем для Толстого. И не только как политический изгнанник. В Герцене Толстой видел лучшего представителя дворянской свободолобивой мысли. Толстой внимательно следил за деятельностью Герцена, читал и перечитывал его сочинения (с особым интересом – художественные произведения), восхищался глубиной их мысли, блеском формы, искренностью. Герцен был очень высокого мнения о таланте Толстого, предлагал ему сотрудничество в «Колоколе». Очень интересны отзывы Толстого о личности Герцена. К нему Толстой обращался за советами во время работы над романом о декабристах («увертюра» к «Войне и миру»). Толстой и Герцен во многом сошлись в оценке крестьянской реформы «сверху» 1861 года (Толстой в письме к Герцену дал изумительно краткую и точную характеристику этого акта: «Мужики ни слова не поймут, а мы (т.е. передовая интеллигенция. – А.Н.) ни слову не поверим»). В то же время их многое разделяло, в частности, – революционно-демократический пафос Герцена – и этический панморализм Толстого. Эту тему можно повернуть и в плане сопоставления их художественного творчества. Очень интересно было бы изучить соотношение человека и истории у того и другого, духовный облик их героев.

Личные отношения **Толстого и Тургенева**, продолжавшиеся около тридцати лет, с перерывом в шестнадцать лет, представляют собою одну из самых замечательных страниц в истории русской культуры. Тургенев одним из первых приветствовал появление Толстого на литературной сцене. Будучи на десять лет старше Толстого и заняв к этому времени виднейшее положение в русской литературе, Тургенев хотел взять на себя роль его наставника. Возможно, он вспоминал при этом об отношении Пушкина к Гоголю. Да и Толстой как будто шёл навстречу этому наме-

рению Тургенева: приехав из Севастополя в Петербург в ноябре 1855 года, он остановился у него, и они вместе жили некоторое время. Дружеские отношения между ними возобновлялись и потом не раз, в частности – во время первой поездки Толстого за границу (1857 год). Тем не менее они не стали близкими людьми. Впрочем, с другими видными литераторами того времени Толстой так же не ладил. Отношения Толстого с Тургеневым постепенно делались натянутыми, переходили во враждебные. В 1861 году произошла крупная ссора. Было бы неправильно объяснять это толстовской неуживчивостью. Хотя Тургенев был старше Толстого всего на десять лет, но это были люди разных поколений, они расходились во взглядах на коренные вопросы развития русской жизни и литературы, в особенности же на обязанности человека и писателя. Так, например, Тургенев считал, что обязанность писателя – заниматься лишь одной литературой. Толстой же, будучи писателем по призванию, хотел прежде всего заняться практической деятельностью. Спор по этому вопросу, в частности, занимает большое место в их переписке. Толстой всегда резко восставал против превращения гуманизма в филантропию. Задача и заключается в том, чтобы личные отношения Толстого с Тургеневым рассмотреть в аспекте тех процессов, которые происходили в это время в русской жизни и в литературе, памятуя, что на Тургеневе лежит отпечаток 40-х годов, а на Толстом – годов 60-х.

Сопоставление творческих принципов Толстого и Тургенева – дело обычное в нашем литературоведении. Здесь накоплен большой материал наблюдений и соображений. Важно учитывать, что, во-первых, Тургенев и Толстой по-разному смотрят на литературную деятельность (для Тургенева – это профессия, для Толстого – следствие и предпосылка практической деятельности); во-вторых, они столь же различно подходят к изображению человеческой личности (Тургенев избирает героем человека, который уже или исчерпал или исчерпывает свои возможности, герой Толстого же – человек неисчерпаемых возможностей). Общая тема сопоставления творчества Толстого и Тургенева разрешается во многих направлениях: «Характерология у Толстого и у Тургенева», «Мастерство психологизма у Толстого и у Тургенева», «Роман Толстого и роман Тургенева как эпический жанр», «Язык Тургенева и язык Толстого», «Драматизм в сюжете толстовского и тургеневского романов», «Пейзаж у Тургенева и у Толстого», «Героиня толстовского и тургеневского романа» и т.д.

Очень интересны и сложны взаимоотношения **Толстого и Чернышевского**. Здесь даже анализ взаимных оценок мог бы оказаться в высшей степени поучительным. Не менее интересным было бы разобраться в соотношении героя Толстого, всегда решающего свой личный вопрос, и героя Чернышевского, стоящего на точке зрения так называемого «разумного эгоизма».

Что касается **Гончарова, Некрасова и Салтыкова-Щедрина**, то для изучения соотношения их творчества с творчеством **Толстого**, можно сказать, почти ничего не сделано. А между тем Толстой был с каждым из них в переписке, высказывался о них, как и они о нём. В более широком плане возможно сравнительное изучение романов Толстого и Гончарова (например, вопрос о их эпичности и различии этой эпичности), изучение общности и различия в освещении народной жизни у Толстого и Некрасова (например, в «Анне Карениной» и в поэме «Кому на Руси жить хорошо»), изучение точек соприкосновения между «народными рассказами» Толстого и сказками Салтыкова-Щедрина.

К стихам **Тютчева** Толстой обращался очень часто. Философская лирика этого поэта привлекала внимание **Толстого** ощущением трагичности и величия мира («Весна», «Затею этого рассказа...», «Над этой тёмною толпой...»). Как доказано в исследовательской литературе (Э.Г. Бабаев и др.) Толстой в «Анне Карениной» творчески использовал некоторые мотивы и образы тютчевских стихов. Но эта тема нуждается в дальнейшей разработке.

Толстой и Достоевский – глубочайшие реалисты-психологи. Психологизм Толстого обусловлен прежде всего задачей показать движение человеческой личности через кризисы и преодоления их – к своему совершенству, к совершенствованию себя каждый день и каждый час. Психологизм у Достоевского имеет совершенно другую цель: показать, с одной стороны, как необходима человеку самостоятельность его индивидуальности, а с другой – как опасна бесконтрольная самостоятельность личности, не могущей найти для себя авторитета. Исследование их психологизма – одна из важнейших задач нашего литературоведения. Изучение этой проблемы надо начинать с выяснения о б щ е г о п а ф о с а того и другого писателя, общей проблематики их творчества. В этом смысле исключительное значение приобретает вопрос о духовном облике и направлении духовных исканий их героев. Отсюда ход к таким темам, как психологизм Толстого и Достоевского, драматизм ситуаций в произведениях того и другого и т.д. Очень важны такие темы, как «Толстой о Достоевском» и «Достоевский о Толстом». Самое общее первоначальное в исследовании всех этих проблем представляется в таком виде: герой Толстого, будучи дворянином, чувствует, а потом и сознаёт свою вину перед всеми людьми, и он, выработав определённые нравственные понятия, стремится стать совершенным и соединиться с ними; герой Достоевского же сам обижен жизнью, и потому, возмущаясь её несправедливостями, сталкивается с идеями её переустройства, связывает с ними своё поведение, но в силу своей индивидуалистической природы, приходит к выводу, что они губят в нём самые лучшие человеческие качества.

Лесков боготворил **Толстого**, хотя воспринимал в нём не самые сильные стороны. Они соприкасались преимущественно на почве разработки религиозно-нравственных тем.

Сопоставление **Толстого** с **Глебом Успенским** интересно прежде всего в плане изображения тем и другим писателем русской пореформенной деревни и психологии крестьянина этого времени.

Тема «**Толстой** и **Чехов**» имеет уже большую традицию. Однако, как правило, она понимается довольно узко: усвоение и преодоление Чеховым некоторых идей толстовства. В действительности же Чехов является преемником и продолжателем толстовского реализма. Чеховский герой не похож на толстовского, и однако между ними есть внутреннее родство. Но тогда как герой Толстого стремится осуществить до конца высокое человеческое назначение, герою Чехова достаточно было бы почувствовать, что он вышел на путь свободной человеческой жизни. Поэтому толстовский герой – всё-таки исключительная личность, он неустанно вырабатывает философско-нравственную программу, которая определила бы всё его поведение; чеховский же герой – обыкновенный, рядовой человек, не принимающий на себя никаких обязательств и не вырабатывающий для себя какой-либо философской системы. Главная задача – выявить продолжение и развитие традиций толстовского элемента в творчестве Чехова. Тут вопрос и об общем облике толстовского и чеховского героя, и об отношении их к людям и к жизни, и о психоанализе у Толстого и Чехова, и о природе драматизма, и т.д.

Очень многим обязан **Толстому** **Гаршин**, который творчески использовал писательский опыт Толстого в изображении человека на войне.

Короленко написал превосходные статьи о **Толстом**, первая из которых появилась в юбилейном 1908 году на месяц ранее знаменитой статьи В.И. Ленина «Лев Толстой как зеркало русской революции». Статьи Короленко должны стать предметом более глубокого анализа, чем это делалось до сих пор; в произведениях этого «последнего из могикан» русской литературы XIX века есть мотивы и образы, полемические по отношению к некоторым образам и мотивам Толстого.

Вообще ни один из русских писателей, начавших свою деятельность в конце XIX – начале XX века, не прошёл мимо Толстого. С этой точки зрения представляют интерес высказывания о Толстом **Булнина**, **Куприна**, **Вересаева**, **Андреева**, мнения Толстого о них, а также отзвук толстовских традиций в творчестве этих замечательных писателей.

* * *

*

Социально-психологический реализм русских классиков XIX века является прямым предшественником реализма XX века, связанного с

эстетикой «социалистического реализма». Среди великих русских писателей Толстому, в этом смысле, принадлежит особо важная роль, ибо он был «шагом вперёд в художественном развитии всего человечества» (В.И. Ленин). Выработывая вместе с другими русскими писателями XX века метод «социалистического реализма», **Горький** непосредственно соприкасался с **продолжающейся** литературной деятельностью Толстого, которого он воспринимал как итог исканий и решений, принятых русской литературой за весь XIX век. Как художнику другой эпохи, Горькому часто приходилось выступать с критикой Толстого. Но при этом Горький всегда признавал преемственность литературы «социалистического реализма» с литературой социально-психологического реализма XIX века. Толстой оказал огромное влияние на всю советскую прозу – в первую очередь, на прозу Фадеева, Шолохова, Федина, отчасти на Леонова. Школу Толстого прошли многие советские писатели (не только русские), работающие в жанре исторического романа, пишущие о войне. Толстой – один из главных учителей советских писателей в отношении мастерства психоанализа.

Толстой близок советской литературе бесстрашным стремлением дойти «до корня», искренностью, связанной с этим стремлением; близостью его мышления к народным формам сознания; отражением в его творчестве вековой народной мечты о перестройке всей жизни до основания в интересах человека, народа, всего человечества; тем, что всё его творчество проникнуто уважением и любовью к человеку труда, ко всему простому и естественному и в то же время – ненавистью к противоположным качествам.

На тему «**Толстой и Горький**» написано множество статей. Однако они сводят дело к обзору высказываний в смысле выяснения значения традиций Толстого для формирования «социалистического реализма». Очень мало сделано в плане сравнительного изучения художественных систем Толстого и Горького (построение характеров, психологизм, сюжетно-композиционные принципы).

А.А. Фадеев, как известно, сам заявлял о том, какое большое значение для него имел опыт Толстого. Этот вопрос детально изучался в специальной литературе. Некоторые исследователи представляли Фадеева – автора романа (повести) «Разгром» как подражателя Толстому. Другая крайность – что «Разгром» есть сплошное преодоление Толстого. Третья точка зрения утверждает полное отсутствие толстовских традиций в «Разгроме». Наконец, в последние десятилетия ушедшего века высказывалось такое мнение: Фадеев учился у Толстого правдивому изображению жизни, мастерству психологического анализа. Это бесспорно, но слишком общо. Фадеев изображал жизнь преимущественно с той позиции, насколько она приближалась к социалистическому идеалу. В этом плане он и анализировал психологию своих лучших героев. И тут ему на

помощь приходит Толстой с его гигантским опытом изображения человека, стремящегося переделать свой внутренний мир в соответствии с идеалом, который сам всё время меняется.

Традиции **Толстого** в творчестве **М.А. Шолохова** представляется наиболее целесообразным изучать в том направлении, как оба писателя изображают борьбу за установление правды в человеческих отношениях.

К.А. Федин в своих романах «Первые радости», «Необыкновенное лето», «Костёр» непосредственно обращается к образу Толстого, отстаивая с позиций его эстетики реализм в искусстве. Федин не раз выступал и с прямыми суждениями о Толстом. Поэтому интересно выяснить, в каком соотношении с этими его суждениями находятся его художественные принципы.

Л.М. Леонов в 1960 году на Международном симпозиуме в Венеции, посвящённом 50-летию со дня смерти **Толстого** выступил с глубоким по содержанию и блестящим по научно-беллетристической форме «Словом о Толстом», где, в частности, обратил внимание мировой общественности на почти к тому времени не изученные «народные рассказы» Толстого 80-90-х годов, назвав их по глубочайшей морально-нравственной идейности и простому до аскетизма, словесно прозрачному стилю – «глотком свежей воды в жаркий день»...

* *
*

Заканчивая наш обзор творческих и личных взаимоотношений Толстого с современниками, мы наблюдаем его удивительно корректный подход к оценке того или иного писателя.

В этом подходе гармонично сочетаются субъективно-личностная и объективно-бесстрастная сторона оценок «литературного поведения» своих собратьев по перу. Лев Николаевич искренен и в том, и в другом, как искренен он и в своих убеждениях, и в своих заблуждениях по жизни и по литературе.

И ещё одна черта участия Л.Н. Толстого в русском литературном процессе (так можно сказать, учитывая толстовское рачительно-беспокойное слежение за судьбами разных писателей!) – это удивительная отзывчивость на малейший талант или даже способность молодого литератора, отзывчивость, почти всегда выливавшаяся в ощутимую конкретную помощь начинающему творцу.

Благосклонны те дни и часы, которые великий писатель, мыслитель и учитель дарил людям, помеченным божьим даром!

Следующие части нашего пособия будут посвящены теме «Толстой и зарубежная литература».

ПРИМЕЧАНИЯ

К Главе III

1. «Угадать» литературные примеры на каждый тип толстовской характеристики оказалось совсем не трудно, что свидетельствует прежде всего о прекрасной литературной осведомлённости Толстого. Примеры в скобках к данной цитате Толстого – наши.
2. В конце 1880-х годов Толстой, перечитывая стихотворения Тютчева, пометил это стихотворение буквами: «Т.» (это означало, что только Тютчев мог написать такое стихотворение) и «Г.» (глубина). – См.: *Н.Н. Гусев*. Лев Николаевич Толстой: Материалы к биографии с 1855 по 1869 год. – Изд-во АН СССР. – М., 1957. – С. 272.
3. Таким образом, обращение Толстого к стихотворению Тютчева «Silentium» зафиксировано дважды: в 1886 году, во время беседы с чёткой Чертковых, и в 1910 году, на закате жизни.
4. «Дворниками» в эпоху крепостного права назывались вольноотпущенные крестьяне, не состоявшие в крестьянской общине.
5. Такое убедительное, на наш взгляд, объяснение этого противоречия Толстого между его сокровенным отношением к художественному творчеству и высказываниями по данному поводу в общении с современниками даёт *Н.Н. Гусев* в кн.: «Лев Николаевич Толстой: Материалы к биографии с 1855 по 1869 год». – Изд-во АН СССР. – М., 1957. – С. 387-388.
6. Своё сочувствие типу Левина Фет в письме к Толстому от 3 мая 1876 года выразил в следующих словах: «Для меня главный смысл в “Карениной” – нравственно свободная высота Левина».
7. Данный комментарий письменной «беседы» Толстого и Фета по поводу происходящей в конце 70-х – начале 80-х годов «работы души» Толстого, решившего искать истину человеческого бытия с помощью своих религиозно-нравственных представлений дан *Н.Н. Гусевым* в его кн.: «Лев Николаевич Толстой: Материалы к биографии с 1870 по 1881 год». – М.: Изд-во Академии Наук СССР. – 1963. – С. 571-573.
8. См. об этом в нашей кн.: «Лев Толстой и русская литература: Пособие к историко-литературному спецкурсу «Творчество Л.Н. Толстого в контексте русской и мировой литературы». – Ч.1. – Витебск: Изд-во Витебского госуниверситета им. П.М. Машерова, 2001. – С. 10-20 и 64.
9. Не только Л.Н. Толстому, но многим при обращении к поэзии А.К. Толстого прежде всего бросались в глаза её внешний блеск, эффектность и театральность. Именно об этих качествах беспощадно отзывался А.П. Чехов: «Вот, по-моему, актёр! Как надел в молодости оперный костюм, так на всю жизнь и остался». Конечно, здесь угаданы наиболее слабые стороны творчества А.К. Толстого...

10. Здесь наличие столь часто встречающейся в воспоминаниях Толстого о своей прошлой жизни хронологической неточности: во время появления в печати «Антон Горемыки» ему было не 16, а уже 19 лет.
11. Анализ первой редакции романа «декабристы» нами заимствован из кн.: «Лев Николаевич Толстой: Материалы к биографии с 1855 по 1869 год. – Изд-во АН СССР. – М., 1957. – С. 385-386.
12. Эта фраза о Багратионе и Кутузове, слишком напоминающая суждение Тургенева, вероятно, приписана Салтыкову по ошибке. – См. примечание №5. – С. 860.

К Главе IV

13. По состоянию на 1970 год (см.: *Н.Н. Гусев*. Лев Николаевич Толстой: Материалы к биографии с 1881 по 1885 год. – Изд-во АН СССР. – М., 1970. – С. 66).
14. Лесков разумел, вероятно, вышедшую в 1869 году третью часть книги Н. Соловьёва «Искусство и жизнь», где в числе недостатков «Войны и мира» указано «устранение народа из общего плана картины».
15. По поводу статьи Михайловского Лесков напечатал 20 января 1892 года заметку в «С.-Петербургской газете», где объяснял обстоятельства появления письма Толстого и указывал, что оно напечатано «не в целом виде, а с очень значительными и весьма существенными исключениями важных мест и мыслей», которые сделаны «произвольно и бесправно или редактором “Новостей”, или тем лицом, которое сочло себя вправе доставить список с письма в “Новости”».
16. Рассказ «Кто прав?». Вероятно, в связи с этим рассказом находится прекрасная художественная зарисовка, внесённая 11 августа 1893 года в записную книжку и 16 августа в дневник: «Утро. Голубая дымка, роса как пришта на траве...».
17. Тогда это была устойчивая мысль. В дневнике 18 июля записано: «Форма романа не только не вечна, но она проходит. Совестно писать неправду, что было то, чего не было. Если хочешь что сказать, скажи прямо».
18. Данный анализ даётся в кн.: *Н.Н. Гусев*. Лев Николаевич Толстой: Материалы к биографии с 1870 по 1881 год. – Изд-во АН СССР. – М., 1963. – С. 89.
19. *Л.Н. Толстой*. Полн. собр. соч.: В 90 т. – Т.85. – С. 241-242.
20. Как это любил и умел делать писатель, философ и проповедник Л.Н. Толстой.
21. «Вогулы» – название народности «манси».
22. См.: *Мелкова А.С.* «Тип старика, который у меня предвосхитил Чехов». – Чехов и Лев Толстой. – М., 1980.
23. Наша точка зрения по данной проблеме изложена в статье: *Нестеренко А.А.* Об авторской позиции в финалах романов «Анна Каренина» и «Воскресение» // Филологический сб.: Вып. VIII – IX – Алма-Ата: Казахский госуниверситет им. С.М. Кирова, 1970. – С. 28-57.

24. См. об этом: *Мелкова А.С.* Литературная полемика середины 1880-х годов и «толстовские» рассказы Чехова // Чехов и его время. – М., 1977.
25. Надо думать, что упоминание В.Г. Короленко об «анафеме, звучащей... и т.д.» – не более чем поэтическая фигура, потому что определением Синода Толстой не предавался анафеме, а лишь был отлучён от церкви (менее тяжкое наказание за еретичество).
26. См.: *Н.Н. Гусев.* Лев Николаевич Толстой: Материалы к биографии с 1870 по 1881 год. – Изд-во АН СССР. – М., 1963. – С. 582.
27. Принц П.А. Ольденбургский в письме Л.Н. Толстому от 26 мая 1901г. уведомил его о том, что Горький переведён из тюрьмы под домашний арест.
28. Напомним, что в этих отзывах повесть «Фома Гордеев» оценена Толстым отрицательно, а рассказ «Ярмарка в Голтве» удостоился похвалы.
29. Воспоминания Вересаева о его посещении Толстого составляют главу «Лев Толстой» в его «Воспоминаниях» (Гослитиздат, 1946).
30. Возможно, что Толстой в этом случае читал «Записки врача» Вересаева, рекомендованные ему дочерью Т.Л. Сухотиной.
31. В эпистолярном наследии Толстого писем к Бунину всего два. Второе – 1894 года, после личного знакомства в московском доме. Встреч было немногим больше.
32. 12 марта 1895 года в дневнике Толстого запись: «За это время вышел «Хозяин и работник», и слышу со всех сторон похвалы, а мне не нравится. И несмотря на то, чувство мелкого тщеславного удовлетворения». Потом 27 марта: «Рассказ плохой. И мне хотелось бы написать на него анонимную критику, если бы был досуг и это не было бы заботой о том, что не стоит того». Видимо, требования к художественному творчеству всё повышались – к собственному прежде всего; поиски новых путей искусства занимали всё больше – и в мыслях, и в делах.
33. См. воспоминания А.И. Куприна «О том, как я видел Толстого на пароходе “Св. Николай”».
34. Речь шла о т. I Сочинений А.И. Куприна, СПб., 1903.
35. Сведения взяты из «Ежегодника» С.А. Толстой, которая не указала название купринского рассказа.
36. «Правдивость» и «простоту» содержания произведений самого Л.Н. Толстого ещё в начале его творческого пути отметили Н.А. Некрасов и Н.Г. Чернышевский.
37. Пометы Толстого на книгах Л. Андреева опубликованы в кн. «Библиотека Л.Н. Толстого в Ясной Поляне» - I, ч.1 – М., 1958. – С. 17-23.
38. О посещении Ясной Поляны Л. Андреев написал воспоминания: «За полгода до смерти» («Солнце России», 1911, ноябрь, №53(93), с.2-3).

БИБЛИОГРАФИЯ

Автобиографические, биографические и мемуарные источники, касающиеся литературных и эстетических взглядов и оценок Л.Н. Толстого, использованные в данном пособии

I.

Л.Н.Толстой. Пол. собр. соч. (Юбилейное). – В 90 т. – М.: 1928-1958: серия II – «Дневники». – Т.47-59: 1951-1954; серия III – «Письма». – Т.60-89: 1949-1957.

Л.Н.Толстой. Переписка с русскими писателями : В 2 т. – М.: 1978.

II.

Н.Н.Гусев. Летопись жизни и творчества Льва Николаевича Толстого: 1828-1890. – М.: ГИХЛ, 1958.

Н.Н.Гусев. Летопись жизни и творчества Льва Николаевича Толстого: 1891-1910. – М.: ГИХЛ, 1960.

Н.Н.Гусев. Лев Николаевич Толстой: Материалы к биографии. – Кн.1 (1828 – 1855). – М.: Наука, 1954.

Н.Н.Гусев. Лев Николаевич Толстой: Материалы к биографии. – Кн.2 (1855 – 1869). – М.: Наука, 1957.

Н.Н.Гусев. Лев Николаевич Толстой: Материалы к биографии. – Кн.3 (1870 – 1881). – М.: Наука, 1963.

Н.Н.Гусев. Лев Николаевич Толстой: Материалы к биографии. – Кн.4 (1881 – 1885). – М.: Наука, 1970.

Л. Д. Опульская. Лев Николаевич Толстой: Материалы к биографии. – Кн.5 (1886 – 1892). – М.: Наука, 1979.

Л. Д. Опульская. Лев Николаевич Толстой: Материалы к биографии. – Кн. 6 (1892-1899). Издание не завершено. – М., 1998.

III.

Д. П. Маковицкий. Яснополянские записки. – В 4т. – М.: Наука, 1979.

IV.

В. Ф. Булгаков. Лев Толстой в последний год его жизни. – М.: 1989.

А. Б. Гольденвейзер. Вблизи Толстого. – М.: 1959.

Н.Н.Гусев. Два года с Л. Н. Толстым. – М.: 1973.

А. Ф. Кони. Воспоминания о писателях. – М.: 1989.

Т. А. Кузьминская. Моя жизнь дома и в Ясной Поляне. – М.: 1986 и Киев: 1987.

А. П. Сергеенко. Рассказы о Л. Н. Толстом: Из воспоминаний П. А. Сергеенко. – М.: 1978.

Т. Н. Сухотина-Толстая. Воспоминания. – М.: 1981.

Л.Н.Толстой в воспоминаниях современников : В 2т. – М.: 1960 и 1978.

А. А. Фет. Воспоминания. – В 3т. – М.: 1992.

ЛИТЕРАТУРА

ТОЛСТОЙ и ОСТРОВСКИЙ

Апостолов Н.Н. Л. Толстой и А.Н. Островский / Апостолов Н.Н. Лев Толстой и его спутники. – М., 1928. – С. 78-90.

Неизвестные письма к А.Н. Островскому: Из архива А.Н. Островского по материалам Театр. музея им. А.А. Бахрушина. – М. – Л.: «Academia», 1932. – 743 с.: *Л.Н.Толстого* (3 письма): 1857-1886.

ТОЛСТОЙ и ТЮТЧЕВ

Толстой С.Л. Л.Н. Толстой о поэзии Ф.И. Тютчева/ Толстовский ежегодник. – М., 1912. – С. 143-148.

Апостолов Н.Н. А.А. Фет и Ф.И. Тютчев в оценке Л.Н. Толстого / Апостолов Н.Н. Лев Толстой и его спутники. – М., 1928. – С. 156-170.

Благой Д.Д. Читатель Тютчева – Лев Толстой / Урания: Тютчевский альманах. – Л.: Прибой, 1928. – С. 269-285.

Чулков Г. Летопись жизни и творчества Ф.И. Тютчева. – М. – Л.: «Academia», 1933. – С. 33, 112, 220. (Толстой о стихотворении Тютчева «Silentium». Даты встреч с Толстым).

Пигарёв К.В. Ф.И. Тютчев /Тютчев Ф.И. Стихотворения. Письма. – М.: Гослитиздат, 1957. С. 3, 15, 17, 26, 31.

Эйхенбаум Б.М. «Анна Каренина» / Эйхенбаум Б.М. Лев Толстой: Семидесятые годы. – Л., 1974.

ТОЛСТОЙ и ФЕТ

Гусев Н.Н. Неизданные письма Л.Н. Толстого к А.А. Фету // Печать и революция, 1927, №6. – С. 53-65.

Апостолов Н.Н. А.А. Фет и Ф.И. Тютчев в оценке Л.Н. Толстого /Апостолов Н.Н. Лев Толстой и его спутники. – М., 1928. – С. 162-170.

Толстой С.Л. А.А. Фет (Шеншин) / Толстой С.Л. Очерки былого. – М.: Гослитиздат, 1949. – С. 343-349.

ТОЛСТОЙ и САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН

Л.Н. Толстой. Переписка с русскими писателями. – М.: Гослитиздат, 1962. – С. 471-480. (Переписка Толстого с Салтыковым-Щедриным: 1878-1885).

Салтыков-Щедрин М.Е. Письма: 1845 – 1889. – Л.: Гиз, 1924. (О Толстом см. по указателю имён).

Апостолов Н.Н. Л. Толстой и М.Е. Щедрин / Апостолов Н.Н. Лев Толстой и его спутники. – М., 1928. – С. 209-214.

Евгеньев-Максимов В. Салтыков-Щедрин и реакционная беллетристика 60-х годов // Звезда, 1929, №11. – С. 201-203.

Чистякова М. Толстой и Салтыков-Щедрин // Лит. наследство, 1934. – Т. 13-14. С. 509-518.

Федорук Е.М. Язык двух сказок «О дураке» у Толстого и Салтыкова-Щедрина // Русский язык в школе, 1938, №5-6. – С. 93-103.

Макашин С. Щедрин об «Исповеди» Толстого: Два неизданных письма // Огонёк, 1951, №5. – С. 23-24.

Кирпотин В. Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин: Жизнь и творчество. – М.: Советский писатель, 1955. – С. 476-478, 505-506, 690-691.

Трофимов И.Т. М.Е. Салтыков-Щедрин о реализме русской литературы: Пособие для учителя. – М.: Учпедгиз, 1955. – С. 77-80.

Покусаев Е.И. «Господа ташкентцы» Салтыкова-Щедрина / Труды отдела новой русской литературы Ин-та русской литературы АН СССР (Пушкинский дом). – Т.1. – М. – Л., 1957. – С. 222-223, 230, 232-234.

Андреева Е.П. Своеобразие сатиры Л. Толстого в сравнении с сатирой Салтыкова-Щедрина // Труды Воронежского ун-та, 1958. – Т. 1, вып. 2. – С. 3-32.

Жук А. Сатирический роман М.Е. Салтыкова-Щедрина «Современная идиллия». – Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1958. – С. 12-15, 17, 18, 60-61, 93.

Плоткин Л.А. Заметки о русской сатире XIX века / Плоткин Л.А. Литературные очерки и статьи. – Л.: Советский писатель, 1956. – С. 251-257.

Трофимов И.Т. К вопросу о взаимоотношениях Л.Н. Толстого и М.Е. Салтыкова-Щедрина // Уч. зап. Моск. пед. ин-та, 1959. – Т. XCIV, вып.8. – С. 327-358.

Трофимов И.Т. Толстой и Салтыков-Щедрин / Яснополянский сб. Год 1960. – Тула: Кн. изд-во, 1960. – С. 91-106.

ТОЛСТОЙ и ЛЕСКОВ

Л.Н. Толстой. Переписка с русскими писателями. – М.: Гослитиздат, 1962. – С. 511-608. (Переписка Толстого с Н.С. Лесковым: 1887-1894).

Лесков Н.С. О юбилее Толстого // Огонёк, 1956, №9. – С. 16. (Неопубликованная статья 1895 г.).

Лесков Н.С. Собрание сочинений. – Т. 10-11. – М.: Гослитиздат, 1958. Т.10. – С. 97-150: «Герои отечественной войны по гр. Л.Н. Толстому («Война и мир». Соч. гр. Л.Н. Толстого, т. 5, 1869 г.)».

Т.11. – С. 100-103, 108-112, 132-156, 195-202, 245-246. – Откуда заимствован сюжет пьесы гр. Л.Н. Толстого «Первый винокур».

– О куфельном мужике и проч. Заметки по поводу некоторых отзывов о гр. Л. Толстом. – Лучший богомолец (краткая повесть по Прокопу с предисловием и послесловием о тенденциях гр. Л. Толстого. – О хождении читателя по Ясной Поляне.

– «Девочка или мальчик?» (Десятый грех недовольного читателя).

– Курская трель о Толстом (письмо в редакцию).

Письма к Толстому и о Толстом – см. именной указатель.

Сергеенко П.А. Толстой и Н. Лесков / Сергеенко П.А. Толстой и его современники: Очерки. – М.: 1911. – С. 215-222.

Апостолов Н.Н. Л.Н. Толстой и Н.С. Лесков / Апостолов Н.Н. Лев Толстой и его спутники. – М., 1928. – С. 218-225.

Гудзий Н. Толстой и Лесков// Искусство, 1928. – Т. 4, кн. 1-2. – С. 95-128.

Толстовские материалы из архива Н.С. Лескова / Л.Н. Толстой: Юбилейный сб. – М. – Л.: ГИЗ, 1928. – С. 321-331.

Гебель В. Н.С. Лесков: В творческой лаборатории. – М.: Советский писатель, 1945. – С. 19-20, 47-48, 58-59, 62, 87-88, 90, 92-93, 111, 169, 194, 195.

Гроссман Л.П. Лесков: Жизнь. – Творчество. – Поэтика. – М.: Гослитиздат, 1945. – С. 111-114, 172, 203, 225, 256, 288.

Лесков А. Жизнь Николая Лескова по его личным, семейным и несемейным записям и памяти. – М.: Гослитиздат, 1954. – С. 286-287, 541, 594-613, 615, 616, 649, 657-658, 678.

Афонин Л. Лесков – читатель Л. Толстого // Подъём, 1960, №6. – С. 124-127.

Другов Б.М. Н.С. Лесков: Очерк творчества. – М.: Гослитиздат, 1961. – С. 108-137.

Куприяновский П.В. Л.Н. Толстой и Н.С. Лесков в журнале «Северный вестник» // Уч. зап. Ивановского пед. ин-та, 1962. – Т. 29. – С. 101-150.

ТОЛСТОЙ и Глеб УСПЕНСКИЙ

Г.И. Успенский. Полн. собр. соч. – Т. 9, 13. – М.: Изд-во АН СССР, 1949-1951. – Т. 9: с. 95-97, 624-627. – Т. 13: – С. 200-203.

Чешихин-Ветринский Е.Г. Г.И. Успенский: Биографический очерк. – М.: Федерация, 1929. – С. 5-9, 12, 26, 89, 312-324.

Глеб Успенский. Материалы и исследования. – Т. 1. – М.-Л.: АН СССР, 1938. – С. 183, 184, 211-215, 241-242, 322-325, 339-340.

Пруцков Н.И. Глеб Успенский семидесятых – начала восьмидесятых годов. – Харьков: Изд-во Харьковского ун-та, 1955. – С. 7, 154, 155, 157-160, 162, 163, 167-170, 179-180.

Бялый Г.А. О некоторых особенностях реализма Глеба Успенского // Уч. зап. Ленинградского ун-та, 1957, №229, вып. 30. – С. 180-182, 185, 187, 188, 201.

Соколов Н. Мастерство Г.И. Успенского. – Л.: Советский писатель, 1958. – С. 9, 23, 35, 37, 39, 48, 128, 129, 147, 226, 236, 244.

ТОЛСТОЙ и ГАРШИН

В.М. Гаршин. Полн. собр. соч. – Т. 3: Письма. – М.-Л.: «Academia», 1934. – С. 38, 212, 228, 237, 243, 310, 353, 378, 391, 397-398, 403.

Миртов О. Война в произведениях Толстого, Гаршина и Андреева // Образование, 1905, №10. – С. 16-32.

Толстой И.Л. Гаршин / Толстой И.Л. Мои воспоминания. – М.: Мир, 1923. – С. 134-138; также в кн.: Л.Н. Толстой в воспоминаниях современников. – Т. 1. – М.: Гослитиздат, 1955.

Дурылин С. Вс. М. Гаршин: Из записок биографа // Звенья. – Т. V. – М.-Л.: «Academia», 1935. – С. 571-576, 583, 596, 600, 604, 610-646.

Беляев Н. Гаршин. – М.: Молодая гвардия, 1938. – С. 97-101, 140-150.

Антимирова В.М. Русский солдат и война в произведениях В. Гаршина // Уч. зап. Грозненского пед. ин-та, 1945. – Вып. 1. – С. 115, 118, 119, 126-128, 133, 135.

Бялый Г.А. В.М. Гаршин: Критико-биографический очерк. – М.: Гослитиздат, 1955. – С. 43, 44, 69-72, 78-81, 83-89.

ТОЛСТОЙ и ЧЕХОВ

Толстой о Чехове. Неизвестные высказывания [по материалам третьих лиц к А.П. Чехову] / Лит. насл., 1960. – Т. 68. – С. 871-875.

Струнин Д. Выдающийся литературный тип // Русское богатство, 1890, №4. – С. 106-125.

Сергеенко П. Толстой и Чехов / Сергеенко П. Толстой и его современники: Очерки. – 1911. – С. 225-239.

Елпатьевский С.Я. Горький, Чехов и Толстой (по личным воспоминаниям) // Красная новь, 1927, №9. – С. 226-237.

Апостолов Н.Н. Толстой и А.П. Чехов / Апостолов Н.Н. Лев Толстой и его спутники. – М.: 1928. – С. 171-183.

Письма А.П. Чехову его брата Александра Чехова. М.: Соцэкгиз, 1939. – С. 198, 252, 314, 318, 320, 402, 492, 530, 535.

Горнфельд А. Чеховские финалы / Красная новь, 1939, №8-9. – С. 286-301.

Горький М. Ещё раз об истории молодого человека XIX столетия / Горький М. Несобранные лит.-крит. статьи. – М.: 1941. – С. 461.

Русанов Г.А. Письмо к А.П. Чехову. 14 февраля 1895 г. / Зап. отд. рукописей Гос. б-ки СССР им. В.И. Ленина, 1941. – Вып. 8. – С. 57-59.

Эйхенбаум М. О Чехове // Звезда, 1944, №5-6. – С. 75-78.

Паперный З. А.П. Чехов. Очерк творчества. – М.: Гослитиздат, 1954. – С. 96-102.

Пузин Н.П. А.П. Чехов в Ясной Поляне / Лит. Тула. – Кн. 9. – Тула, 1954. – С. 157-162.

Белкин А.А. Чехов и идейная борьба 80-90-х годов // Научные труды Моск. заоч. полиграф. ин-та, 1955. – Вып. 3. – С. 51-58.

Гитович Н.Н. Летопись жизни и творчества А.П. Чехова. – М.: Гослитиздат, 1955. – 880 с. (О Толстом см. по указателю имён).

Громов Л.П. Толстой и А.П. Чехов в их взаимоотношениях // Уч. зап. Ростовского-на-Дону пед. ин-та, 1955. – Вып. 1. – С. 187-209.

Мейлах Б. Два решения одной темы // Нева, 1956, №9. – С. 184-188.

Новиков И.А. Человек и художник (о Чехове) / Новиков И.А. Писатель и его творчество. – М.: Сов. писатель, 1956. – С. 420-425.

Эдельштейн Б.Я. Внутренний монолог у Л.Н. Толстого и А.П. Чехова // Труды Горьковского пед. ин-та им. Н. Бараташвили, 1957. – Т. 4. – С. 355-363.

Лакишин В. Искусство психологической драмы: «Дядя Ваня» и «Живой труп» / – М.: Изд-во Московского ун-та, 1958. – 88 с.

Чернышёв В. Великие русские писатели Л.Н. Толстой и А.П. Чехов о переписи населения // Сов. Украина, 1958. – Кн. 12. – С. 177-179.

Фадеев А.А. О Чехове / Фадеев А.А. За тридцать лет: Избр. статьи, речи и письма о литературе и искусстве. – М.: Сов. писатель. – 1959. – С. 862-865.

Евнин Ф.И. Чехов и Толстой / Творчество Л.Н. Толстого: Сб. статей. – М.: Гослитиздат, 1959. – С. 388-458.

Хатиашвили Л. Структура, синтаксические особенности и стилистические функции присоединительных конструкций в языке Л.Н. Толстого и А.П. Чехова // Труды Тбилисского ун-та, 1959. – Т. 83. – С. 207-217.

Гитович Н. Письма и встречи // Москва, 1960, №12. – С. 211-213.

Лакишин В. Чехов и Лев Толстой // Новый мир, 1960, №1. – С. 223-245.

Бердников Г.П. А.П. Чехов: Идейные и творческие искания. – М. – Л.: Гослитиздат, 1961. – С. 183-227.

Попов П.С. Особенности творчества Толстого и Чехова как великих художников слова // Науч. докл. высшей шк.: Филологические науки, 1962, № 2. – С. 96-105.

ТОЛСТОЙ и КОРОЛЕНКО

Л.Н.Толстой. Переписка с русскими писателями. – М.: Гослитиздат, 1962. – С. 669-675. (Переписка Толстого с В.Г. Короленко: 1904-1910).

В.Г. Короленко. Полн. собр. соч. – Т. 24, 50. – Киев: ГИЗ Украины, 1927.

Т. 24: с. 233-268, 271-293, 300-314. Лев Николаевич Толстой. – Л.Н. Толстой. – Великий пилигрим (Три встречи с Л.Н. Толстым). – Разговоры с Толстым. Максимум и государственность. – О Толстом. – К десятилетию смерти Л.Н. Толстого.

Т. 50: с. 121-124, 201-204: Письма. 1879-1887.

Евгеньев А. Л.Н. Толстой и В.Г. Короленко в борьбе с голодом // Вестник литературы, 1921, №8. – С. 6-8.

Брейтбург С.М. Толстой и Короленко/ Былое, 1925, №3. – С. 108-112.

Фёдоров Б. Короленко и Толстой / Фёдоров Б. Из ранних дневников В.Г. Короленко. – М.: Современные проблемы, 1925. – С. 51-61.

Апостолов Н.Н. Л.Н. Толстой и В.Г. Короленко / Апостолов Н.Н. Лев Толстой и его спутники. – М., 1928. – С. 232-242.

Дело В.Г. Короленко. (О «Посмертных записках старца Фёдора Кузьмича» Л.Н.Толстого) / Дооктябрьская «Правда» об искусстве и литературе. – М., 1937. – С. 163-165.

Бялый Г.А. В.Г. Короленко. – М.-Л.: Гослитиздат, 1949. – С. 3, 12, 101-103, 160-161, 236, 316, 317-344, 338, 354.

Булгаков В.Ф. Лев Толстой в последний год его жизни. (Дневник) / Л.Н. Толстой в воспоминаниях современников. – Т.2. – М.: Гослитиздат, 1955. – С. 304-308.

Бартенева В.А. Короленко о Льве Толстом // Уч. зап. Ивановского пед. ин-та, 1962. – Т. 29. – С. 151-168.

ТОЛСТОЙ и ГОРЬКИЙ

Л.Н. Толстой. Полн. собр. соч. – В. 90 т. – Т. 54, 55, 57, 58, 72. – М.: ГИХЛ, 1933 – 1937. (О Горьком см. по указателю имён).

Л.Н. Толстой. Переписка с русскими писателями. – М.: Гослитиздат, 1962. – С. 649-656. (Переписка Толстого с М. Горьким. 1889-1905).

М. Горький. История русской литературы. – М.: Гослитиздат, 1939. – С. 184-187, 215, 224, 277-296.

М. Горький. Собрание сочинений. – В 30 т. – Т. 14, 15, 17, 23, 24, 26, 28-30. М.: Гослитиздат, 1951-1955 (Ин-т мировой литературы).

Т. 14: Лев Толстой. О С.А. Толстой.

Т. 15: Люди наедине сами с собою.

Т. 17: В.И. Ленин.

Т. 23: Заметки о мещанстве.

Т. 24: Разрушение личности.

Т. 26: Беседы с молодыми ударниками.

Т. 28-30: Письма к Л. Толстому и другим лицам о Толстом. См. именной указатель в т. 30.

Луначарский А.В. Толстой и Горький / Л.Н. Толстой в русской критике: Сб. статей. – М.: Гослитиздат, 1960. – С. 476-488.

Хорош М. Толстой о Горьком // На лит. посту, 1928, №10. – С. 26-32.

Шохор-Троцкий К.С. Л.Н. Толстой и М. Горький / М. Горький в Нижнем Новгороде. – Нижний Новгород, 1928. – С. 186-200.

Бурсов Б.И. Максим Горький и Лев Толстой // Звезда, 1937, №6. – С. 171-178.

Мышковская Л. Горький и Толстой // Лит. учёба, 1937, №6. – С. 220-224.

Тройнов В. Горький о Льве Толстом: Из воспоминаний современника // Лит. газета, 1937, 26 августа. – С. 4.

Сергеенко П.А. Записи высказываний Л.Н. Толстого о литературе и искусстве 1900-1906 г.г. // Лит. Наследство, 1939. – Т. 37-38. – С. 544-548, 552, 557, 561-562.

Брейтбург С. Полемика Горького с Толстым о драме // Театр, 1940, №6. – С. 108-117.

Успенский И.Н. Горький о Толстом / Лев Николаевич Толстой/ Сб. статей и материалов. – М.: АН СССР, 1951. – С. 98-188.

Пиксанов Н.К. Горький и Толстой // Вест. Ленинградского ун-та, 1954, №6. – С. 81-101.

Резников Л. Горький и Толстой // Днестр: Лит.-худ. альманах. – Кишинёв, 1954. – С. 175-202.

Абкина Н.Д. Очерк А.М. Горького «Лев Толстой» // Уч.зап. Горьковского ун-та, 1956. – Вып. 29. – С. 121-131.

Гречнев В.Я. Литературный портрет М. Горького «Лев Толстой» / Вопросы советской литературы. – Т. 7. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1958. – С. 413-436. (Институт русской литературы).

Барахов В.С. Очерк «Лев Толстой» / Горьковские чтения. 1953 – 1957. – М.: Изд-во АН СССР, 1959. – С. 170-199.

Касторский С.В. Л. Толстой и М. Горький // Рус. лит-ра, 1961, №2. – С. 108-120.

Пиксанов Н.К. Толстой и Горький: Личные, идейные и творческие встречи // Уч. зап. Горьковского ун-та. 1961. – Т. LVI (Л. Толстой). – С. 5-36.

ТОЛСТОЙ и ВЕРЕСАЕВ

Толстой Л.Н. Записи. 1902. («На повороте». – «Конец Андрея Ивановича») / Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. – В 90 т. – Т. 54. – М.: ГИХЛ, 1935. – С. 126, 265.

Грызлова Т.К. В.В. Вересаев о Л.Н. Толстом / Лев Толстой: Материалы и публикации. – Тула, 1958. – С. 163-176.

ТОЛСТОЙ и БУНИН

И.А. Бунин. Из переписки // Новый мир, 1956, №10. – С. 197-199.

И.А. Бунин. Толстой / Бунин И.А. Собр. соч. – Т.5. – М.: Правда, 1956. – С. 282-289.

Чуковский К. Наши гости // Одесские новости, 1902, 28 дек. – С.3. (Бунин о М. Горьком и Л. Толстом).

Михайлов О. Проза Бунина // Вопросы литературы, 1957, №5. – С. 143-147, 150-153.

Михайлов О. Бунин и Толстой // Л.Н. Толстой / Сб. статей о творчестве. – Т. II. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1959. – С. 203-216.

Бабореко А.К. Бунин о Толстом / Яснополянский сб. Год 1960. – Тула: Кн. изд-во, 1960. – С. 129-147.

Опунская Л.Д. Толстой и русские писатели конца XIX – начала XX века / Лит. наследство, 1961. – Т. 69, кн. I. – С. 118-121.

Бонами Т. Художественная проза И.А. Бунина. 1887 – 1904. – Владимир: Кн. изд-во, 1962. – С. 16-19.

ТОЛСТОЙ и КУПРИН

Л.Н. Толстой. Полн. собр. соч. – Т. 57, 58, 74, 76. – М. – Л.: Гослитиздат, 1934 – 1956. (Тт. 57-58: Дневниковые записи 1909 – 1910; Тт. 74, 76: Письма с отзывами о Куприне – 1903, 1905).

[Толстой о рассказах Куприна «Ночная смена» и «Allez!»] / И.Е. Репин и Л.Н. Толстой. – Т. II: Материалы. – М. – Л.: Искусство, 1949. – С. 81-82.

Л.Н. Толстой в воспоминаниях современников. – Т. II. – М.: Гослитиздат, 1955. (Куприн в оценке Толстого: Булгаков В.Ф. Лев Толстой в последний год жизни. (Дневник). – Гусев Н.Н. Два года с Л.Н. Толстым. (Дневник). – Елпатьевский С.Я. Воспоминания о Л.Н. Толстом. – Маковицкий Д.П. Яснополянские записки. – Сергеенко П.А. Записи. – Чертков В.Г. Записи.).

А.И. Куприн. О том, как я видел Толстого на пароходе «Св. Николай» / Куприн А.И. Собр. соч. – Т. 3. – М.: Гослитиздат, 1953. – С. 546-549.

Вержбицкий Н. Встречи с Куприным // Звезда, 1957, №5. – С. 131, 133.

Никулин Л. Куприн и Бунин // Октябрь, 1958, №7. – С. 208-211.

Плоткин Л.А. А.И. Куприн / Плоткин Л.А. Литературные очерки и статьи. – Л.: Сов. писатель, 1958. – С. 432 – 433, 436, 439.

Гольденвейзер А.Б. Вблизи Толстого. – М.: Гослитиздат, 1959. – С. 238-239, 273, 303, 306. (Куприн в оценке Толстого).

Опульская Л.Д. Толстой и русские писатели конца XIX – начала XX века / Лит. наследство, 1961. – Т. 69, кн. I. – С. 116-118.

ТОЛСТОЙ и АНДРЕЕВ

Л.Н. Толстой. Переписка с русскими писателями. – М.: Гослитиздат, 1962. – С. 663-668. (Переписка Толстого с Андреевым. 1901 – 1908 гг.).

Л.Н. Толстой. Дневники и записные книжки/ Толстой Л.Н. Полн. собр. соч. – В. 90 т. – Т.57. – М.: Гослитиздат, 1952. – С. 149-152. (Отзывы о творчестве Андреева).

Л.Н. Толстой в воспоминаниях современников. – Т. I. – М.: Гослитиздат, 1955. – С. 358-359; Т. II. – М.: Гослитиздат, 1955. – С. 200, 219, 224-225, 234, 293-295. (Толстой об Андрееве: т. 1 – *Семёнов С.Т.* Воспоминания о Л.Н. Толстом; т. 2 – *Нестеров М.В.* Письма о Толстом; *Гусев Н.Н.* Два года с Толстым; *Булгаков В.Ф.* Л. Толстой в последний год его жизни.).

Библиотека Л.Н. Толстого в Ясной Поляне. – М.: Советская Россия, 1958. – С. 17-23. (Пометы Толстого на книгах Андреева).

Миртов О. [Котылёва О.Э.]. Война в произведениях Толстого, Гаршина и Андреева / Образование, 1905, №10, отд. I. – С. 16- 32.

Амфитеатров А. Л. Андреев – графиня Толстая / Амфитеатров А. Литературный альбом. – Пг., 1907. – С.97-116.

Потёмкин А. Л. Андреев о Толстом. (Беседа с Л. Андреевым // Петерб. газета, 1908, 28 авг. – С. 2).

Вартанян В. Л.Н. Толстой и Л. Андреев (как идеологи трудящихся классов). – Баку, 1909. – 34 с.

Мистер Рей [Раевский С.С.]. Л. Андреев у Л.Н. Толстого [Интервью] // Утро России, 1910, 29 апр. – С.2.

Гроссман Л. Беседы С. Л. Андреевым // Россия, 1925, №4 (13). – С. 245-246.

Белоусов И.А. Литературная среда: Воспоминания, 1880 – 1928. – М.: Никитинские субботники, 1928. – С. 163-164.

Варшавский С. Л.Н. Толстой и русско-японская война // Лит. современник, 1934, №1. – С. 147-151; №4. – С. 143-163; (Пацифизм Андреева и Толстого).

Гольденвейзер А.Б. Вблизи Толстого. – М.: Гослитиздат, 1959. – С. 114, 349. (Толстой о творчестве Л. Андреева).

СОДЕРЖАНИЕ

Глава III. Лев Толстой и русская литература XIX века (2-я половина)	3
3. Толстой и Островский	3
4. Толстой и Тютчев	11
5. Толстой и Фет	17
6. Л.Н. Толстой и А.К. Толстой	53
7. Толстой и Салтыков-Щедрин	57
8. Толстой и Лесков	69
9. Толстой и Глеб Успенский	84
10. Толстой и Гаршин	90
11. Толстой и Чехов	95
12. Толстой и Короленко	110
Глава IV. Лев Толстой и русская литература конца XIX – начала XX веков	116
1. Толстой и Горький	116
2. Толстой и Вересаев	125
3. Толстой и Бунин	126
4. Толстой и Куприн	129
5. Толстой и Андреев	132
Заключение	135
Примечания	143
Библиография	146
Литература	147